

	Название статьи	Страницы	Цит.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ			
☐	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К ИСТОРИИ ВОПРОСА ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ Петраков Н.Я.	7-16	2
☐	РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ Полтерович В.М.	17-29	60
☐	ЧАСТОТА И ИНТЕНСИВНОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ СПИСКОВ КОМПАНИЙ В ИНДЕКСАХ ДООУ-ДЖОНСА И РТС: РАЗЛИЧИЯ И АНАЛОГИИ Андрукович П.Ф.	30-50	2
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА			
☐	ПРОТИВОРЕЧИЯ КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ФИНАНСОВ Сергеев Л.И.	51-59	1
☐	ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ СРЕДНЕЙ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ Максимовская Н.В., Стаценко Е.А.	60-67	1
☐	ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ - МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА Реут Д.В.	68-78	3
☐	ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К ПРОГНОЗУ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ: ТЕОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ Берова Ф.Ж., Ашабоков Б.А.	78-88	2
☐	ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ФОНДОВЫЙ РЫНОК Тарарина Е.С.	88-94	1
☐	ЕЗДИТЬ НЕЛЬЗЯ ПЛАТИТЬ ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ АВТОТРАНСПОРТА Ховавко И.Ю.	94-106	0
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ			
☐	ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (ОБЗОР ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ) Чекмарёв В.В.	107-111	0
☐	О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ДИСКУССИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ НАУК Лившиц В.Н., Никонова А.А.	112-116	0
☐	СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Мартишин Е.М.	117-122	2
КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ, СЕМИНАРЫ, КОНКУРСЫ			
☐	XIII АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА»	123-125	0
☐	ТРИНАДЦАТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»	125-127	0
☐	V ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	127-128	0
КНИЖНАЯ ПОЛКА			
☐	РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ МЕЗОЭКОНОМИКИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «МЕЗОЭКОНОМИКА РАЗВИТИЯ») Петраков Н.Я.	129-132	0
ЮБИЛЕИ			
☐	АКАДЕМИКУ АЛЕКСАНДРУ ДМИТРИЕВИЧУ НЕКИПЕЛОВУ - 60 ЛЕТ	133-134	0
☐	АКАДЕМИКУ НИКОЛАЮ ЯКОВЛЕВИЧУ ПЕТРАКОВУ - 75 ЛЕТ	134-136	0
☐	ГАРРИ ГАЙКОВИЧУ АЗГАЛЬДОВУ - 80 ЛЕТ	136-137	0

*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

К ИСТОРИИ ВОПРОСА
ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ
ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Н.Я. Петраков

Приведена периодизация развития российской экономики начиная с конца XIX в. по настоящее время. Анализируются изменения, имевшие место на этом историческом интервале в российском обществе и экономике. Выделены структурные особенности российской экономики, а также такие дестабилизирующие факторы, действующие в российском обществе последние два десятилетия, как имущественное расслоение населения, спад инвестиционной активности, повышенная степень аварийности технологического оборудования и т.п. Констатируется, что ни одна из диспропорций, унаследованных от сталинского режима (гипертрофия военно-промышленного комплекса и сырьевых отраслей, плачевное состояние сельского хозяйства и т.п.), до сих пор не только не преодолена, но и не смягчена.

Ключевые слова: устойчивое развитие, стабилизация экономики, структурные диспропорции.

Общая теория устойчивого развития не требует для ее понимания на уровне здравого смысла никаких специальных знаний. Чтобы чувствовать себя уверенно, отдельному человеку или обществу нужно примерно одно и то же. Необходимо так организовать свое поведение, чтобы минимизировать зоны повышенного риска, по возможности «расшить» узкие места, мешающие фронтальному продвижению к поставленным целям, локализовать сферы непредсказуемого поведения или попытаться сделать их предсказуемыми и, наконец, создать условия для обретения уверенности в завтрашнем дне (запасы на «черный

© Петраков Н.Я., 2011 г.

день», наличие надежных партнеров, включение в систему взаимного страхования и т.п.).

Так что понять общую философию (логику) формирования устойчивого состояния объекта в окружающей среде не представляет труда. Сложнее другое – реализовать поведение объекта в соответствии с этой логикой. И трудности здесь носят объективный характер. Мы уже отмечали, что чрезвычайно важным (а иногда решающим) моментом в выборе стратегии поведения объекта в этом непросто мире является мера риска, на которую этот объект внутренне согласен. Идете ли вы на экзамен, выучив один билет и свято веря в свою счастливую звезду, или зубрите весь учебник от корки до корки, или пытаетесь понять внутреннюю основу изучаемой области науки, а дальше надеетесь на свою интуицию и способность ориентироваться в неожиданных ситуациях, – согласитесь, все это совершенно разные типы поведения с точки зрения принимаемой степени риска.

Пока проблема не выходит за рамки сферы индивидуальной психологии, мы вольны субъективно восхищаться (или возмущаться) бесшабашностью (тоже субъективной) разного рода авантюристов и «коммунаров, штурмующих небо».

Однако когда речь идет о развитии социально-экономической системы, то выбор меры риска – это одновременно (и зеркально) выбор темпов роста. Можно все ресурсы бросить на стабилизацию, минимизировать все возможные и придуманные риски (подобно чеховскому человеку в футляре), но при этом законсервироваться, самоизолироваться от внешней информации и в конечном счете потерять «вкус к развитию». Такая стратегия поведения напоминает беспроигрышную, но и безвыигрышную игру в рулетку, когда игрок ставит половину денег на чет, а половину – на нечет. (Подвести его может только zero.)

Альтернативой такой свехосторожности является ва-банковская стратегия поведения.

Понятно, что разумная социально-экономическая политика должна располагаться где-то между двумя этими крайностями.

Истина всегда посередине. Экстремизм, как и боязнь любых рисков, приводит к абсурдным решениям, является катализатором процессов, разрушающих систему.

Мировая история дает многочисленные примеры государственных и межгосударственных образований, стремившихся и стремящихся к устойчивому, сбалансированному развитию. Иногда они впадали в стагнацию и оказывались беспомощными под ударами внешних сил (зачастую очень слабыми). В других случаях удавалось оптимально сочетать факторы стабилизации и интенсификации. Не хочу приводить исторические примеры, чтобы не отбивать хлеб у моих коллег историков. Но что касается России, то здесь есть предмет для конкретного разговора.

Россия – страна, вырабатывавшая, выбиравшая свою стратегию развития в течение нескольких веков. Выбор этот своеобразен, по существу нерационален и консервативно зациклен в своих переходах от социальной всеядности к полному неприятию социального консенсуса; по форме разрушителен или, по меньшей мере, неконструктивен.

Все это потому, что выбор России – это выбор предельно рискованного типа социально-политического развития.

Только в течение одного столетия – XX в. – Россия трижды имела возможность экономического, социального и геополитического взлета, и трижды она ставила все или на упрямство власть имущих слоев, или на идеологические фетиши революционеров-экстремистов, или на доведенные до абсурда идеи либерализма, иными словами, на отчаянное русское «авось», на русскую рулетку с одним, но почему-то обязательно роковым для России патроном в барабане револьвера истории.

Первая возможность возникла в самом начале века и закончилась катастрофой 1917 г.; вторая – между 1956 (хрущевская оттепель) и 1968 г. (пражская весна) – была бездарно разменяна на лозунги чистоты марксизма-ленинизма и недопустимости так называемого рыночного социализма; а третья «счастли-

вая карта» в образе победившей демократии по невообразимому стечению обстоятельств обернулась «пиковой дамой» почти полной деградации национальной экономики России.

Чтобы не быть голословными, проведем небольшой историко-экономический экскурс.

Период 1887–1913 гг. до сих пор, считается «золотым веком» российской экономики. Никогда – ни до, ни после этого короткого исторического отрезка – Россия не развивалась столь стремительно. Прирост промышленной продукции в неизменных ценах за период 1900–1913 гг. составил 74,1%. За пятилетие 1908–1912 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием производство пшеницы возросло на 37,5%; ячменя – 62,2; кукурузы – 44,8%. В 1890 г. в стране было 26,6 тыс. верст железных дорог, в 1915 г. – 64,5 тыс. (Геллер, Некрич, 1989, с. 10 – 11).

Русское экономическое «чудо» ничем не уступало американскому и не имело в то время аналогов в Европе, а тем более в Азии. Начало XX в. предвещало России процветание страны и благоденствие ее граждан. Но при одном условии: нельзя было безоглядно делать ставку на максимальный хозяйственный рост. Необходимо было выделять весомую часть средств на поддержание социальной стабильности. Этого сделано не было. Более того, правящие слои российского общества и молодая буржуазия (первые «новые русские») самым активным образом сопротивлялись любым социальным и экономическим поблажкам населению (как сказали бы теперь – отвергали популизм и дешевое заигрывание с массами). Дело доходило до абсурдных эпизодов. Так, в 1912 г. Союз российских промышленников пригрозил исключением из своих рядов тем заказчикам, которые попытаются ввести на своих предприятиях восьмичасовой рабочий день.

Удручающей была картина динамики реальной заработной платы в промышленности. Вот свидетельство выдающегося русского исследователя народного хозяйства С.Н. Прокоповича: «За 13 лет с 1900 по 1913 г. реальная заработная плата русского рабочего

повысилась только на 11,7%, причем главный подъем ее имел место в революционные 1904–1906 гг., а затем она не только не росла, но даже падала, хотя и незначительно. На такую низкую заработную плату рабочих не мог содержать семью; поэтому семья его в большинстве случаев жила в деревне, на земле, а рабочий с 18–20 лет до 45–50, когда он возвращался окончательно в деревню доживать свой век, жил в городе бобылем, приходя к семье лишь изредка на побывку» (Прокопович, 1952, с. 65).

Такое положение вещей явилось мощным дестабилизирующим фактором общественного развития России. Причем волны дестабилизации распространялись по двум главным направлениям: экономическому и социально-политическому.

Что касается экономической стороны, то искусственное подавление платежеспособного спроса населения рождало асимметрию в развитии народного хозяйства, ограничивало рынки сбыта, а следовательно, и темпы роста производства потребительских товаров и услуг. Особенно это было заметно на примере текстильной промышленности. Профессор Л.Б. Кафенгауз, один из крупнейших авторитетов в истории российской и советской промышленности, по этому поводу писал: «Среди крупных отраслей нашей промышленности наиболее медленным темпом росла в течение периода капиталистической реконструкции текстильная промышленность. Низкий уровень и медленный рост производства тканей является одной из наиболее существенных черт развития нашей промышленности в этот период.

Отрасль, развитие которой больше, чем какая-либо отрасль, зависит от уровня и роста доходов всего населения, была ограничена в своем росте... слабым ростом спроса»¹ (Кафенгауз, 1994, с. 55).

¹ Удивительно, как в годы социалистической индустриализации большевики повторили ту же самую стратегическую ошибку в развитии экономики России, усугубив структурную диспропорцию между

Не менее интересна и поучительна социально-политическая сторона рассматриваемого дестабилизационного процесса. Россия наращивала экономический потенциал, совершенно не заботясь о росте доходов своих граждан. Это толкало последних на организацию различного рода протестов против работодателей и в конечном счете на политические выступления. Возглавила эту борьбу, как известно, только формирующаяся интеллигенция.

К сожалению, сейчас мало кто вспоминает, что среди политически активных интеллигентов начала XX в. были распространены две взаимоисключающие установки на цели политической борьбы. Одна наиболее значительная и прагматически настроенная часть интеллектуалов считала главной своей задачей смягчение, а впоследствии и полную ликвидацию возникшего в России дисбаланса между высокими темпами индустриального развития и крайне медленным увеличением жизненного уровня населения и его платежеспособности. Делалась ставка на изменение экономических условий жизни и работы наемных работников (введение восьмичасового рабочего дня, установление оплаты труда в соответствии с реальной стоимостью рабочей силы, организация цивилизованного рынка труда, пенсионное обеспечение и иные социальные гарантии). Иными словами, это была борьба за создание партнерских отношений между крупным капиталом и широкими общественными слоями трудящихся (включая не только рабочих, но и инженеров, учителей, врачей, работников науки и высшей школы). Естественно, борьба за экономические права предполагала действия только в рамках закона.

Этой позиции противостояла небольшая группа экстремистов (большевики, анархисты, позже левые эсеры), которые утверждали, что никакого «союза труда и капитала» быть не может, что для удовлетворения даже самых минимальных экономических и социальных

тяжелой и легкой промышленностью, но под иным идеологическим прикрытием.

требований трудящиеся должны разрушить всю общественную систему «до основания». Это был призыв к взрыву, к хаосу, из которого «новые боги» за семь или чуть больше дней построят новый мир. Программа большевиков как типичных политических экстремистов состояла в те годы из набора «мероприятий» по максимальной дестабилизации общества и экономики, или, пользуясь терминологией конца 1980-х – начала 1990-х гг., «раскачиванием лодки» до полного опрокидывания ее вверх дном.

Экстремизм – явление, широко известное во всем мире. Он присутствует в политическом спектре почти всех стран. Однако в цивилизованных государствах экстремисты почти всегда политические аутсайдеры (исключение – Италия, Германия, отчасти Испания 1920-х – первой половины 1940-х гг.). В России же экстремисты, сменяя идеологические знаки различия, продержались у власти практически весь XX в. Почему? Что касается начала века, то ответ на этот вопрос очевиден. Экстремисты пришли к власти, потому что правящий слой российского общества в лице аристократии и новой буржуазии полностью отверг все предложения пойти на экономические и социальные компромиссы. Борьба за социальную справедливость и экономические права, проводимая ненасильственными методами здравомыслящей частью интеллигенции, встретила столь резкое и циничное отторжение первых «новых русских», что идея социального партнерства была в России полностью скомпрометирована. Ленин оказался прав: россияне – люди генетически рисковые, ва-банковая стратегия, русское «авось», смертельная рулетка лежат в основе национальной стратегии развития, коль скоро стратегию эту определяют политики с психологией временщиков. Ленин, тщательно изучивший процессы развития капитализма в России, как никто другой понимал, что «скоробогатый», быстро сделавший свое состояние, имеет психологию временщика уже потому, что далеко не всегда понимает, почему вдруг пошел такой «фарт», а с другой стороны, животное боится, что все

отберут, конфискуют, украдут. Люди с такой психологией на компромисс не пойдут. А коль скоро так, то лозунг «грабь награбленное», или по-иностранному (чтоб ласкало ухо) «экспроприация экспроприаторов», становится весьма популярным. И экстремизм побеждает. И побеждает он благодаря тупости и алчности нуворишей. Такова наша российская история начала XX в. Консерватизм царизма², помноженный на опьянение легкими и быстрыми деньгами «деловых людей», взорвал российский социум в 1917 г.

Общественный прогресс привел к самоуничтожению общества из-за нежелания (и непонимания) необходимости инвестировать в стабилизирующие факторы. А. Богданов, автор «Всеобщей организационной науки (тектологии)», любил говорить: «Скорость движения армии определяется скоростью движения обоза». Это было впервые сказано в 1908 г. И в этом слышится что-то пророческое, если вспомнить польскую кампанию Красной армии в Гражданскую войну.

Но вернемся к экономике России и одновременно перенесемся в постсталинский период.

После смерти Сталина Советский Союз представлял собой экзотическую картину. С одной стороны, огромный вес и соответственно влияние в мировой политике, с другой – внутренняя структурная несбалансированность экономики. Отсюда главное противоречие: великая держава с нарастающим отставанием по всем социальным стандартам жизни своих подданных от других не только великих, но и просто цивилизованных стран. Сталин снимал это противоречие с

² Консерватизм царизма выразился в экономической области в первую очередь в том, что столыпинские реформы были заторможены, а их автор убит охранкой невзирая на высокий государственный пост. Связь российского консерватизма с экстремизмом прекрасно выразил Л. Троцкий, отметивший, что «если бы реформа Столыпина была завершена, русский пролетариат не смог бы прийти к власти в 1917 г.».

наивностью политического пахана: создавал железный (информационный) занавес между двумя системами. Это было дорого, но, главное, бесперспективно, если учитывать направления научно-технического прогресса и прежде всего начавшуюся именно после Второй мировой войны революцию в области информатики. Но предвидение этих процессов было недостижимо для интеллекта Сталина, обращенного своим острием в опыт средневековья.

На Хрущева свалилось тяжелое наследство (впрочем, как мы все знаем, не свалилось, а было захвачено в смертельной схватке с другими царедворцами, каждый из которых, включая победителя, не имел никакого представления о реальных проблемах страны, но понимал, как вкусна власть).

В экономической сфере (о политической, идеологической, межнациональной написано много) деструктивные элементы сводились к четырем крупным блокам.

1. Гипертрофия военно-промышленного комплекса. Геополитические амбиции Советского Союза привели к фантастическому разрастанию всех отраслей производства, которые прямо или косвенно были связаны с содержанием армии или обслуживанием процессов создания и тиражирования военной техники.

2. Диспропорция между развитием сырьевых и обрабатывающих отраслей промышленности. Низкий технический уровень последних обусловил необходимость большого расхода первичных ресурсов на единицу конечной продукции (в 5–6 раз больше, чем в развитых странах Запада).

3. Катастрофическое состояние сельского хозяйства по всем мыслимым параметрам: производительность труда, уровень жизни сельского населения, степень механизации, электрификации, развития транспортной инфраструктуры и т.д.

4. Убогое состояние промышленности, производящей предметы массового спроса населения, сферы бытовых услуг, а также здравоохранения, образования, пенсионного

обеспечения и других форм социальных гарантий жизни граждан.

Эти деформации производственной структуры, накапливавшиеся годами под действием таких катализаторов, как социалистическая индустриализация, коллективизация, Вторая мировая, а затем холодная война, превратили советскую экономику в систему, мало способную к динамичному развитию, имеющую такое количество узких мест и критических точек, что ее выживание без развязывания третьей мировой войны находилось под большим сомнением.

Конечно, был шанс (скорее теоретический) реструктуризации советской экономики в тот период. Но для этого надо было, во-первых, резко изменить внешнеполитическую и военную доктрины. Но ни один лидер «сталинского разлива» (а иных не было) не мог даже этого представить в условиях, когда страна вышла на передовые рубежи в области ракетостроения. Во-вторых, следовало кардинально переориентировать инвестиционную политику на ускоренное развитие потребительского сектора. В-третьих, на базе наукоемких производств, целиком сконцентрированных в военно-промышленном комплексе, необходимо было начать создание высокотехнологичного экспортного сектора гражданской экономики.

Правящая партийная верхушка страны в силу своего ничтожного интеллектуального уровня, полной идеологической зашоренности ни на что подобное пойти не могла. Максимум экономического реформаторства составила целинно-кукурузная кампания. Лишь после ухода с политической арены Хрущева была предпринята попытка, оставаясь в рамках коммунистической идеологии, несколько реформировать механизмы управления экономикой на базе использования (весьма ограниченного) рыночных регуляторов (так называемые косыгинские реформы). Это был робкий шаг к созданию смешанной экономики, к практической реализации идей конвергенции. Советский экономический монстр на удивление чутко отреагировал на эти попытки

отступить от жесткого всепроникающего централизованного планирования. Экономические показатели развития народного хозяйства в 1966–1968 гг. заметно улучшились. Казалось бы, развивай реформы, шаг за шагом расширяй узкие места, устраняй зоны напряжения и повышенного риска срывов хозяйственной системы. Однако это все не для русского человека, особенно большевика. Кропотливая работа не для него. Тут же был создан образ врага в лице чехословацких коммунистов, забежавших в своих реформах на полметра вперед. Роль жандарма куда как привычнее, чем роль реформатора. Одной рукой «пражскую весну» задушили, а другой прихлопнули экономические реформы в своей стране. Об этой второй стороне победы реакционных сил в социалистическом лагере почти никто не говорил. Все были потрясены (и справедливо) танками на улицах Праги. Но идеологические гусеницы этих танков раздавили ростки российского реформаторства.

Однако идеологи не всеильны. Они, конечно, многое могут затормозить или ускорить, но лишь на очень ограниченном отрезке времени. Если экономика в кризисе, то заклинания фанатиков ее не спасут. Что же тогда продлило жизнь централизованному плановому хозяйству? Ответ прост – нефть и газ. Коммунисты в очередной раз «на халяву» получили подарок судьбы, выгащили счастливый билет. Открытие крупномасштабных запасов энергоносителей помогло продержаться одряхлевшей социально-экономической системе еще более двух десятилетий. Здесь как нельзя кстати «сыграл на СССР» и искусственно созданный на мировых рынках так называемый энергетический кризис, в основе которого лежало стремление установить монопольно высокие и, следовательно, выгодные для стран-производителей цены на нефть. К этому следует добавить и то, что ускоренное развитие капиталоемких производств, связанных с разработкой уникальных природных ресурсов, практически всегда требует (и это показывает опыт многих стран) государственной поддержки и централизации управления. Так

что загрузившие было идеологи планового хозяйства получили в эти годы своеобразный нефтегазовый допинг. Структурный кризис – эта хроническая болезнь российской экономики – в который раз была загнана внутрь.

Когда, наконец, советский социализм как господствующая идеологическая система рухнул, вновь затеплилась надежда на выход России из системного экономического кризиса. И эта надежда имела основания, поскольку одним из лозунгов новых российских реформ стал лозунг *стабилизации экономики*.

Однако весьма скоро выяснилось, что термин «стабилизация» понимался российскими реформаторами 1992 г. и последующих лет весьма своеобразно и крайне узко. Вся проблема устойчивого, умеренно рискованного развития с минимизацией вероятности кризисных срывов (узких мест), точек социальных и экономических перегрузок, вся эта комплексная и многоплановая задача выхода общества из тупика была сведена к так называемой финансовой стабилизации. Успех или неудачи политики финансовой стабилизации, если отбросить словесную шелуху, отслеживались по двум параметрам: темп инфляции и размер бюджетного дефицита. Уже само упрощение проблемы измерения оценки здоровья экономики, сведение ее всего к двум параметрам должно было насторожить. Это очень напоминает медицину раннего средневековья, когда температура и динамика веса тела больного были чуть ли не единственными индикаторами его состояния. Но при современном уровне развития фармакологии сбить температуру или обеспечить прибавку веса можно десятком способов, не имеющих, однако, никакого отношения к истинному лечению болезни.

Так оно и получилось. Финансовая стабилизация, понимаемая столь примитивно, а главное, оторванная от анализа других факторов, определяющих реальную социально-экономическую стабильность, стала предметом широких политических спекуляций. Серьезная экономическая проблема стабилизации была низведена до уровня языкового штампа в политической демагогии.

Однако экономика «равнодушна» к политическим ярлыкам. Есть действия (конкретная хозяйственная политика), и есть социально-экономический результат. Как бы ни назывались действия: «шоковая терапия», «демократические реформы», «стабилизационная политика», единственным критерием оценки может быть только экономический результат. Поэтому и реформаторская экономическая политика должна анализироваться с позиций реального выхода, а не априорно навешенных на нее политических лозунгов. Попробуем именно с этих объективных позиций посмотреть на результаты первого пятилетия реформирования российской экономики. При этом не будем забывать, что официальной целью реформ было преодоление скатывания российской экономики к хаосу, стабилизация на базе создания цивилизованного рыночного хозяйства и обеспечение устойчивого сбалансированного экономического роста. Пройти эти три этапа предполагалось сначала за год (1992). Потом каждый приближающийся новый год объявлялся годом грядущей стабилизации (т.е. годом выхода на второй этап). В связи с этим, если вспомнить традиции большевистских идеологов, считавших своим долгом дать название каждому этапу «строительства коммунизма», пятилетку 1992–1996 гг. можно назвать *пятилеткой непрерывно грядущей стабилизации*.

Итак, что же случилось за эти годы на самом деле?

В области производства произошли изменения, сопоставимые с военной катастрофой страны, потерпевшей жестокое поражение. Валовой внутренний продукт России в 1996 г. составлял, по официальным данным МВФ, Всемирного банка, ОЭСР, лишь 53% от уровня 1989 г. Инвестиционная активность в реальном секторе экономики сократилась втрое. Основной удар пришелся на высокотехнологичные сферы производства. Практически прекратили свое существование отрасли по производству станков с программным управлением, оборудования для средств связи и телекоммуникаций, бытовых телеви-

зоров, радиоприемников и вообще бытовой электротехники; были свернуты космические программы, в том числе и гражданской ориентации, прекратилось производство медицинского оборудования и т.д.

Все это произошло под предлогом неконкурентоспособности этих и аналогичных им производств, а также невозможности оказать бюджетную поддержку в деле их модификации. Конечно, японские телевизоры лучше российских, возможно даже, что они лучшие в мире. Но чтобы их покупать, надо что-то продавать. Что же может продать Россия? Как и 20 лет назад: нефть, газ, алмазы, золото, лес. Иными словами, только невозпроизводимые сырьевые ресурсы, обладающие неприятным свойством истощаться. А если бы этими ресурсами бог Россию не одарил? Страна либо сидела бы без телевидения вообще, либо все-таки производила свои, пусть хуже «соневских», телевизоры и телекамеры и думала, как выйти на новый уровень качества продукции. Значит, палочка-выручалочка у реформаторов та же, что и у большевиков. Только они на нефтедоллары строили ракеты и Белый дом, а реформаторы закупают сникерсы, памперсы и восстанавливают храм Христа Спасителя.

О какой же стабилизационной политике может говорить правительство, уничтожающее своего национального товаропроизводителя?

Другим дестабилизирующим фактором общественной жизни России стало фантастическое расслоение населения на богатых и бедных. Шоком для граждан России явилось все: во-первых, сам факт появления и открытой демонстрации контрастов, во-вторых, скорость, с которой это расслоение произошло, и, в-третьих, необъяснимость причин богатства одних и бедности других (во всяком случае, в рамках рационального мышления). К этому вопросу мы еще вернемся в другом контексте. Здесь же хотелось бы обратить внимание читателя только на несколько цифр. Соотношение в уровнях среднедушевого дохода 10% наиболее богатого населения и 10% наиболее бедного составляло в дореформен-

ном 1991 г. 5,4 раза; в 1992 г. – уже 8,7; а к концу 1993 г. – 11,4 раза и т.д. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в 1991 г. составляла 17 млн человек (11,7% общей численности населения), а к декабрю 1992 г. – уже 42 млн (28,2%). Но, может быть, это необходимые издержки «шоковой терапии», после которой больной быстро идет на поправку? Ничего подобного. В 1997 г., по данным Госкомстата России, 30,7 млн граждан (21%) имели доходы ниже минимума. То есть живущих за порогом бедности после пяти лет реформ все еще почти в 2 раза больше, чем при коммунистическом режиме. Что касается разрыва между бедностью и богатством, то итогом «пятилетки непрерывно грядущей стабилизации» явилось то, что в 1997 г. на долю 10% самых богатых граждан приходилось 31,7% всех денежных доходов населения, а на долю 10% самых бедных – 2,4%. Так что можно с уверенностью констатировать достижение стабильной социально-экономической нестабильности.

Одним из показателей дестабилизации социально-экономической системы выступает степень аварийности, т.е. вероятность возникновения срывов в системе, сначала на микроуровне, а потом, по мере накопления мелких аварийных ситуаций, переход нестабильности на следующий, более высокий уровень. По этому показателю социально-экономическую систему, расположенную на территории бывшего СССР, можно отнести к зоне перманентно нарастающей аварийности. Причина всего одна – нет денег на профилактику, на предупредительные текущие ремонты, все устаревает, амортизационные фонды либо не начисляются в необходимых размерах, либо используются не по назначению. После трагедии на Сахалине выяснилось, что с 1991 г. в стране было закрыто 52 сейсмические станции, в 5 раз снизилась точность определения масштабов землетрясений.

Можно было бы занять десятки страниц перечислением аварий, вызванных несвоевременным выделением средств на их предотвращение. Это и взрывы на нефте- и газопро-

водах, и разливы нефти в результате аварий танкеров, и железнодорожные катастрофы, и критически возросшая аварийность на российских авиалиниях, и отключение теплосетей в целых микрорайонах больших мегаполисов... Поэтому позволим себе дать только одну зарисовку, вернее, фотографию одного месяца (с 1 по 30 апреля 1997 г., Россия): количество чрезвычайных ситуаций за один месяц – 130, пострадавших – 10 497 человек, погибших – 147 (см.: (Известия, 1997)). Более четырех чрезвычайных ситуаций на общероссийском уровне в день – это, конечно, впечатляет. Но больше всего впечатляет то, что эти ситуации не возникли бы, если бы в соответствии с техническими условиями проводились все необходимые профилактические работы. И этот момент хотелось бы подчеркнуть особо. Статистические данные свидетельствуют, что экономия на текущем ремонте оборачивается расходами на ликвидацию аварий, превышение которых над затратами на профилактику исчисляется в среднем в размере 10^6 , а при авариях, связанных с выбросом нефти и отравляющих веществ, – 10^{10} – 10^{12} . Иными словами, сэкономишь рубль на профилактическом ремонте, потеряешь десятки миллионов рублей на ликвидацию аварии. И чем больше сэкономишь на текущем ремонте и тут, и там, тем больше вероятность наступления момента, когда «все посыпется», т.е. аварии пойдут одна за другой и уже не хватит никаких средств, никаких резервов, чтобы скомпенсировать ущерб от последствий аварийных ситуаций.

Если система управления общественной системой мгновенно не отреагирует на возникшие симптомы распада резким увеличением инвестиций в стабилизирующие звенья системы, то начинается нарастание вероятности срыва сначала в уже обозначившихся узких местах, затем в геометрической прогрессии растет количество самих этих мест. Экономика и общество оказываются в состоянии катастрофы. При этом надо различать две реальные ситуации: система находится в предкатастрофическом состоянии и катастро-

фа уже состоялась, т.е. система распалась. Первая ситуация означает, что ва-банковская политика привела к такому уровню накопления дестабилизационного потенциала в системе, при котором у нее нет достаточных внутренних ресурсов, чтобы погасить нарастание рисков срыва. Вероятность неблагоприятной реализации последних приближается к единице. Иными словами, при нарастании вероятности одновременного наступления большого числа срывов в системе она может оказаться перед фактом острой нехватки средств для ликвидации срывов. Тогда и начинается распад, атомизация социально-экономической системы. Ва-банковская политика, русское «авось» приводят к разрушению иммунной системы общества, ликвидируют его внутренние адаптационные механизмы.

Реформы, во всяком случае на первом пятилетнем интервале, показали, что их внутренняя цель состояла отнюдь не в стабилизации экономической системы, не в преодолении структурного кризиса, а в чем-то другом. Не будем фантазировать, в чем.

Важно, что не состоялось. К сожалению, ни одна из диспропорций, унаследованных от сталинского режима, не была преодолена или хотя бы смягчена.

Гипертрофия военно-промышленного комплекса не переросла в поэтапную программу конверсии. Эту программу бросили на произвол судьбы (опять русское «авось») и в плане идейном (разработка концепции), и в плане материальном (нахождение источников финансирования).

Гипертрофия сырьевых отраслей относительно перерабатывающего комплекса усилилась многократно из-за слабой, но все-таки экспортотенции первых и полной экспортотенции второго.

Сельское хозяйство оказалось в положении супераутсайдера. Ведущее место в производстве картофеля, овощей, фруктов, бахчевых культур заняли так называемые подсобные хозяйства, т.е. маленькие приусадебные наделы (2–4 сотки). В производстве зерновых культур (пшеница, рожь, ячмень и др.)

пальму первенства, естественно, продолжали сохранять бывшие колхозы/совхозы, ныне – АО. Общий объем сельхозпродукции упал на треть.

Производство товаров народного потребления сократилось в 4–5 раз. Особенно тяжелый кризис обрушился на обувную, хлопчатобумажную, кондитерскую промышленность. Рухнула сфера услуг. Почему-то все крупные города России остались в одночасье без официальных услуг такси, прачечных, междугородной телефонной связи и почты. Идеологически и практически капиталистическая система не отвергает этих услуг (только плати). Но в России переход к рынку почему-то увязали с полным развалом системы коммунальных услуг, хотя при этом не забыли многократно повысить цены и тарифы на них.

Убогость экспортного сектора российской экономики после развала восточно-европейского союза стала утрированной. Экспорт машин и оборудования в страны Восточной Европы мгновенно прекратился отчасти потому, что он был навязан политической волей СССР, а отчасти из-за амбиций стран Восточной Европы, возмнивших, что их продукцию можно эффективно сбыть на мировых рынках. Даже если наши предположения могут быть поставлены под сомнение, неопровержим следующий факт: структура российского экспорта стала еще более сырьевой, причем одиозно сырьевой – буквально два-три товара определяют все. О какой стабильности здесь можно говорить?

Таким образом, реформаторы не только не захотели решить проблемы структурного дисбаланса советско-российской экономики (может быть, просто не заметили этой проблемы по причине своего «профессионализма»), но за годы реформаторства целенаправленно эти проблемы обострили.

Литература

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон, ОРІ, 1989.

Известия. 1997. 7 мая.

Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М: Эпифания, 1994.

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

Рукопись поступила в редакцию 22.11.2011 г.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

В.М. Полтерович

Показано, что важнейшим элементом системы управления ростом на этапе догоняющего развития могут стать региональные агентства экономического развития (РАР). Рассматриваются основные задачи РАР как: 1) площадки взаимодействия правительства, ассоциаций бизнеса и общества; 2) центра институционального экспериментирования; 3) информационного и консультационного центра; 4) центра регионального прогнозирования и планирования; 5) координатора институтов развития в регионе. Обсуждается проблема выбора рациональной структуры управления и финансирования РАР.

Ключевые слова: агентство развития, индикативное планирование, бизнес-ассоциации.

ВВЕДЕНИЕ: О СТРАТЕГИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

В последние годы в России фактически идет формирование системы планирования. Элементы территориального планирования введены Градостроительным кодексом РФ в конце 2004 г. В мае 2009 г. подписан указ Президента РФ «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации». Для многих отраслей и регионов разработаны стратегические планы. В ряде территориальных округов – Уральском, Южном, Сибир-

ском, Дальневосточном и др. – написаны стратегии социально-экономического развития на 10–15 лет. Предпринята, правда, неудавшаяся вследствие кризиса, попытка перейти к трехлетнему скользящему бюджетному планированию. Постепенно внедряются механизмы частно-государственного партнерства и проектного финансирования. Создано Агентство стратегических инициатив (<http://asi.ru/agency>), формируются его региональные отделения². В Татарстане в законодательном порядке, а в Самарской области – губернаторским постановлением введено индикативное планирование и даже отмечены его позитивные результаты. Таковые, впрочем, являются редкостью. «Во все большем количестве регионов и городов составляются собственные планы стратегического развития, но качество разрабатываемых документов обычно неудовлетворительно» (Швецов, 2009). В большинстве случаев стратегии оказываются набором благих пожеланий. В отрыве от них существуют, не давая сколько-нибудь значительного эффекта, многочисленные институты развития – технопарки, специальные экономические зоны, венчурные компании (Полтерович, 2009). На наш взгляд, ситуация не может быть существенно улучшена в рамках имеющихся административных структур. Для формирования эффективных индикативных планов и мониторинга их реализации существующую систему управления необходимо на всех уровнях дополнить институтами-посредниками, обеспечивающими взаимодействие между администрациями, бизнесом, наукой и гражданским обществом. На региональном уровне эту функцию могли бы выполнять региональные агентства экономического развития. О них и пойдет речь в настоящей статье.

© Полтерович В.М., 2011 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 11-02-00493, и ОАО «Агентство развития Краснодарского края» по договору НИР № 2 от 12 ноября 2010 г.

² См.: Добрынина С. Путин: На Урале будет создано новое региональное отделение Агентства стратегических инициатив // Российская газета. Уральский федеральный округ: Электронная версия. 2011. 30 июня (<http://www.rg.ru/2011/06/30/reg-ural/konferenciya-anons.html>).

Российское правительство взяло курс на «точечную», или «очаговую», модернизацию, выделяя сектора производства, университеты и технопарки, подлежащие щедрой государственной поддержке. Эта идея кажется привлекательной: мы должны сконцентрировать ресурсы на тех направлениях, где у нас есть шансы в короткие сроки стать если не лидерами, то по крайней мере в один ряд со странами Запада. На самом деле, та же идея лежала в основе создания госкорпораций и не привела к успеху. Концентрация усилий может быть эффективной, если точки концентрации, «очаги» отобраны на основе экспертизы хорошо просчитанных проектов и открытого обсуждения, если при этом ясно, как точечные достижения распространяются на всю экономику. В противном случае сообщение о назначении приоритетов является сигналом для работников неприоритетных направлений о том, что их усилия не будут поддержаны. Тем самым громадная масса людей фактически исключается из процесса модернизации.

Далее, существенно более комфортные условия в «очагах» вызывают перетоки рабочей силы, обескровливающие «окрестности». В результате интегральный эффект очаговой модернизации может оказаться отрицательным.

Попытки использовать очаговую стратегию предпринимались неоднократно в разных странах. В 1950-е гг. ее научное обоснование попытался дать французский экономист Франсуа Перру, который выдвинул концепцию полюсов роста. Специалист по проблемам концентрации экономгеограф Пьер Дероше указывает, что в 1965–1975 гг. эта концепция была очень популярна и в СССР, «но не оправдала себя, и после этого ее достаточно быстро забыли» (Дероше, 2011). Впрочем, как отмечает Дероше, это произошло не только в России: «...полюса роста через некоторое время забыли, потому что ничего не получилось практически ни у одной страны». «В Великобритании недавно вышла книга “Высокотехнологичные фантазии”, которая суммирует опыт научных парков и говорит, что практически все они большого успеха не достигают».

А вот еще одна цитата из лекции Дероше, подтверждающая высказанное выше соображение: «В реальном мире, когда вы разрабатываете кластер, вы латаете Тришкин кафтан. У одного забираете, другому даете. Вот в моем родном городе Монреале произошла такая вещь – там правительство решило создать мультимедийный кластер, не понимая даже, что это такое, и этому бизнесу дали какие-то преференции, субсидии и так далее. И оказалось, что, несмотря на скидки, которые давали девелоперы бизнесам, эти бизнесы просто из одних районов переехали в другой, а в тех районах ничего не осталось».

Вопрос о том, следует ли начинать модернизацию с немногих центров или, напротив, действовать широким фронтом в разных его аспектах и модификациях, неоднократно возникал в теории развития. Результат дебатов, видимо, состоит в том, что однозначного ответа нет (см., например, краткий обзор в (Mercado, 2002)). В принципе, можно допустить, что широкомасштабная стратегия будет предусматривать на начальном этапе активизацию немногих центров. Важно, однако, заранее предусмотреть механизмы диффузии полученных результатов в другие регионы или отрасли. Здесь нельзя уповать на рынок: он, как правило, усиливает неравномерность развития. Отсутствие эффективных диффузионных механизмов – одна из существенных причин неудачи модернизации во многих странах.

В уже цитированной выше работе (Mercado, 2002, p. 34), где анализируется региональная политика на Филиппинах, прямо отмечается этот факт применительно к политике филиппинского правительства в 1960-х – начале 1970-х гг.

Стратегии модернизации можно классифицировать по ряду других признаков.

Детальное сопоставление стратегий выходит за рамки настоящей статьи. Здесь мы ограничимся лишь следующим выводом из проведенного анализа. Типичной стратегией успешных стран являлась экономическая широкомасштабная интерактивная модернизация

с использованием индикативного планирования и постепенным улучшением институтов и демократизацией. При этом все успешные страны интенсивно заимствовали зарубежные технологии.

1. КОНЦЕПЦИЯ СИУР

Стратегия модернизации российской экономики, основанная на системе интерактивного управления ростом (СИУР), полностью согласуется с этим выводом (см. (Полтерович, 2008, 2009, 2010а, 2010б)).

СИУР включает три компонента: национальную инновационную систему, координацию различных типов экономической политики для увеличения абсорбционной способности страны³ и систему интерактивного планирования, предусматривающую взаимодействие правительства, бизнеса и гражданского общества в процессе формирования и реализации крупномасштабных модернизационных проектов. Эта институциональная конструкция не проста и не стандартна. Она, однако, базируется на анализе стратегий стран, решивших задачу догоняющего развития. Ее сложность не должна удивлять: если бы существовал простой способ догнать развитые страны, в мире давно уже не было бы стран развивающихся.

Как следует из предыдущего раздела, в России имеются отдельные «кирпичики» СИУР: многочисленные институты развития, элементы стратегического планирования. Еще один важный компонент – институты

³ Абсорбционная способность (способность распознавать ценность новой внешней информации, усваивать ее и применять для коммерческого использования) характеризует эффективность заимствования технологий. Под инновационной способностью понимается способность производить и доводить до коммерческого использования поток «принципиально новых» технологий.

взаимодействия правительственных и бизнес-структур: форсайт, частно-государственное партнерство, нарождающиеся технологические платформы. Следует также упомянуть консультативные органы (общественные советы) при органах государственной власти разного уровня. С 2000 по 2010 г. число таких советов возросло с 7 до 231 (Яковлев, 2010, с. 142). Значительную роль в общественных советах играют бизнес-ассоциации. Так, Министерство сельского хозяйства РФ законодательно зафиксировало права аграрных союзов на участие в выработке государственной сельскохозяйственной политики. Разработан регламент взаимодействия Минсельхоза России с ассоциациями сельхозпроизводителей. В работе (Яковлев, 2010, с. 116) утверждается, что «такая политика стала одним из факторов очень успешного развития отрасли в течение последнего десятилетия».

Однако набор перечисленных институтов и инструментов неполон и не образует единую систему.

Для того чтобы планирование стало действенным инструментом экономического роста, одного только стратегического планирования недостаточно. Нужны пятилетние и годовые планы территориально-отраслевого развития России, основанные на хорошо просчитанных крупномасштабных проектах модернизации секторов народного хозяйства и развития регионов страны. Без них стратегические планы останутся набором благих пожеланий. Более того, принимая во внимание современные возможности сбора, передачи и обработки информации, следует формировать пятилетние планы каждый год, уточняя планы на второй–четвертый годы предыдущего пятилетнего плана и, соответственно, включая в состав планового горизонта новый пятый год. Аналогичный принцип непрерывного (скользящего) планирования целесообразно использовать и для стратегических планов. Для решения этой задачи необходима иерархическая система планирования и организация взаимодействия каждого ее уровня с ассоциациями бизнеса и институтами гражданского

общества. Возглавлять процесс могло бы специально созданное для этой цели федеральное агентство по интерактивному планированию, подчиненное непосредственно главе правительства. Его деятельность должна опираться, с одной стороны, на региональные агентства по планированию, а с другой – на систему экспертных комиссий, включающих представителей администрации, профсоюзов, ассоциаций потребителей и отраслевых ассоциаций бизнеса. Должен быть разработан итеративный процесс сбора и обработки информации и согласования решений, использующий современные средства анализа.

Очень важно, чтобы правительство взаимодействовало не с отдельными предприятиями, пусть и весьма крупными, а именно с ассоциациями и чтобы процесс взаимодействия был максимально открытым. Только на этом пути можно существенно снизить возможности лоббирующих структур, деятельность которых нередко ведет к неэффективным решениям.

Необходимо выработать единые требования к проектам модернизации на уровне отрасли и региона; в частности, все такие проекты должны включать расчет эффективности по единой методике. Целесообразно систематически использовать отраслевые исследовательские институты и центры по трансферу технологий для разработки отдельных аспектов плана, отбора и согласования проектов модернизации. Формирование такой системы – длительный процесс, поэтому следует развертывать ее постепенно, добиваясь положительных результатов на каждом этапе.

В цитированных выше работах намечены самые общие организационные контуры СИУР. В частности, подчеркивается, что рациональная стратегия развития должна основываться на широкомасштабных проектах модернизации целых отраслей. Каждая отрасль должна иметь шансы на приоритетное финансирование, и усилия по модернизации должны в той или иной мере поддерживаться государством. Приоритеты должны выработываться на основе хорошо проработанных проектов в

процессе взаимодействия государства, бизнеса и общества. Цель состоит в повышении общественного благосостояния, а выращивание чемпионов целесообразно лишь в той мере, в какой оно служит этой цели.

Этот тезис относится не только к отраслевому, но – в еще большей мере – и к региональному аспекту СИУР. В такой стране, как Россия, с ее громадной территорией и колоссальными территориальными различиями, тезис о широкомасштабности стратегии приобретает особое значение: «ячейки» СИУР должны быть созданы в каждом регионе, образуя сеть, покрывающую всю страну. В работах (Полтерович, 2010а, 2010б) отмечалось, что такими ячейками могут стать агентства регионального развития. Дальнейшее изложение посвящено обоснованию и развитию этой идеи (см. также (Полтерович, 2011)).

2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГЕНТСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Необходимость региональных агентств развития

В отличие от частно-государственного партнерства или технологической платформы агентство развития не привязано к конкретному проекту или выполнению узкой цели, а решает более масштабные задачи. Главные функции агентства: завоевание доверия основных акторов друг к другу и на этой основе выявление их предпочтений и отбор наиболее эффективных путей повышения общественного благосостояния. В отличие от частного предприятия извлечение прибыли может быть лишь вспомогательной целью агентства. В отличие от чисто административных образований и неправительственных организаций в управлении агентством участвуют как представители бизнеса и общественных организаций, так и представители администрации. Агентство не имеет карательных или фискальных функций, не устанавливает запретительных правил, это

способствует формированию к нему доверия со стороны всех участников.

В 1990-е гг. региональные агентства развития (РАР) распространились по всему миру. Только в Европейском союзе их не менее 150 (Wolf, 2010). Сейчас они существуют, видимо, в большинстве стран со значительной территорией. В частности, сеть таких агентств имеется в Англии, Канаде, Австралии, Казахстане (Балацкий, 2011). Несколько десятков агентств создано и в регионах России. РАР сильно отличаются по организационным формам, степени универсальности, характеру решаемых задач и способам финансирования (Meurer-Stamer, 2007; Halkier, 2006; Wolf, 2010). Несмотря на отсутствие надежных данных о том, в какой мере их деятельность способствует экономическому росту, практика показывает, что потребность в РАР существует как в развитых, так и развивающихся странах. Успех РАР зависит от многих факторов, и речь идет о том, чтобы выбрать организационную форму агентств, способы их финансирования и характер решаемых ими задач в соответствии с условиями страны и региона – уровнем благосостояния, качеством институтов и человеческого капитала, структурой производства.

В западных странах основная задача РАР – выравнивание уровня развития регионов и стимулирование инноваций. Чаще всего они получают деньги на поддержку региональных проектов от федеральных правительств напрямую или от федеральных агентств⁴ и подотчетны им. В результате нередко возникают трения между РАР и региональными администрациями, претендующими на управление федеральными субсидиями (Meurer-Stamer, 2007; Emini, Görgün, 2010). Этим, в частности, можно объяснить тот факт, что правительство Великобритании планирует свернуть деятельность агентств, несмотря на их впечатляющую эффективность. Британские РАР генерируют 4,5 фунта стер-

⁴ Например, во Франции центральное агентство OSEO имеет сеть региональных офисов (см.: http://www.oseo.fr/oseo/oseo_in_english).

лингов для местной экономики с каждого фунта государственных расходов; при включении в расчеты будущих доходов эта величина оказывается еще больше – 6,4 фунта стерлингов. Аналогичный коэффициент мультипликации для канадских РАР равен 2,9 (Балацкий, 2011), что тоже немало. Но в Канаде обнаруживается другой недостаток РАР – ограниченность выделяемых средств и, как следствие, слабое влияние на рост экономики регионов. Ряд задач, которые ставят перед собой РАР, в частности поддержка малого бизнеса, обучение, сбор информации, в передовых экономиках решаются другими, специализированными агентствами. В результате возникает избыточная конкуренция. Кроме того, задачи выравнивания уровней развития и роста экономики трудно согласовать между собой (Wolfe, 2010; Emini, Görgün, 2010). Видимо, более успешны агентства развития в менее богатых странах, например в Испании, Казахстане (Gutiérrez, 2005; Балацкий, 2011), на Филиппинах (Mercado, 2002)⁵.

Мировой опыт однозначно свидетельствует о том, что для организации эффективного догоняющего развития недостаточно ни чисто рыночных механизмов, ни усилий региональных и федеральных администраций. Необходима структура, в задачи которой входила бы координация всех основных экономических агентов для обеспечения быстрого роста. Идея такой структуры – системы интерактивного управления ростом (СИУР). В процессах модернизации уровень неопределенности меньше, нежели при инновационном развитии, зато необходимость в координации агентов выше вследствие неразвитости соответствующих институтов и культуры взаимодействия. Соответственно планирование должно играть более значительную роль. Наряду с этими факторами, общими для всех развивающихся стран, следует принять во внимание обширность российского географического и экономического пространства и высокую степень

⁵ На Филиппинах существует сеть советов регионального развития, выполняющих те же функции, что и агентства в других странах.

региональной дифференциации. Отсюда следует целесообразность создания РАР с весьма широким набором функций.

2.2. Основные функции регионального агентства развития

Анализируя опыт работы многочисленных РАР (см. цитировавшиеся выше источники) и опыт стран, успешно решивших задачи догоняющего развития, можно прийти к заключению, что в российских условиях РАР должно выполнять следующие основные функции:

1) обеспечение видения перспектив развития региона;

2) реализация эффекта масштаба (когда, например, дотируется покупка технологии, пригодной для многих предприятий; другой пример – повышение квалификации работников и т.п.);

3) решение проблемы межотраслевой координации (когда для обеспечения эффективности проекта требуются усилия предприятий разных отраслей). Вот типичный пример задачи координации, заимствованный из статьи Анатолия Артамонова, губернатора Калужской области. «Сегодня энергетики не инвестируют в инфраструктуру, мотивируя это отсутствием потенциальных потребителей-инвесторов. В свою очередь, инвесторы не приходят потому, что нет инфраструктуры. Пытаясь решить эту проблему, развивая индустриальные парки, администрации регионов выступают третьей стороной: инвесторам гарантируется наличие инфраструктуры, а сетевым компаниям – необходимое количество потребителей – инвесторов. ...как доказал опыт Калужской области, модель работает... в отличие от схемы, предлагаемой Инвестфондом РФ, который требует, чтобы инвестор взял риски на себя» (Артамонов, 2009);

4) помощь в решении проблем, требующих межрегиональной координации, в частности вопросов трансфера технологий, создания технологических платформ, развития других экономических институтов. По-

вышение абсорбционной способности региона – одна из ключевых функций агентства, так или иначе включенная во все направления его деятельности.

Статус агентства и система его финансирования должны позволить ему нанимать достаточное число специалистов высокой квалификации. Тем самым создается возможность для существенного улучшения качества правительственных решений.

2.3. Задачи регионального агентства развития

Предыдущее обсуждение позволяет указать пять комплексов задач, решение которых в перспективе должно стать основой деятельности агентства.

1. РАР – площадка взаимодействия правительства, ассоциаций бизнеса, финансовых структур, науки и общества для инициации и отбора крупных проектов модернизации.

Отбор проектов предполагает открытые обсуждения, публикацию самих проектов и результатов их мониторинга. Тем самым повышается уровень доверия участников друг к другу, уменьшаются влияние лоббирования и возможности коррупции.

2. РАР – центр институционального экспериментирования, осуществляющий апробацию и отработку новых экономических институтов для распространения по всей России.

3. РАР – информационный центр для бизнеса, регионального и федерального правительств, консультационный центр и центр обучения для менеджеров высшего и среднего звена.

4. РАР – центр регионального прогнозирования и планирования, ячейка (будущей) общероссийской системы индикативного планирования.

5. РАР – координатор институтов развития в регионе.

Ключевым здесь является четвертый пункт. Для того чтобы составить эффективный план, РАР должно сформироваться как пло-

щадка взаимодействия основных акторов (п. 1) и иметь необходимую информацию (п. 3). Составление и реализация планов модернизации требуют повышения квалификации менеджеров (снова п. 3) и скоординированной работы институтов развития (п. 5). Круг задач п. 2 лишь отчасти независим от основной перспективной задачи РАР – стать ячейкой общероссийской системы индикативного планирования. Опыт показывает, что внедрению новых экономических механизмов нередко препятствует общероссийское законодательство. Для преодоления возникающих здесь трудностей желательно, чтобы соответствующие проекты получили статус экспериментальных.

Функции центра институционального экспериментирования и готовность агентства стать ячейкой будущей полномасштабной федеральной системы индикативного планирования отличают предлагаемую структуру от всех известных нам агентств развития, как российских, так и зарубежных.

Остановимся более подробно на каждой из пяти задач, обозначенных выше.

2.4. Инициация и отбор крупных проектов модернизации

В последние годы в России идет интенсивный процесс формирования бизнес-ассоциаций. Например, в Краснодарском крае созданы Кубанская ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельхозкооперативов, Кубаньмолоко – ассоциация предприятий молочной промышленности, Ассоциация экспортеров и импортеров Кубани, Краснодарская краевая ассоциация риелторов, Ассоциация страховых организаций региона и т.п. Только ассоциаций АПК в Краснодарском крае более 15 (Зайцев, 2011).

Процесс формирования ассоциаций надо всячески поощрять, ориентируя их на разработку проектов модернизации.

Одним из первых шагов при развертывании РАР мог бы стать созыв ассамблеи региональных ассоциаций бизнеса и форми-

рование исполкома ассамблеи и экспертного совета РАР с комиссиями по наиболее важным направлениям модернизации.

Технология выявления наиболее важных направлений нуждается в специальной разработке. В принципе, эта задача должна быть одной из центральных в региональной диагностике (Лексин, 2003). Однако, насколько нам известно, регулярных методов ее решения не существует. Попытка продвинуться в этом направлении предпринята А.А. Зайцевым (Зайцев, 2011). Автор сопоставляет производительность труда в отдельных отраслях Краснодарского края с аналогичным показателем в других регионах России и зарубежья, анализирует вклад отраслей в ВРП и темпы их роста. Этот анализ позволяет сделать предварительные выводы о наиболее перспективных отраслях – объектах модернизации в Краснодарском крае:

- а) сельское и лесное хозяйство, переработка сельскохозяйственной продукции и деревообработка;
- б) строительство и рынок жилых и нежилых помещений;
- в) транспорт и связь;
- г) рекреация, санаторно-курортный комплекс и туризм.

Первые три отрасли наряду с торговлей вносят наибольший вклад в ВРП, а четвертая – одна из наиболее динамично развивающихся и перспективных отраслей. Однако ряд других отраслей Краснодарского края также обладает высоким потенциалом улучшения, потому что в них производительность труда существенно отстает не только от мирового, но и среднего российского уровня. Разумеется, окончательные выводы можно будет сделать лишь на основе рассмотрения конкретных проектов модернизации соответствующими экспертными советами и плановыми отделами РАР и администрации.

Экспертный совет РАР должен начать свою деятельность с разработки следующих документов:

- регламент на проекты модернизации;
- методика оценки влияния проектов на экономические и социальные индикаторы региона;

- порядок проведения экспертизы, оценки и отбора проектов;
- требования к внешним инвесторам (из других регионов и из-за рубежа);
- методика мониторинга реализуемых проектов.

Непрерывными условиями успеха являются открытость и объективность процедур отбора проектов для поддержки. Перечисленные выше документы могли бы способствовать обеспечению этих условий.

2.4. РАР – инициатор проектов и центр институционального экспериментирования

В России существует РАР, который фактически уже решает одну из подобных задач. Речь идет об экспериментальной системе целевых накопительных счетов, основы которой разработаны В.М. Полтеровичем и О.Ю. Старковым (Полтерович, Старков, 2010). Этот проект послужил одним из важных стимулов создания Агентства регионального развития Краснодарского края (АРКК). В данном случае целью эксперимента является отработка и апробация системы жилищного ипотечного кредитования для семей с невысокими доходами – от 30 тыс. р. в месяц на семью. Одновременно формируются:

- кредитные истории для массы населения;
- наиболее эффективный канал жилищного субсидирования (доказано расчетами);
- новый сектор строительства жилья экономкласса, обеспеченный спросом.

Следует отметить ключевые особенности обрабатываемой ипотечной системы:

а) кредитование под низкий процент (6% годовых) только после регулярного накопления в течение 4–6 лет;

в) субсидии из краевого бюджета (30% от сберегаемой суммы) дают возможность держать низкий процент по депозитам (2%), обеспечивая достаточную маржу банку и высокий эффективный процент вкладчикам.

Кроме того, проект предусматривает сочетание массовой ипотеки и строительства

дешевого жилья, причем РАР играет роль девелопера, обеспечивающего застройщикам приобретение инфраструктуры без обременений взамен на обязательства предоставлять вкладчикам счетов, успешно выполнившим план накопления, жилье по сниженным ценам. Эксперимент начат 3 октября 2011 г. в г. Краснодаре. В случае успеха накопительные жилищные счета планируется распространить по всей России.

Следует подчеркнуть, что подготовка проекта потребовала организации взаимодействия РАР (АРКК) с пятью агентами: администрацией региона, группой исследователей под руководством В.М. Полтеровича, Сбербанком и строительными формами. Их роли распределились следующим образом.

1. Инициатор и девелопер – РАР.
2. Научное обоснование (международный опыт, принципиальная схема, прогноз спроса, система управления целевыми счетами) – группа исследователей (ГИ).
3. Разработка конкретной схемы и нормативно-правовых актов – совместно администрация региона, ГИ, РАР и Сбербанк.
4. Привлечение застройщиков – совместно РАР, администрация региона, строительные фирмы.

Работа над этим проектом показала, что Россия остро нуждается в законе об институциональном эксперименте. В ряде случаев действующие правила, нацеленные, казалось бы, на достижение благих целей (в частности, на борьбу с коррупцией), делают систему негибкой, не приспособленной к совершенствованию.

2.6. РАР – центр прогнозирования и планирования, координатор региональных институтов развития

В данном случае речь идет о решении следующих задач:

- разработка моделей прогнозирования главных экономических индикаторов региона;
- регламент составления планов развития региона;

- формирование проектов среднесрочных (3–5 лет) и перспективных (10–15 лет) планов на основе алгоритмов скользящего интерактивного планирования и современных экономико-математических моделей;

- привлечение технопарков, центров трансфера технологий, особой экономической зоны к участию в формировании и реализации планов.

Эти задачи требуют масштабных исследований, готовых методик их решения в настоящее время не существует. С другой стороны, и в России, и за рубежом имеется масса наработок, которые могут быть использованы.

Полномасштабное индикативное планирование с успехом использовалось как инструмент догоняющего развития в послевоенные годы во Франции, Японии, Южной Корее, на Тайване. В настоящее время оно систематически применяется и совершенствуется в Китае. Его отдельные элементы используются во многих странах, в том числе достаточно развитых, например в Ирландии и Чехии. На наш взгляд, такой стране, как Россия, оно совершенно необходимо, и, как отмечалось выше, фактически сделаны важные шаги в этом направлении. Однако происходит это медленно, без ясного понимания общей концепции плана.

Современная система индикативного (интерактивного) планирования должна интегрировать те подходы, которые получили развитие и распространение в последние десятилетия: форсайт, вычислимые модели общего равновесия, частно-государственное партнерство, технологические платформы, проектное финансирование.

Вот как могла бы выглядеть общая схема включения того или иного проекта в индикативный план и его последующей реализации.

- разработка идеи проекта (форсайт);
- одобрение идеи проекта соответствующим экспертным советом при РАР;
- разработка чернового варианта совместно соответствующим департаментом РАР и соответствующей отраслевой ассоциацией;

- оценка влияния проекта на экономику и бюджет региона с использованием экономико-математической модели;

- одобрение на экспертном совете и выбор банка;

- детальный расчет эффективности проекта по схеме проектного финансирования;

- заключение договора о намерениях;

- включение проекта в индикативный план;

- заключение договора о реализации проекта по схеме частно-государственного партнерства или в форме технологической платформы;

- сопровождение проекта РАР и банком-кредитором.

По существу, индикативный план может рассматриваться как совокупность отобранных крупномасштабных проектов. Рассмотрение их в совокупности, а не по отдельности важно, поскольку проекты в разных отраслях и районах региона могут быть связаны друг с другом, их согласование позволит избежать нестыковок и сэкономить на издержках. Кроме того, отбор поддерживаемых проектов должен осуществляться с учетом ограничений на совокупный объем финансовой поддержки из краевого бюджета.

Средне- и долгосрочные планы должны пересматриваться каждый год после составления и утверждения годовых планов администрацией региона. Это, в частности, позволит корректировать планы, учитывая ход выполнения проектов и появление новых разработок.

Разумеется, проекты, реализуемые частными фирмами и не нуждающиеся в бюджетной поддержке, не требуют утверждения в индикативном плане, хотя их результаты необходимо учитывать.

Важными задачами РАР должны стать формирование и координация системы институтов развития – центров трансфера технологий, технопарков, бизнес-инкубаторов, специальных зон, отраслевых научно-технических центров и исследовательских подразделений бизнес-структур. Необходимо привлечь их к участию в формировании и реализации пла-

нов. В настоящее время задачи многих институтов развития определены недостаточно четко, их действия не скоординированы, что приводит к неэффективности инновационных систем как на федеральном, так и региональном уровнях (см. (Полтерович, 2009; Андриюшкевич, 2011)).

РАР должно стать поставщиком информации для региональной администрации и проектировщиком среднесрочных и стратегических планов. Эти планы подлежат утверждению губернатором и законодательным собранием региона.

Видимо, целесообразно формирование районных филиалов РАР, по крайней мере для крупных районов.

Одна из задач региональных агентств развития – установление рабочих контактов друг с другом и формирование соответствующей сети РАР. Важнейшая функция этой сети – заимствование более передовых технологий и методов хозяйствования из-за рубежа, их доработка и модификация в передовых регионах с последующим распространением по всей России. Это же относится и к оригинальным российским разработкам⁶.

Вместе с тем при формировании общероссийской системы интерактивного планирования РАР становятся основой этой системы, ее базовыми ячейками. Как органы планирования, они переходят в частичное подчинение соответствующему федеральному агентству (в качестве такового могло бы, например, выступить недавно организованное Агентство стратегических инициатив). При этом возникает серьезный вопрос об итеративном процессе обмена информацией и принятия решений между агентствами разных уровней. Имеется обширная теория процессов иерархического планирования. Однако какой именно алгоритм взять за основу, как постепенно налаживать иерархическое взаимодействие – трудная проблема, подлежащая тщательному исследованию.

⁶ О важности подобных региональных сетей см. (Ansell, 2000).

Составление прогнозов и индикативных планов как на региональном, так и федеральном уровнях требует современного экономико-математического инструментария.

В западной практике для этих целей используется эконометрический аппарат и вычислимые модели общего равновесия (см., например, (Partridge, Rickman, 2010)), а также различные сочетания обоих подходов. Их применение к региональному и межрегиональному планированию в России представляется весьма перспективным. Разумеется, подобные модели можно использовать лишь «в режиме советчика». Окончательные решения будут принимать эксперты и политики.

2.7. РАР – информационный и консультационный центр

Укажем некоторые важнейшие функции РАР как информационного и консультационного центра.

1. Сбор и распространение информации о современных технологиях, освоенных в России и за рубежом.
2. Проведение опросов жителей региона и менеджеров с целью выявления предпочтений потребителей, недостатков институциональной среды, узких мест в системе планирования и управления.
3. Совершенствование базы данных об экономике региона (совместно с региональным отделением Росстата).
4. Консультации по разработке проектов модернизации, расчетам эффективности и методам финансирования.

2.8. Структура управления и финансирование РАР

Вопрос о правовом статусе и структуре управления РАР должен быть специально проработан. В настоящее время в ряде случаев РАР – открытое акционерное общество, находящееся в собственности администра-

ции региона и финансируемое из его бюджета. В перспективе возможны еще три источника финансирования: спонсорские средства, доходы от обслуживания бизнес-структур и средства федерального бюджета. Доходы от обслуживания вряд ли могут и должны быть значительными. Извлечение прибыли по тем или иным направлениям деятельности должно в основном ограничиваться целями самоокупаемости агентства. Агентство – проектировщик планов, инициатор проектов, инструмент промышленной политики, проводник бюджетных средств поддержки. Оно не сможет эффективно осуществлять эти функции, если извлечение прибыли окажется в центре его внимания: для достижения этой цели придется жертвовать общественными интересами, неизбежно сократится горизонт планирования.

Одна из важнейших проблем при выборе организационной формы и схемы финансирования РАР: его сотрудники должны иметь очень высокую квалификацию, а значит, их зарплаты должны быть сопоставимы с зарплатами в частном секторе.

Агентство не подменяет собой ни одно из подразделений администрации региона, а работает в тесном взаимодействии со всеми подразделениями, выполняя функции посредника между администрацией, бизнесом, научно-техническими и общественными организациями, играя роль инициатора и разработчика планов развития региона в их начальных вариантах. Все окончательные решения, требующие поддержки правительства, принимаются администрацией в обычном порядке.

Совет директоров, возглавляющий РАР, должен обеспечить достаточно полное представительство областных и городских правительств, ассоциаций бизнеса, банковского сообщества, научных, проектных и общественных организаций.

Агентство должно иметь филиалы в крупных городских округах и районах.

2.9. Принципы постепенного формирования РАР

Необходимость этого раздела вызвана следующим обстоятельством.

На первый взгляд кажется, что для успешного решения основной задачи РАР – реализации модернизационных проектов – необходимо вначале наладить систему сбора и обработки данных, создать соответствующие ассоциации бизнеса, разработать систему индикативных планов и т.п. При таком подходе мы бы никогда не получили действительно, не бумажного результата. Проект должен не только обеспечить понимание перспектив развития самого агентства, но и предложить такую последовательность его становления, при которой реальные результаты появились бы в течение достаточно короткого времени. Агентство должно решать поставленные перед ним задачи параллельно и демонстрировать реальные продвижения с тем, чтобы не возникало сомнений в его эффективности.

Это значит, что надо начинать с инвентаризации проектов, уже имеющихся на предприятиях и в НИИ региона, постепенного улучшения существующей системы их отбора и поддержки и поэтапной подготовки более радикальных изменений. Один из центральных вопросов при инвентаризации: нельзя ли распространить тот или иной проект, первоначально разработанный для конкретного предприятия или района, на другие предприятия или районы.

Одновременно следует начинать работу по созыву ассамблеи региональных ассоциаций бизнеса, формированию исполкома ассамблеи и экспертного совета РАР с комиссиями по наиболее важным направлениям модернизации.

Формирование РАР как информационного и консультационного центра (п. 2.7) – более длительный процесс. И наконец, наиболее сложно построить эффективную систему регионального планирования: необходимо разработать соответствующий инструментарий, включая модель региональной экономики.

Здесь, как отмечалось выше, накоплен определенный опыт, который можно использовать, адаптируя его к условиям России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В развитых странах возник целый ряд институтов развития – технопарки, свободные экономические зоны, венчурные фонды и т.п. С другой стороны, в последние два десятилетия происходит заметная трансформация капитализма: затратные механизмы конкуренции все в большей и большей мере уступают место механизмам сотрудничества; кроме того, идет интенсивный поиск форм взаимодействия между государством, бизнесом, наукой и обществом. Институты обоих типов заимствуются развивающимися странами без особых успехов. Опыт показывает, что для решения задач догоняющего развития нужны не только и не столько институты развития, сколько институты модернизации, реализующие интерактивное планирование, трансфер технологий, промышленную политику. В России с ее громадной территорией и региональной дифференциацией особую роль должны играть региональные агентства развития, которые следовало бы точнее назвать региональными агентствами модернизации. Они могли бы способствовать разрешению фундаментального противоречия между требованием универсальности федеральных законов и необходимостью применения разнообразных инструментов в зависимости от конкретных особенностей региона.

Для интерактивного планирования необходима самостоятельная структура, не подчиненная отдельным министерствам. Это обстоятельство вызывает сопротивление, и нужна политическая воля, чтобы преодолеть его. Формирование СИУР снизу, видимо, вызовет гораздо меньше возражений и в этом смысле является «обходным маневром». Возможно, именно сложность внедрения не-

обходимых институтов модернизации наряду с нетривиальностью их архитектуры является причиной столь редкого успеха догоняющего развития.

Выше были описаны основные направления совершенствования РАР и подходы к постепенному развертыванию его деятельности. Большинство элементов описанной выше системы в разных вариантах используется системами управления и агентствами развития разных стран. Этот опыт должен быть изучен более детально, обобщен и дополнен при дальнейшей разработке изложенных выше идей.

Литература

- Андрюшкевич О.А.* Становление российских институтов государственно-частного партнерства в инновационной сфере // Маркетинговый опрос населения Краснодара о готовности участия в программе целевых жилищных накоплений: Отчет о научно-исследовательской работе / Выполнено под рук. В.М. Полтеровича. М.: Новая экономическая ассоциация, 2011.
- Артамонов А.* Стратегии развития Калужской области // Федерализм. 2009. № 3. С. 17.
- Балацкий Е.В.* Институты регионального развития и их особенности: международный опыт // Маркетинговый опрос населения Краснодара о готовности участия в программе целевых жилищных накоплений: Отчет о научно-исследовательской работе / Выполнено под рук. В.М. Полтеровича. М.: Новая экономическая ассоциация, 2011.
- Дероше П.* Возможна ли новая Кремниевая долина? // Polit.ru. 2011 (<http://www.polit.ru/article/2011/04/08/deroche/>).
- Зайцев А.А.* Структура экономики региона // Маркетинговый опрос населения Краснодара о готовности участия в программе целевых жилищных накоплений: Отчет о научно-исследовательской работе / Выполнено под рук. В.М. Полтеровича. М.: Новая экономическая ассоциация, 2011.

- Лексин В.* Региональная диагностика: сущность, предмет и метод, специфика применения в современной России // Российский экономический журнал. 2003. № 9–10.
- Полтерович В.М.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4.
- Полтерович В.М.* Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 2. С. 3–18.
- Полтерович В.М.* (отв. ред.) Стратегия модернизации российской экономики. СПб.: Алетейа, 2010а.
- Полтерович В.М.* Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Информационное агентство «Тюменская линия». 2010б. 18 нояб. (<http://www.t-l.ru/117804.html>).
- Полтерович В.М.* Формирование агентства экономического развития нового типа в Краснодарском крае (к техническому заданию на разработку нового проекта) // Маркетинговый опрос населения Краснодара о готовности участия в программе целевых жилищных накоплений: Отчет о научно-исследовательской работе / Выполнено под рук. В.М. Полтеровича. М.: Новая экономическая ассоциация, 2011.
- Полтерович В.М., Старков О.Ю.* Поэтапное формирование массовой ипотеки и рынка жилья // Стратегия модернизации российской экономики. СПб.: Алетейа, 2010.
- Швецов А.* Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения // Российский экономический журнал. 2009. № 1–2, 3–4, 5.
- Яковлев А.А.* (ред.) Бизнес-ассоциации в России: внутренняя структура, эволюция отношений с государством, роль в модернизации экономики. М.: Московский общественный научный фонд, 2010.
- Ansell C.* The Networked Polity: Regional Development in Western Europe // Governance: An International Journal of Policy, Administration and Institutions. 2000. Vol. 13. № 3. P. 303–333 (http://www.unc.edu/depts/europe/conferences/mlg/papers/ansell_c.pdf).
- Emini F.T., Görün M.* Regional Development Agencies as Local Actors of Development Policies and the Case of Turkey // European Journal of Social Sciences. 2010. Vol. 18. № 1 (http://www.eurojournals.com/ejss_18_1_10.pdf).
- Gutiérrez B.U.* Evaluating Regional Development Agencies' (RDAs) Assistance on Spanish Regional Economic Growth. 45th Congress of the European Regional Science Association, 23–27 August 2005. Vrije Universiteit Amsterdam (http://www.feweb.vu.nl/ersa2005/final_papers/509.pdf).
- Halkier H.* Regional Development Agencies and Multi-level Governance: European Perspectives (http://www.tepav.org.tr/sempozyum/2006/bildiri/bolum1/1_1_halkier.pdf).
- Mercado R.G.* Regional Development in the Philippines: A Review of Experience, State of the Art and Agenda for Research and Action. Philippine Institute for Development Studies. Discussion paper series. 2002. № 3.
- Meyer-Stamer J.* Designing a Regional Development Agency: Options and Choices. Mesopartner working paper. 2007. № 10.
- Partridge M.D., Rickman D.* Computable General Equilibrium (CGE) Modeling for Regional Economic Development Analysis // Regional Studies. 2010. № 44. P. 1311–1328.
- Wolfe D.A.* From Entanglement to Alignment: A Review of International Practice in Regional Economic Development. Mowat Center for Policy Innovation Paper. June 2010. University of Toronto (http://www.nao.org.uk/publications/1011/rda_reviews.aspx).

Рукопись поступила в редакцию 06.10.2011 г.

ЧАСТОТА И ИНТЕНСИВНОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ СПИСКОВ КОМПАНИЙ В ИНДЕКСАХ ДОУ–ДЖОНСА И РТС: РАЗЛИЧИЯ И АНАЛОГИИ

П. Ф. Андрукович

В статье анализируются изменения в списках индексов Доу–Джонса и РТС (RTSI) за весь период их исчисления. Рассматривается частота и интенсивность этих изменений, а также их взаимосвязь с динамикой самих индексов.

Ключевые слова: индекс Доу–Джонса, индекс РТС, компания, длинные волны, Великая депрессия.

ВВЕДЕНИЕ

В мае 2011 г. индексу Нью-Йоркской фондовой биржи DJIA (далее – индекс Доу–Джонса) исполнилось 115 лет. За это время многократно менялся список и число компаний, по которым он рассчитывался. На эти изменения влияли различные экономические и социально-политические процессы, имевшие место в США в конце XIX в., в XX в. и начале XXI в. В результате их воздействия изменения происходили с различной частотой и интенсивностью, и именно анализ этих процессов находится в центре внимания данной статьи.

Биржевые индексы современной России моложе индекса Доу–Джонса на столетие. Первым и самым «старым» из существующих сейчас в России индексов является индекс Российской торговой системы, обозначаемый аббревиатурой RTSI (далее – индекс РТС), которому в этом году исполняется 16 лет.

© Андрукович П. Ф., 2011 г.

Становление новой экономической системы России после преобразований 1991 г. проходило в очень сложных условиях, возникших, с одной стороны, из-за чрезвычайно низкой и неустойчивой экономической базы конца 1980-х – начала 1990-х гг., а, с другой – из-за слабой профессиональной и психологической подготовленности к новым формам экономической жизни как населения в целом, так и той его части, которая стала активным участником новых, рыночных, отношений. В частности, используя спортивную терминологию, кризис 1998 г. был в лучшем случае « $1/8$ финала», если не « $1/16$ финала» на пути к удачному финишу для многих, а может быть, и для большинства российских компаний, функционировавших в тот период.

Целью работы, результаты которой изложены в данной статье, был анализ частоты изменений состава индексов Доу–Джонса и РТС и интенсивности этих изменений в разные периоды времени, а также сопоставление указанных характеристик друг с другом и с динамикой значений самих индексов. Можно сформулировать несколько конкретных вопросов, которые возникают при анализе динамики этих характеристик, а также соотношений между ними. В частности, интересно проследить, как распределены длительности интервалов между изменениями списков компаний, входивших в эти индексы в разные периоды времени, и как распределено число компаний, исключенных из индекса за один раз, а также существует ли взаимосвязь между этими характеристиками. Например, при увеличении длины интервала между заменами компаний в индексе будет ли увеличиваться число компаний, которые при этом заменяются в нем одновременно, или такая взаимосвязь отсутствует.

ИСТОРИЯ И ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ИНДЕКСА ДОУ–ДЖОНСА

Идея создания фондового индекса, описывающего изменения котировок акций на

Нью-Йоркской фондовой бирже в агрегированном виде, впервые была предложена двумя американскими журналистами Чарльзом Доу и Чарльзом Бергстрессером и экономистом Эдвардом Джонсом. Первый список компаний, по котировкам которых рассчитывался первый индекс на этой бирже, был составлен ими в июле 1884 г. В него вошло 11 компаний, из которых 10 были транспортными (9 железнодорожных и 1 пароходная), а одна компания занималась финансовой и коммуникационной деятельностью (Western Union Company).

Выработка принципов построения данного индекса проходила достаточно активно. Так, уже с февраля 1885 г. он рассчитывался по котировкам акций 14 компаний (добавились еще четыре железнодорожные компании, в то время как две компании из предыдущего списка слились в одну), а в январе 1886 г. в списке осталось 12 компаний (10 железнодорожных компаний, пароходная и финансовая компании, которые присутствовали и в первом списке)¹. Иными словами, это был, в сущности, транспортный индекс, за исключением компании Western Union, работавшей в сфере услуг². После этого вплоть до апреля 1894 г. никаких изменений в составе этого индекса не происходило. В апреле 1894 г. из предыдущего списка были исключены три транспортные компании, но в список вошли две другие транспортные компании. Впервые в расчет индекса была включена промышленная компания (American Sugar). В результате из первоначального списка 1884 г. в индексе осталось семь компаний (шесть железнодорожных и компания Western Union). Всего же в 1894 г. список состоял из 10 железнодорожных

ных компаний, одной финансовой и одной промышленной компании.

Собственно индекс Доу–Джонса, каким мы знаем его теперь, как индекс Dow Jones Industrial Average (ДИА), впервые был сконструирован и рассчитан в мае 1896 г.³ Честь его создания принадлежит Чарльзу Доу, который, в отличие от построенного при его участии предыдущего индекса и являвшегося, как отмечалось выше, транспортным индексом, ввел в расчет нового индекса котировки компаний из разных отраслей промышленности и сферы услуг с целью отразить (в той или иной степени) структуру американской экономики. Следует отметить, что широко распространенное мнение о том, что в индекс Доу–Джонса входят только крупнейшие компании США, не соответствует действительности. На самом деле индекс состоит из компаний, наиболее значимых в своей сфере деятельности, но при этом, возможно, они занимают достаточно скромное место в общей «табели о рангах» американских компаний. Так, например, в конце 2010 г. в этот индекс входила компания McDonald's Corporation, занимавшая 106-е место по объему производства среди американских компаний и первое место – в своей сфере деятельности – ресторанном бизнесе. Тем не менее компании, входящие в этот индекс, обеспечивают около 20% ВВП США, т.е. представляют собой значимую часть американской экономики.

Величина индекса Доу–Джонса рассчитывается как средняя цена акций входящих в него компаний на стандартных биржевых торгах, с корректировкой этих цен при бонусной эмиссии (stock split) тех или иных акций или с

¹ В 1886 г. в индекс входила также компания Pacific Mail Steamship, которая, хотя и не была железнодорожной компанией, но относилась к транспортной сфере деятельности.

² Такого рода транспортный индекс рассчитывается до сих пор, является старейшим биржевым индексом и носит название Dow Jones Transportation Average (DJTA). В настоящее время в его списке 20 транспортных компаний.

³ Здесь и далее имеется в виду именно этот индекс. В настоящее время существует длинный список индексов, отслеживающих динамику биржевых торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже, с той же приставкой Dow Jones, но отличающихся друг от друга как составом, так и привязкой к различным регионам – Dow Jones Transportation Average, Dow Jones Total Stock Market, Dow Jones Global, Dow Jones Islamic Market и др.

учетом других изменений в структуре индекса (например, замены в нем одной компании на другую) с целью исключить скачки его значений, не вызванные изменениями котировок акций на биржевых торгах.

Формула вычисления индекса Доу–Джонса очень проста и имеет вид:

$$D_t = Q_t / Z_T,$$

где D_t – значение индекса в момент времени t ; Q_t – сумма цен на акции в момент t (например, в конце торгового дня); Z_T – коэффициент, корректирующий значения индекса при дроблении акций или изменении состава акций и меняющийся в тот или иной момент времени T . Корректирующий коэффициент Z_T вычисляется по формуле

$$Z_{T+1} = Z_T (Q_{t_{new}} / Q_t),$$

где $Q_{t_{new}}$ – суммарная стоимость тех же акций, но с учетом произошедших изменений в ценах на одну или часть из них в результате замены или дробления цены акции; Z_T – предыдущее значение делителя⁴.

Общее число компаний в первом списке индекса Доу–Джонса, составленном, как уже говорилось, в 1896 г., осталось, как и в предшествовавшем ему транспортном индексе, равным 12, но из списка 1894 г. – даты последнего изменения списка транспортного индекса – сюда попала только одна компания (American Sugar). Всего в список вошли четыре компании из пищевой отрасли, три компании, занимавшиеся в то время созданием распределительных газовых и электросетей, две химические компании, одна компания из цветной металлургии (National Lead Company), одна компания из обрабатывающей промышленности (General Electric Company) и одна компания с диверсифицированной сферой деятельности (Tennessee Coal, Iron and Railroad Company), действовавшая в трех различных отраслях экономики – добывающей, металлургической и железнодорожной.

⁴ В настоящее время $Z_T = 0,132129493$.

Следующие значительные этапы в истории конструирования индекса Доу–Джонса приходится на октябрь 1916 г., когда список компаний, по которым он рассчитывался, был увеличен до 20. На октябрь 1928 г., когда список этого индекса достиг его нынешней численности, в нем было уже 30 компаний⁵.

Изменения длины списков были, однако, единичными событиями в истории существования индекса Доу–Джонса. Основными же событиями в изменении списков были замены одних компаний другими. Замены проходили с разными интервалами и с разной интенсивностью. Если иметь в виду чисто технические причины коррекции списков индекса Доу–Джонса, то они происходили, например, вследствие реструктуризации той или иной компании, входившей в список, при выделении части данной компании в отдельную институциональную единицу, или, наоборот, при объединении компаний в результате слияния и поглощения одной компанией другой. Одной из причин исключения компании из индекса являлось также разукрупнение компаний, что особенно характерно для периода конца XIX – начала XX в., в частности после принятия конгрессом США ряда антимонопольных и антитрестовских законов⁶.

Наиболее существенными причинами изменения его состава были структурные изменения в экономике США за тот или иной промежуток времени, в результате которых компании, достаточно долго и уверенно представлявшие свои отрасли в этом индексе в предыдущий период, исключались из него вследствие морального старения использовавшихся ими технологий и выпускаемой продукции, или в результате существенного снижения значения – или даже исчезновения – данной отрасли в экономике США, или

⁵ Полный список компаний, входивших в индекс Доу–Джонса, можно найти по адресу в Интернете: http://en.wikipedia.org/wiki/Historical_components_of_the_Dow_Jones_Industrial_Average.

⁶ Sherman Antitrust Act 1890, Clayton Antitrust Act 1914 и др.

при банкротстве той или иной компании. В результате этого процесса в списке появлялись компании, применявшие новые технологии и осваивавшие на их основе новые виды товаров и услуг или развивавшие принципиально новые сферы деятельности.

Следует также отметить, что с конца 1880-х гг. начался растущий тренд третьего кондратьевского цикла (Глазьев, 1993; Пантин, 2010), характеризовавшийся в значительной степени переходом от паровых машин к электродвигателям, широким использованием стального проката и т.п. Именно эта коренная перестройка экономики США в тот период стала стимулом создания современного по замыслу биржевого индекса, каким явился индекс Доу–Джонса, отражавший динамику акций компаний из различных сфер экономической деятельности, а не только транспортных компаний, как это было в предыдущих индексах Нью-Йоркской фондовой биржи.

РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЕЙ ИНТЕРВАЛОВ МЕЖДУ ЗАМЕНАМИ КОМПАНИЙ В ИНДЕКСЕ ДОУ–ДЖОНСА И ИНТЕНСИВНОСТЕЙ ЭТИХ ЗАМЕН

Распределение длительностей интервалов между заменами компаний в индексе Доу–Джонса

Частота и интенсивность замены компаний в индекс Доу–Джонса представляют собой разнообразную картину. Сначала рассмотрим, как часто происходили изменения списков этого индекса, иными словами, какое распределение имеют длительности интервалов между моментами изменения его списка. На рис. 1, *а* приведена гистограмма этого распределения, а на рис. 1, *б* – группировка интервалов между изменениями списков в различные периоды времени.

Всего за весь период исчисления индекса Доу–Джонса вплоть до июня 2011 г. было 46

случаев изменения его состава, включая оба случая, когда одновременно менялась и длина списка. Как видно из приведенной диаграммы, 39% интервалов между изменениями списков индекса Доу–Джонса составили интервалы длительностью менее одного года, в 21,5% случаев интервалы не превышали двух лет, в 15% – проходило от 2 до 3 лет, в 11% – от 3 до 4 лет, и только 3 раза (6,5%) между изменениями индекса проходило 4–5 лет и 1 раз около 6 лет. Таким образом, около двух третей интервалов (60,5%) между изменениями списка индекса Доу–Джонса приходится на периоды до двух лет и 86,5% таких интервалов – периоды менее четырех лет. Длительности двух интервалов между изменениями списка индекса резко отличаются от продолжительности их общей совокупности – они продолжались около 17 лет.

Снижение долей первых шести по длительности интервалов происходит достаточно монотонно и хорошо описывается показательным распределением $Y = \lambda \exp(-\lambda x)$, описывающим вероятности появления одинаковых событий, т.е. в данном случае моменты изменений списков индекса. Параметр λ этого распределения равен 0,481, а среднее значение интервала между изменениями индекса – 2,1 года. При этом *F*-отношение равно 66,4, что при соответствующих степенях свободы дает значимость этой модели на уровне более 0,995 (Мюллер, Нойман, Шторм, 1982). По критерию трех сигм два 17-летних интервала, находящихся в страте «более 9 лет», не могут быть отнесены к данному распределению, т.е. являются с точки зрения статистики «аномальными» наблюдениями.

Анализ расположения длительностей этих интервалов в зависимости от времени их появления (рис. 1, *б*) показывает, что значительная часть всех изменений индекса Доу–Джонса – около 70% случаев – приходится на первые десятилетия его исчисления, до середины 1930-х гг., т.е. на первую треть своей истории (рис. 1, *б*, совокупность А). Абсолютная величина списка индекса Доу–Джонса менялась за этот период времени 32 раза. Со-

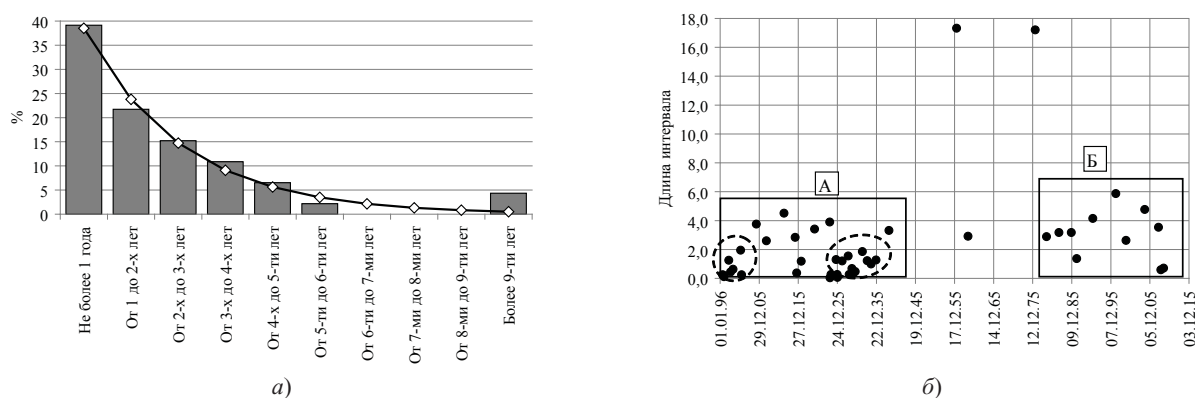

Рис. 1. Модель распределения доли интервалов различной длительности между изменениями списка компаний, входивших в индекс Доу–Джонса с 1896 по 2011 г.

Примечание. на рис. 1, а два 17-летних интервала условно отнесены к страте «более 9 лет» для укрупнения масштаба изображения этой гистограммы.

ответствующее распределение длительностей этих интервалов немного смещено в левую часть гистограммы на рис. 1, а относительно распределения этих длительностей по всей совокупности. Так, 16 из 32 интервалов (50%) имели протяженность менее 1 года, 9 интервалов (28%) – от 1 года до 2 лет, 6 интервалов (19%) – от 2 до 4 лет, и только однажды интервал между ними немного превысил 4 года. При этом большая часть изменений списка индекса Доу–Джонса образует здесь два кластера, в которые входят интервалы длиной не более 2 лет.

Первый кластер находится в самом начале исчисления индекса, в 1896–1901 гг., и состоит из 8 интервалов длительностью 2 года и менее. Второй кластер из совокупности А захватывает период 1924–1935 гг., т.е. период, начинающийся за 5 лет до Великой депрессии и заканчивающийся вскоре после выхода экономики США из кризиса 1929–1932-х гг., состоит из 15 таких интервалов. В первом кластере большая часть интервалов – 6 из 8 – имеет длительность менее одного года, что скорее всего связано с выработкой основных принципов построения этого нового индекса, чем с какими-либо другими причинами, в отличие от ситуации 1924–1935 гг., когда основ-

ными факторами, влияющими на изменения списков индекса, стали уже исключительно экономические причины. Однако об этих причинах более подробно будет сказано позже, сейчас же отметим, что во втором кластере интервалы не более одного года составляют уже менее половины общего числа случаев (7 из 15), т.е. в это время замены компаний в индексе Доу–Джонса происходили относительно реже, чем в первые годы формирования индекса.

После марта 1939 г., когда замена в списках индекса Доу–Джонса двух компаний завершила процесс его перестройки после выхода экономики США из кризиса, наступает долгое 17-летнее затишье в изменении его состава. Это затишье, а точнее консервация списков индекса, продолжалась до июля 1956 г., когда в его списке была заменена всего одна компания. В июне 1959 г. в списке индекса были заменены еще четыре компании, после чего возник второй перерыв в изменениях списков индекса Доу–Джонса, причем практически такой же длительности, который закончился только в августе 1976 г. Таким образом, за 37 лет в списках индекса было заменено всего пять компаний. В августе 1976 г. в индексе поменялась всего одна компания,

и только после этого, начиная с 1979 г., происходят достаточно регулярные изменения его списка, хотя и с большими в среднем интервалами (рис. 1, б, совокупность Б). За период после 1976 г. списки индекса менялись 12 раз, причем только в двух случаях интервал между ними составил менее одного года – это же произошло и в начале последнего кризиса, т.е. в 2008–2009 гг. В среднем в этот период перерывы между изменениями состава индекса Доу–Джонса составили около трех лет, в то время как за 1896–1939 гг. частота изменений списков составляла в среднем 1,3 года, а в период кризиса 1929–1933 гг. – всего 9 месяцев.

Интенсивность замены компаний в индексе Доу–Джонса

Всего в списки индекса Доу–Джонса после составления начального списка из 12 компаний и до конца 2010 г. в 46 случаях изменения списка было включено 125 и исключено 107 компаний⁷. Учитывая, что в настоящее время список индекса Доу–Джонса состоит из 30 компаний, общее число компаний, «побывавших» в индексе в прошлом и находящихся в нем в настоящее время, составляет 137. Далее будет анализироваться только число исключенных из списка компаний, т.е. число замен компаний в списках индекса. Такое ограничение объясняется тем, что дополнительные включения компаний в индекс Доу–Джонса происходили не столько в связи с теми или иными успехами в их деятельности (хотя включались в индекс наиболее успешные на соответствующий момент времени компании) сколько в связи с решениями самого руководства индекса увеличить представительность (а следовательно, и длину) списков

⁷ С учетом изменений названий и повторением названия одной и той же компании, если она включалась в этот индекс и исключалась из него несколько раз. Разница в 18 компаний возникает из-за увеличения длины списка индекса с 12 компаний в начальный период до 30 компаний в настоящее время.

индекса. Эти решения были естественным образом инициированы изменениями в общей макроэкономической ситуации США в соответствующие периоды времени и, в частности, повышением диверсифицированности экономики страны.

В этих 46 случаях замены компаний в индексе среднее число замен составляет 2,3 компании за один раз. Общее распределение интенсивностей замены компаний в индексе (в долях от длины его списка в соответствующий период времени) в группировке по 5-летним периодам приведено на рис. 2, а. Это распределение является логнормальным с параметрами $\mu = 1,1505$, $\sigma = 0,3705$ и средним значением доли исключенных за один раз компаний, равной 10,4% длины списка⁸. При этом F -отношение равно 16,9, что при соответствующих степенях свободы дает значимость на уровне 0,99.

Рассмотрим теперь, имеется ли какая-нибудь взаимосвязь между длительностями предшествующих изменениям списка индекса Доу–Джонса временных интервалов и уровнями интенсивности изменений этого списка относительно длины списка, имевших место после этих интервалов (рис. 2, б). Соответствующий анализ показал, что взаимосвязь между этими характеристиками отсутствует. В частности, обычный коэффициент корреляции между двумя этими характеристиками равен $-0,18$, а χ^2 для таблицы сопряженности 2×2 с градациями $<2,5$ лет и $\geq 2,5$ лет по длительности интервалов и $<15\%$ и $\geq 15\%$ по интенсивности замен оказался равным 2,88, что ниже 5%-го критического уровня для этой статистики, равного в данном случае 3,84 (Мюллер, Нойман, Шорм, 1982).

В то же время соотношения между величинами этих двух характеристик не разбросаны по данному двумерному полю случайно и хаотично, а образуют три кластера, которые

⁸ Учитывая изменяющуюся длину списков индекса, это соответствует 1,25 компании до 1916 г., двум компаниям с 1916 по 1928 г. и трем компаниям – после 1928 г.

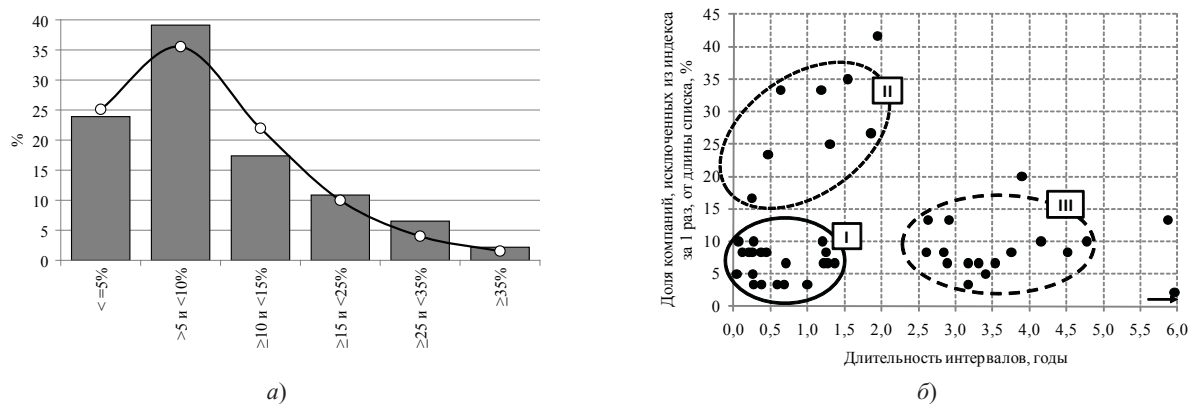

Рис. 2. Модель распределения интенсивности замен компаний в индексе Доу–Джонса в долях от длины списка (а) и взаимосвязь между длительностью интервалов между заменами и интенсивностью замены (б)

Примечание: на рис. 2б точка со стрелкой в правом нижнем углу соответствует двум 17-летним интервалам, не включенным в график (сделано для укрупнения масштаба изображения).

на рис. 2, б обозначены римскими цифрами. В кластере I находятся 20 наблюдений, которые характеризуют моменты времени, когда наблюдалась частая, но относительно малая по интенсивности смена компаний в индексе. Большая часть таких ситуаций – 17 из 20 – возникла до 1935 г., т.е. на достаточно ранних стадиях расчета индекса Доу–Джонса. Во II кластере находится восемь наблюдений, которые описывают быструю и интенсивную замену компаний в списках индекса, и все они также относятся к периоду до 1935 г. Две точки из них являются моментами изменения длины списка индекса Доу–Джонса, а остальные характеризуют рубеж XIX–XX вв. и период Великой депрессии. Более половины ситуаций из кластера III, состоящего из 18 точек, относятся ко второй половине XX в., когда смены компаний в списке индекса проходили с большими интервалами при относительно низкой интенсивности этих замен. Подавляющее большинство компаний было исключено из индекса до 1939 г. – 75 из 107 компаний (70%), исключенных из индекса за время его существования. Таким образом, этот начальный 45-летний период исчисления индекса Доу–Джонса характеризовался не только бо-

лее частыми, но и более интенсивными заменами компаний в его списке.

Анализ отдельных единовременных изменений состава компаний в индексе Доу–Джонса уточняет приведенные выше характеристики интенсивности изменений списка этого индекса. Так, наибольшие одноразовые корректировки списков этого индекса прошли в самом начале его исчисления, а именно в апреле 1901 г., когда поменялось 5 из 12 компаний списка (42%), и в апреле 1899 г., когда в нем сменилось еще 4 компании (33% от длины списка). Одно из самых больших значений эта характеристика принимает также в октябре 1928 г., когда при увеличении длины списка индекса до 30 компаний из старого списка в 20 компаний было одновременно исключено 7 компаний (35%). Следующие по величине значения этой характеристики наблюдались в июле 1930 г. и мае 1932 г., когда было заменено сразу 7 компаний в первом случае и 8 компаний – во втором. Однако в долях длины списка в то время (30 компаний) эти величины, хотя и являются достаточно значимыми – около четверти списка, но не максимальны и составляют 23 и 27% соответственно.

Как уже было показано выше, интенсивность замен компаний в индексе проходила во времени неравномерно. Этот процесс достаточно подробно будет описан ниже, сейчас же отметим, что если сгруппировать случаи замен компаний в списках индекса не по их интенсивности, как это было сделано при построении гистограммы на рис. 2, а, а по определенным периодам времени, можно увидеть, что с момента первого исключения компании в августе 1896 г. и до июля 1901 г. (т.е. за первые пять лет его существования) в нем сменилось 16 компаний, т.е. более трех компаний за год. При этом за последующие 15 лет – до октября 1916 г. – в списках индекса сменилось всего 9 компаний – или приблизительно одна компания за два года, что составляет более чем 5-кратное снижение интенсивности изменения списков этого индекса по сравнению с начальным периодом его существования. Следующие 10 лет прошли относительно спокойно (было исключено всего 16 компаний), а наибольшее число компаний, замененных в составе этого индекса за следующие 5 лет, имело место в период с марта 1927 г. по май 1932 г. (т.е. незадолго до начала Великой депрессии и на всем ее протяжении), когда в индексе Доу–Джонса было заменено 27 компаний, или более пяти компаний в год.

ЧАСТОТА И ИНТЕНСИВНОСТЬ ЗАМЕН КОМПАНИЙ В ИНДЕКСЕ ДОУ–ДЖОНСА И ДИНАМИКА ЕГО ЗНАЧЕНИЙ

Динамика индекса Доу–Джонса

Все отмеченные выше изменения списков индекса Доу–Джонса проходили на фоне той или иной динамики котировок акций на фондовой бирже Нью-Йорка, а также на фоне общеэкономической динамики США в этот период. Динамика изменений котировок акций, входивших в индекс Доу–Джонса, и агрегированная в этом индексе доля компаний, исключенных из списков индекса в тот или иной

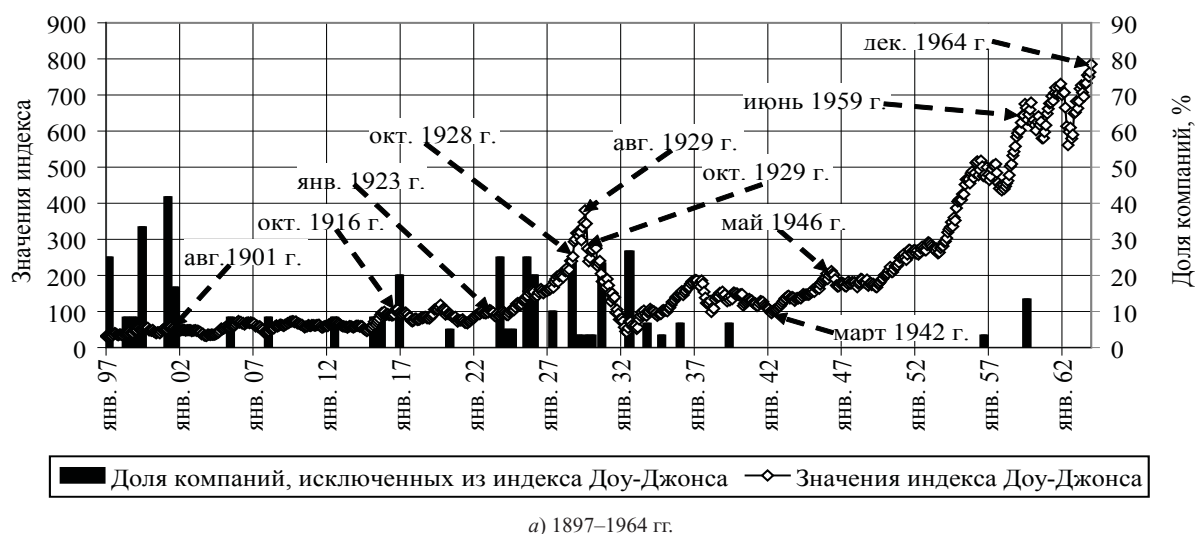
период времени, представлены на рис. 3⁹. На графиках отмечены время изменения численности его списков и некоторые критические точки в изменении его собственной динамики.

К таким критическим точкам в изменениях динамики индекса Доу–Джонса относятся (наряду с другими моментами): начало Великой депрессии (август 1929 г.); переход динамики этого индекса от падения в течение 1937–1941 гг. к достаточно уверенному росту, который происходил, лишь с небольшими коррекциями, с января 1942 г. и до периода его 17-летней стагнации (1965–1982 гг.); уже почти забытый сейчас кризис 1987 г.; а также декабрь 1999 г., когда после периода сверхбыстрого роста (1995–1999 гг., почти трехкратный рост за 4,5 года) индекс Доу–Джонса начал «лихорадить». В результате очень волатильной динамики значений индекса в этот период времени его величина сначала снизилась с 11 453,5 пункта в декабре 1999 г. до 7591,9 пункта в сентябре 2002 г. С начала 2003 г. индекс стал снова расти и к октябрю 2007 г. достиг уровня в 13 930,0 пункта, после чего за год с небольшим в связи с общеэкономическим кризисом 2008–2009 гг. значения индекса Доу–Джонса снова упали более чем в 2 раза – до 6775,0 пункта (в конце февраля 2009 г.). В последнее время – с начала 2010 г. – величина индекса колеблется на уровне 10–12 тыс. пунктов.

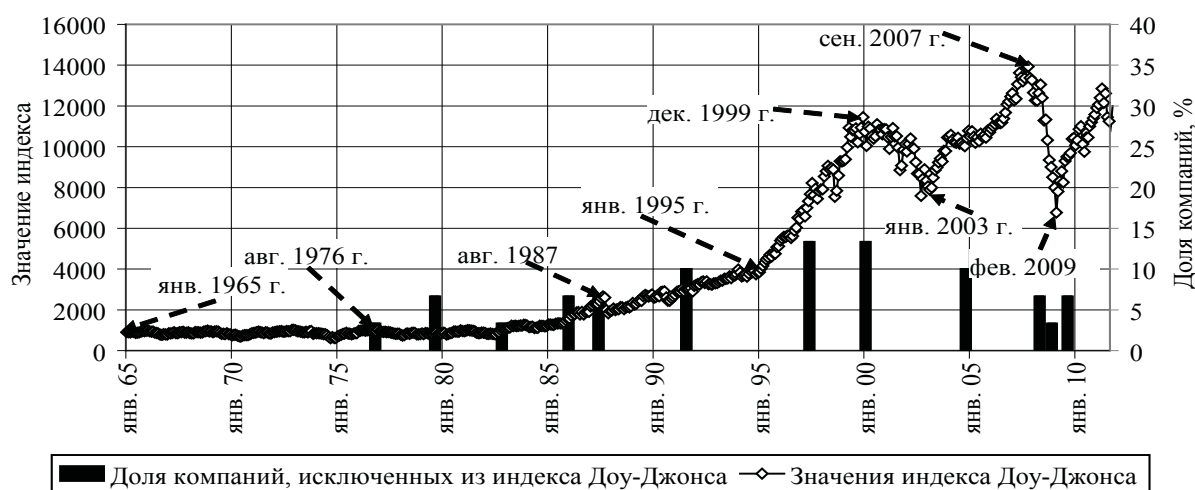
Соотношения между динамикой индекса Доу–Джонса, динамикой ВВП США и частотой и интенсивностью замены компаний в его списках

В первые пять лет исчисления этого индекса частая и интенсивная смена компа-

⁹ Эта динамика представлена на двух графиках с различным масштабом изображения значений в связи с почти 500-кратным различием в его значениях в начале его существования и в настоящее время. Чтобы показать масштабы различий, отметим, что первое значение индекса Доу–Джонса было равно 40,9 пунктов, а максимальные значения, достигнутые им в октябре 2007 г., были равны почти 14 000 пунктов.

а) 1897–1964 гг.

б) 1965–2010 гг.

Рис. 3. Динамика значений индекса Доу–Джонса и доля исключенных из индекса компаний

ний в его списках проходила на фоне достаточно спокойного бокового тренда его значений и обуславливалась, в сущности, двумя причинами. Первой и наиболее важной был очень быстрый рост американской экономики в это время, и, главное, это было время ее перехода к расширенному индустриальному развитию. Так, по расчетам Д. Макинерни, в 1870–1900 гг. «объемы промышленных ка-

питаловложений увеличились в шесть раз, а производство промышленных товаров выросло на 300%» (Макинерни, 2009, с. 367), причем «уже в начале 1900-х годов американская обрабатывающая промышленность вышла на передовые рубежи, обеспечивая треть всей мировой продукции» (Там же, с. 367). Далее он пишет: «Укрупнение и консолидация промышленных компаний, технологическое

новаторство, внедрение новых прогрессивных методов управления – все это стимулировало дальнейший рост американской индустрии» (Там же, с. 368).

Эти процессы приводили к быстрой смене лидеров в американской экономике, сопровождавшись банкротством или существенным снижением объемов производства теми компаниями, которые выбрали ошибочную стратегию развития, и быстрым ростом прибыли и объемов производства более дальновидными – и более удачливыми – компаниями. Таким образом, достаточно частые замены компаний в списках индекса в период становления индекса Доу–Джонса были обусловлены быстро развивающейся – и быстро меняющей свою структуру – экономикой США, находившейся в процессе активного развития.

Вторая причина быстрой смены компаний в индексе Доу–Джонса в данный период заключалась в том, что еще не были до конца отработаны сами принципы включения в индекс новых компаний. Это, в частности, проявлялось в слишком быстрой замене некоторых компаний в списках индекса в тот период. Так, например, в мае 1896 г. в список была включена компания North American (холдинговая компания), которая уже в августе того же года была заменена в индексе на промышленную компанию U.S. Cordage, но уже в декабре того же года ее заменила компания Standard Rope&Twine, производившая ту же продукцию (веревки, тросы, шпагаты). Этот пример, учитывая, что последняя из названных компаний пробыла в списках индекса почти три года (до апреля 1899 г.), является показательным как с точки зрения сравнения степени диверсифицированности производства этих компаний, так и по виду выпускаемой ими продукции, по сравнению со сложностью и разнообразием ассортимента продукции, выпускаемой компаниями, находящимися в индексе Доу–Джонса в настоящее время.

Как видно из рис. 3, а, в дальнейшем замены компаний в индексе происходили достаточно редко и с небольшой интенсив-

ностью, а сам индекс продолжал двигаться с боковым трендом и относительно малой волатильностью до середины 1920-х гг. И хотя в некоторые периоды этот рост был довольно значительным, например, с сентября 1903 г. по декабрь 1906 г. его значения выросли почти в 2 раза, за эти три года в индексе была заменена только одна компания. В то же время аналогичный по величине рост значений индекса Доу–Джонса в начале Первой мировой войны (с октября 1914 г. по октябрь 1916 г. его значения увеличились с 47 до 104 пунктов) и быстрый рост ВВП США закончился увеличением длины его списка на восемь компаний и введением 12 новых компаний (четыре компании были в этот момент исключены из списков индекса).

Значительные перестройки списков индекса Доу–Джонса произошли в 1924–1928 гг., когда за пять лет в индексе было заменено 25 компаний (125% длины списка в этот период времени) и еще 10 компаний были введены в него в октябре 1928 г. в связи с общим увеличением длины списка. Эти изменения были вызваны, с одной стороны, быстрым ростом значений индекса в это время (закончившимся крахом на Нью-Йоркской фондовой бирже в августе 1929 г.), а с другой – последствиями кризиса 1920–1921 гг., который был во многом предвестником кризиса 1929 г. (Anderson, 1965). Таким образом, здесь мы снова наблюдаем ситуацию, когда изменения списка индекса проходили на фоне быстрого роста его значений. В то же время представляется более логичным считать, что не рост индекса был причиной смены компаний в индексе, а наоборот, включение в индекс новых компаний в значительной степени ускоряло его рост.

Действительно, постоянное обновление состава индекса Доу–Джонса в эти годы – вплоть до самого краха фондовой биржи – являлось в определенной степени своего рода допингом для игроков на этом рынке, так как динамика котировок новых компаний поддерживалась представлениями о том, что стоимость акций этих «новичков» будет расти, тем более что эти компании представляли

новые, быстро развивающиеся отрасли промышленности¹⁰. Как пишут Ч. Киндлбергер и Р. Алибер, «экономический подъем делает инвесторов оптимистами, они горят желанием извлекать прибыль из возможностей, реализация которых отложена во времени, в то время как кредиторы берут на себя больше рисков. По мере нарастания экономической эйфории рациональный избыток превращается в иррациональный, а инвестиционные и потребительские расходы растут» (Киндлбергер, Алибер, 2010, с. 32). В конце 1920-х гг. эту эйфорию поддерживали большие объемы кредитов, которые заемщики получали в банках и вкладывали значительную часть этих средств в покупку акций, что, в частности, и привело к краху банковской системы США в период Великой депрессии, так как в результате падения стоимости акций заемщики не смогли вовремя вернуть банкам взятые у них кредиты.

Как это ни покажется удивительным, но во время и после депрессии интенсивность смены компаний в списках индекса была несколько ниже. Так, с августа 1929 г. до августа 1932 г. (в период обвала этого фондового индекса с уровня в 380 пунктов до уровня в 45 пунктов) в нем сменилось 20 компаний. При этом реакция компании, управляющей индексом Доу–Джонса, была достаточно оперативной. Так, уже в январе 1930 г. компания North American Company, работавшая в сфере услуг, была заменена промышленной компанией Johns-Manville, а в июле 1930 г. в списках индекса было заменено сразу семь компаний. Через два года, в мае 1932 г., в нем сменилось еще восемь компаний¹¹. Эти замены, а

¹⁰ В частности, именно в это время в индекс Доу–Джонса были введены такие компании, как Exxon Mobil (входит в индекс Доу–Джонса и в настоящее время), General Motors (пробыла в индексе до 2009 г.) и Honeywell International (ранее Allied Corp., входила в индекс до 2008 г.).

¹¹ Из списка индекса 1923 г. ко времени окончания кризиса осталось всего пять компаний. Четыре из этих пяти компаний, прошедшие «огонь, воду и

главное, постепенное улучшение ситуации в экономике США к этому времени остановили падение индекса уже в середине 1932 г. и способствовали его четырехкратному росту в последующие четыре года.

Период между 1939 и 1976 гг. был временем почти полного затишья в изменениях состава индекса Доу–Джонса, прерывавшимся только сменой одной компании в 1956 г. и четырех компаний в 1959 г. (см. рис. 3). С точки зрения динамики самого индекса Доу–Джонса эта консервация списков сначала проходила на фоне его быстрорастущего тренда, хотя и прерываемого небольшими коррекциями (см. рис. 3, а, с марта 1942 г. по январь 1965 г.), и продолжалась еще какое-то время в период его волатильной динамики до начала 1980-х гг. Данный период времени, как это достаточно очевидно, был очень неоднородным по своим социально-политическим и экономическим характеристикам. Так, первый 17-летний отрезок консервации списков индекса включал Вторую мировую войну, начало холодной войны между СССР и западными странами и войну в Корее (1950–1953 гг.), т.е. период, когда внешнеполитические факторы серьезно влияли на характер экономического развития США. Это было время перестройки экономики США на военные нужды, сопровождавшееся значительным увеличением объемов государственного заказа в экономике, возвратом ее к нормам и структуре мирного времени после окончания войны и экономического «бума» начала 1950-х гг., когда ВВП США в постоянных ценах вырос почти на 25% за пятилетие (Макинерни, 2009).

Длительный перерыв в изменениях списка индекса Доу–Джонса, наступивший

«медные трубы» того времени, оставались в списках индекса еще очень долго. Так, три из них непрерывно входили в состав индекса до конца 1990-х гг. – Техасо Incorporated (добыча и переработка нефти), Primerica Corporation (обрабатывающая промышленность) и USX Corporation (металлургия), а компания General Electric входит в состав индекса Доу–Джонса и в настоящее время.

после 1959 г., также проходил на фоне как достаточно значимых внешнеполитических событий (в частности, войны во Вьетнаме, которая проходила при активном участии США в период 1965–1973 гг.), так и серьезных внутриполитических проблем (например, отставка президента Никсона под угрозой неминуемого импичмента в 1974 г.). В этот же период наряду с быстрым ростом экономики в начале 1960-х гг. (27,5% за пять лет) у США возникали и серьезные экономические проблемы. Это и рост уровня инфляции со второй половины 1960-х гг. и особенно в первой половине 1970-х гг., когда ее темпы достигали 9–10% в годовом исчислении и более, и нефтяные кризисы 1973 и 1979 гг., и неустойчивый рост ВВП США в эти годы. Как пишет П. Кругман «...1970-е стали десятилетием “стагфляции”, то есть комбинации экономического спада и инфляции» (Кругман, 2009, с. 33). В частности, в 1974 и 1975 гг. наблюдалось даже снижение ВВП США в реальных ценах (на 0,06 и 0,04% соответственно), а в две последующие пятилетки – 1975–1980 гг. и 1981–1985 гг. – этот прирост составил всего 18,1 и 14,2%.

После этого длинного затишья в истории индекса Доу–Джонса начинается в каком-то смысле новая эпоха. И хотя в марте 1976 г. в списках индекса была заменена всего одна компания, далее до конца 2010 г. было заменено еще 26 компаний, в результате чего список индекса обновился на 80% относительно списка на начало 1976 г. Отметим, что 23 из 26 компаний находятся в индексе до настоящего времени и, следовательно, являются «лицом» американской экономики и в XXI в. Из графиков на рис. 3, б видно, что интенсивность замен компаний к концу 1990-х гг. нарастала. Это нарастание было менее интенсивным, чем перед Великой депрессией, однако этот процесс, связанный с успешным развитием американской экономики в эти годы, возможно, способствовал (хотя, конечно, и не был основной причиной) неоправданно быстрому росту этого индекса с середины 1990-х гг. Тот факт, что рост индекса Доу–Джонса в этот период был неоправданно высоким, сначала доказал

кризис 2000–2002 гг. (рис. 3, б), а затем – еще более убедительно – кризис 2008–2009 гг.

В этот период, т.е. непосредственно в период кризиса 2008–2009 гг., произошло изменение списков индекса, в нем было заменено пять компаний. Эти замены происходили, однако, по совершенно другим причинам в сравнении с причинами замен, которые имели место в период быстрого роста индекса Доу–Джонса в предыдущий период, так как в 2008–2009 гг. из индекса исключались компании, не сумевшие своевременно перестроить свои технологии и ассортимент продукции. В частности, именно в эти годы из индекса были исключены такие компании, как International Paper Company и Eastman Kodak Company (химия) и AT&T Corporation (телекоммуникации), входившие в индекс Доу–Джонса с 1901, 1930 и 1939 гг. соответственно и представлявшие в значительной степени устаревшие технологии и продукты. Заменены они были на компании American International Group Incorporated (страхование), Pfizer Incorporated (фармацевтика) и Verizon Communications Incorporated (Интернет и телекоммуникации), быстро развивавшиеся в предыдущие годы, которые представляли новые технологии, продукты и услуги.

Из сказанного выше следует, что какое-либо устойчивое соответствие между интенсивностью замен и частотой смены компаний в списках индекса Доу–Джонса, с одной стороны, и динамикой самого индекса, с другой, отсутствует, так как в одних случаях его быстрый рост или падение приводили к кардинальным изменениям списков индекса, а в других случаях достаточно большие изменения значений этого индекса не влекли за собой сколько-нибудь заметных перестроек его состава. При этом наличие совпадений рассматриваемых здесь двух процессов в отдельные периоды времени несколько не противоречит данному утверждению, так как в другие, аналогичные периоды времени эти процессы проходили иначе. Конечно, такой катаклизм, как Великая американская депрессия 1929–1934 гг., радикально изменил список индекса

Доу–Джонса. Но в начальный период расчетов этого индекса при достаточно низких темпах его роста в большую часть этого времени в его составе происходили не меньшие изменения, а замена компаний после кризиса была менее интенсивной, чем в предшествовавший ему период.

Добавим к этому, что, как показано в (Андрюкович, 2005), темпы роста и динамика в целом индекса Доу–Джонса в отдельные периоды сильно расходятся с динамикой ВВП США и, следовательно, с той или иной ситуацией в экономике этой страны. В (Андрюкович, 2005) показано, что крупные политические события могут оказывать только достаточно локальное воздействие на динамику этого индекса, но не менять ее кардинально. Таким образом, учитывая, что интенсивность и частота замен компаний в индексе Доу–Джонса тоже никак не связаны с его динамикой, то (по принципу «враг моего врага – мне друг») мы получаем доказательство того, что изменения состава индекса Доу–Джонса зависят только от тех процессов, которые происходят в экономике США.

Как показали специальные исследования, реальной и наиболее важной причиной изменений (или постоянства) списка компаний, входивших в индекс Доу–Джонса на протяжении всей его истории, было изменение (или постоянство) структуры экономики США в те или иные периоды, которое во многом определялось упомянутыми в начале этой статьи длинными волнами кондратьевских циклов, а также и более короткими циклами, которые Г. Хаберлер (Хаберлер, 2008, с. 223) называет «экономическими» или «торгово-промышленными» циклами. Однако, это отдельная и достаточно большая тема, требующая специального изложения, и здесь она более подробно рассматриваться не будет.

Отсутствие взаимосвязи между изменениями списков индекса Доу–Джонса и его динамикой показывают и статистические оценки, полученные по этим данным. Так, значение χ^2 для таблицы сопряженности 2×2 с градациями по числу замен «< 3» и «≥ 3» и по

среднегодовым темпам роста индекса «< 0,97 или > 1,2» и «≥ 0,97 и ≤ 1,2» оказалось равным 3,43, что немного ниже соответствующего критического значения χ^2 для одной степени свободы на уровне 5%, равном 3,84 (Мюллер, Нойман, Шторм, 1982).

ИНДЕКС РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ СИСТЕМЫ (RTSI)

Общая характеристика индекса

Индекс Российской торговой системы (далее – индекс РТС) начал рассчитываться с сентября 1995 г., когда несколько брокеров, занимавшихся покупкой и продажей ценных бумаг, зарегистрировали некоммерческое партнерство «Фондовая биржа РТС»¹². Методика расчета этого индекса направлена на оценку текущей суммарной рыночной капитализации определенного списка акций, торгуемых на этой бирже¹³:

$$I_t = Z_T I_1 \frac{MC_t}{MC_1}, \quad MC_t = \sum_{i=1}^N W_i P_i Q_i C_i,$$

где MC_t – суммарная стоимость всех акций, входящих в список этого индекса на дату конкретного расчета t ; MC_1 – значение суммарной стоимости всех акций на дату первого произведенного расчета; I_1 – значение индекса на дату первого расчета¹⁴; Z_T – поправочный коэффициент, аналогичный такому же коэффициенту из формулы расчета индекса Доу–Джонса и меняющийся при дроблении акций, изменении списка акций и в других подобных ситуациях; W_i – поправочный коэф-

¹² Фондовая биржа РТС – официальный сайт <http://www.rbc.ru/companies/rts.shtml>.

¹³ Подробности см.: <http://www.rts.ru>, раздел «Индексы».

¹⁴ $MC_1 = 12,7$ млрд долл. США, $I_1 = 100$ пунктов.

фициент, учитывающий количество ценных бумаг вида i в свободном обращении (free-float); C_i – коэффициент, ограничивающий долю капитализации ценных бумаг типа i ; Q_i – количество ценных бумаг соответствующего наименования, выпущенных эмитентом на текущую дату; P_i – цена ценной бумаги i в долларах США на расчетное время t ; N – число наименований ценных бумаг в списке, по которому рассчитывается индекс. Величины W_i и C_i рассчитываются достаточно сложным образом, их формулы имеются на официальном сайте РТС с подробными пояснениями принципов и методики их расчета. Формула расчета индекса I_t остается неизменной с начала его введения, в то время как формулы для расчета коэффициентов W_i и C_i периодически меняются.

Основными критериями, которые используются при включении акций в котировальные списки индекса и определяются в специальной методике, являются уровень ликвидности акции, оцениваемый через число сделок с этой акцией в течение определенного промежутка времени, объем торгов данной акцией и уровень капитализации компании-эмитента, а также размер спреда. На решение о включении акции в котировальный список может повлиять также и отраслевая принадлежность эмитента, однако этот фактор, учитывая его предпоследнее место в списке причин, по которым та или иная компания включается в список индекса или исключается из него, срабатывает скорее всего только при прочих равных условиях. Решения об изменениях состава списков индекса РТС принимает исполнительный орган биржи каждый квартал на основе экспертных оценок и представлений индексного комитета биржи. До начала 2003 г. общий список индекса состоял из трех частей: 1) котировальный лист первого уровня (7–9 наиболее ликвидных акций); 2) котировальный лист второго уровня (около 20 акций в среднем, однако с достаточно большим разбросом); 3) акции, отображенные на основе экспертной оценки. Акции из третьей части списка составляли значительную

часть списка индекса – их число колебалось в пределах 20–40 штук. Начиная с марта 2003 г. список стал единым, а с 2005 г. была зафиксирована и длина этого списка – 50 акций.

Эти принципы формирования состава индекса РТС на ранних этапах его существования кардинально отличаются от принципов формирования списков индекса Доу–Джонса, в котором главным является стремление дать наиболее широкое представительство в нем компаний из разных отраслей промышленности и сферы услуг в зависимости от текущего положения компании в соответствующей сфере деятельности и ее успешности на фондовых торгах.

Исходные данные

Конечно, огромное различие в длительности существования индекса РТС и индекса Доу–Джонса – 15 и 115 лет – делает некорректным сопоставление указанных характеристик за весь период времени расчета индекса Доу–Джонса. Однако такое сравнение с характеристиками начального периода становления индекса Доу–Джонса представляется достаточно обоснованным. В качестве начального периода для этого индекса естественно рассмотреть первые 20 лет его существования, а именно период с мая 1896 г. по октябрь 1916 г., т.е. до первого изменения длины его списка, которое, очевидно, подытоживало накопленный к этому времени опыт и ознаменовало некоторый новый этап в правилах его составления. Этот период в развитии индекса Доу–Джонса, который и будет рассматриваться всюду далее при сравнении динамики состава и других характеристик этих двух индексов, и по сути, и по его длительности вполне сопоставим с периодом исчисления индекса РТС, к настоящему моменту времени, и так же, как и рассматриваемый здесь период расчета индекса РТС являлся периодом становления принципов и методики его расчета.

Перед изложением полученных для индекса РТС оценок частоты смены компаний в

индексе и интенсивности этих замен отметим, что данные по индексу РТС, использованные в наших расчетах, имеют разную периодичность измерений. Так, за период 2002–2011 гг. имеются ежеквартальные данные по числу изменений списка индекса, в то время как за предыдущие пять лет, несмотря на то, что решения о включении и исключении компаний в индекс с начала его исчисления принимались ежеквартально, только данные о составе индекса на конец года¹⁵. В связи с этим для получения общего числа компаний, включенных и исключенных из индекса за первые пять лет расчетов, необходимо оценить, сколько компаний, которые были включены в список индекса и исключены из него в течение одного года (т.е. не попавших ни в список предыдущего года, ни в список следующего года), мы не учитываем.

Специальные расчеты показывают, что ошибка оказывается не слишком большой. Для получения соответствующих оценок следует оценить частоту случаев, когда акции той или иной компании включались в индекс всего на один или два квартала и только в середине года, так как если это происходило в начале года, то данная акция уже имела в списках на конец года, так же как и в случае, если та или иная акция имела в списках индекса в конце года. Предположим, что такие включения компаний в индекс РТС в первые пять лет его расчетов происходили с такой же частотой, как и в течение 2002–2010 гг. Соответствующие расчеты показали, что за указанный период было всего 13 случаев таких включений и исключений компаний, или около трех компаний за два года. Следовательно, за пять лет начального периода было всего 7–8 компаний, информация о вхождении которых в списки индекса РТС не присутствовала в наших данных. Учитывая, что всего за первые пять лет – по годовым данным – в

¹⁵ Данные за 1995–2001 гг. любезно предоставлены автору Департаментом индексов ОАО «Фондовая биржа РТС». Ежеквартальные данные за 2002–2011 гг. имеются на сайте, указанном в сноске 13.

индексе поменялось 110 компаний, ошибка составляет около 7%. Следует отметить, что эта ошибка относится только к компаниям с очень малым временем пребывания в индексе и не влияет на численность компаний, продержавшихся в списках индекса РТС три квартала и более. Везде далее цифры общего числа включений акций в индекс РТС и исключения из него будут использоваться с учетом этих оценок.

Численность компаний, «прошедших» через индекс РТС, и длина его списков

Несмотря на указанную выше смысловую близость расчетов индекса Доу–Джонса начального периода и времени расчетов индекса РТС с момента его введения и до настоящего времени, численность компаний, прошедших через списки этих двух индексов, отличается на порядок. Принятая в то время на бирже РТС практика ежеквартальной коррекции списка эмитентов, а также критерии процедуры отбора для включения компаний в списки индекса РТС привели к тому, что за 15 лет существования этого индекса произошло 229 случаев – с учетом 21 компании из начального списка – включения акций тех или иных компаний в список индекса и 179 случаев исключения акций из списков индекса¹⁶. При этом за указанный выше период времени через индекс Доу–Джонса прошло всего 33 компании, причем 12 из них входили в его первоначальный список, и 21 компания была заменена в индексе за этот период. Заметим, что из 33 компаний, фигурировавших в списке в этот период времени, акции только одной компании были исключены из списков индекса и потом снова включены в него.

В индексе РТС акции многих компаний включались в его списки, потом исключались из них и снова включались в индекс много-

¹⁶ На конец 2010 г. разница между числом включений и исключений компаний составляет длину списка индекса 50 компаний.

кратно. Всего в списках индекса за это время повторные включения акций в список и исключения из него наблюдались в отношении 41 компании, из которых акции 33 компаний входили в списки по 2 раза, акции 7 компаний попадали в списки индекса по 3 раза, а привилегированные акции МГТС включались в индекс 5 раз. Всего в индексе РТС насчитывался 51 случай повторного включения акций одного и того же эмитента. Такие случаи во всех приведенных ниже оценках рассматривались нами как включение «новой» акции. С учетом этих повторений, а также того, что у 45 эмитентов на бирже РТС котировались и обыкновенные, и привилегированные акции, через индекс за весь период прошли – или присутствуют в настоящее время – акции 184 эмитентов.

Длина списков индекса РТС за первые 10 лет его существования – до 2005 г. – изменилась 18 раз – от 21 компании в конце 1995 г. до 87 компаний в 1998 г. и от 42 компаний в 1999 г. до 68 компаний в 2000 г. Далее их число менялось в пределах 59–62 компаний вплоть до 2004 г., когда длина списков этого индекса вновь возросла до 68–71 компании. Такая волатильность числа компаний, включаемых в списки индекса, была, в сущности, предопределена правилами их формирования, а также неопределенностью и нестабильностью общей экономической ситуации в 1990-е гг. и в самом начале 2000-х гг., на фоне которой финансовое состояние российских компаний и уровень ликвидности их акций на торгах менялись очень быстро. И только с июля 2005 г. руководство биржи определило постоянную длину списка – 50 компаний. Это решение существенно снизило как частоту замен компаний в индексе, так и интенсивность одномоментных изменений списка индекса. Для сравнения напомним, что список индекса Доу–Джонса, формировавшийся, как уже говорилось выше, на совершенно других принципах, в начальный 20-летний период состоял из 12 компаний.

Частота и интенсивность изменений

Рассмотрим теперь, как менялись частота и интенсивность изменений списков индекса РТС за время его исчисления, а также сопоставим эти изменения с аналогичными изменениями списков индекса Доу–Джонса в указанный период. Сразу отметим, что при оценке интенсивности замены компаний в индексе РТС для периода до 2005 г. возникают некоторые проблемы, связанные с изменением числа компаний в его списках в разные моменты времени. Так, например, в 1998 г. в расчетный список индекса, который в конце 1997 г. состоял всего из 21 компании, было добавлено сразу 70 (!) компаний, а исключено всего четырех. То есть с точки зрения исключения компаний из индекса это был достаточно спокойный год, а с точки зрения динамики его состава – наиболее интенсивный. При этом в 1999 г. наблюдалась противоположная картина – из расчета индекса было исключено 47 компаний, а включено всего две. В связи с этими различиями в таблице приведены интенсивности исключения и включения компаний в индекс РТС. Однако наибольшее внимание в дальнейшем будет уделяться числу исключенных компаний, т.е. параметру, который характеризует ухудшение положения компании, уже находившейся в индексе. Кроме того, именно этот фактор стал основным при решениях о замене той или иной компании в индексе после июля 2005 г., когда длина списка индекса РТС была зафиксирована.

Характеристики частоты и интенсивности изменений списков двух индексов отличаются друг от друга кардинальным образом. В связи с указанными выше различиями в периодичности данных для первых пяти лет расчета индекса РТС и последующим периодом данные по длительности интервалов между изменениями списков индекса были рассчитаны только за период 2002–2010 гг. Как следует из данных, представленных в таблице, изменения списков компаний в этот период имели место практически каждый квартал:

86,5% изменений списка индекса РТС происходили именно с таким интервалом, и лишь в 13,5% случаев – причем все они приходятся на период после 2005 г. – изменения происходили раз в полгода. В индексе Доу–Джонса интервалы между изменениями списков величиной в один квартал или менее встречались в начальный период его становления в 30,8% случаев, в то время как почти половина изменений списка (46,2%) происходила не чаще, чем один раз в год.

Анализ интенсивностей изменений списков в целях объединения данных за весь период расчета индекса был проведен по годовым данным. Как видно из данных таблицы, распределения числа замен компаний в год в индексах РТС и Доу–Джонса являются почти зеркальным отражением друг друга. Так, если из 15 лет, по которым имеются данные по индексу РТС, изменений в течение года в нем не было только однажды (6,7%), то в индексе Доу–Джонса таких случаев было 12 из 20-летнего рассматриваемого здесь периода (60%). При этом максимальное число изменений за год в индексе Доу–Джонса не превышало семи компаний (в 1901 г.) и встретилось всего 2 раза (еще четыре компании в 1899 г.). В то время как в индексе РТС исключения четырех и более компаний происходили в течение 12 лет из 15-летнего периода его рас-

четов (80,0%); причем максимум приходится на замену от четырех до девяти компаний в год (6 раз за 15 лет). Распределение интенсивностей включения компаний в индекс РТС имеет моду в градации от 10 до 20 компаний за год, что происходило в трети всех лет наблюдения.

Более подробно – за каждый квартал – распределение числа компаний, исключенных из индекса РТС, приведено на рис. 4 вместе с динамикой значений индекса (по данным на конец месяца). Как видно из этой диаграммы, при почти 7-кратном росте индекса РТС в 1996–1997 гг. список индекса оставался практически постоянным. Так, за 1996 г. при общей длине списка в 21 компанию в него было добавлено всего три компании и ни одна не исключена, а в 1997 г. из списков индекса были исключены три компании. То есть в данном случае быстрый рост индекса не привел ни к увеличению числа компаний в списке, ни к какой-то значительной коррекции их состава. Заметим, что в 1996 г. ВВП России еще продолжал снижаться, и его объем в сопоставимых ценах составил 96,4% уровня 1995 г. В следующем 1997 г. ВВП немного вырос – на 1,4%, но это увеличение было не настолько большим, чтобы инвесторы именно по этой причине начали вкладывать финансовые средства в российские акции.

Таблица

Распределение интервалов между моментами замен компаний в списках индексов и величин интенсивности этих замен в списках индексов РТС за 1995–2010 гг. (без компаний, находящихся в индексе на конец 2010 г.) и Доу–Джонса за 1896–1916 гг., %

Интервалы между заменами			Интенсивность замен за год			
			Число замен	РТС		Доу–Джонс
Интервалы	РТС*	Доу–Джонс		включено	исключено	
1 квартал	86,5	30,8	Без замен	6,7	6,7	60,0
2 квартала	13,5	15,4	1–3 компании	20,0	13,3	30,0
3 квартала	0,0	7,7	4–9 компаний	26,7	40,0	10,0
1 год	0,0	0,0	10–20 компаний	33,3	26,7	0,0
Более 1 года	0,0	46,2	Более 20 компаний	13,3	13,3	0,0
Всего интервалов	36	13	Всего лет	15		20

* Для индекса РТС рассчитано по данным с 2001 г.

Вообще какая-либо причинность в изменениях списков индекса РТС в начальный период его существования проглядывается достаточно слабо, если вообще можно каким-то образом найти причинно-следственную связь между динамикой индекса и изменениями его состава. Так, например, за 1998 г. (при 10-кратном снижении значений индекса) в его состав было добавлено 70 компаний, и длина списка при этом увеличилась с 21 компании на конец 1997 г. до 87 на конец 1998 г. Иными словами, за 1998 г. был построен по сути новый индекс, который, однако, уже в 1999 г. был снова перестроен. В этом году (при почти 3-кратном росте значений индекса) из списка было исключено 47 компаний, причем 40 из них было включено в списки индекса в предыдущем году. То есть кризисные явления тех лет, во-первых, далеко не сразу проявились в изменениях списков индекса, а во-вторых, происходили вопреки динамике как общей экономической ситуации в России, так и значений самого индекса (см. рис. 4).

В 2000 г., когда значения индекса оставались примерно на одном и том же уровне (80% декабря предыдущего года), в индекс

было добавлено 36 и исключено 10 компаний. При этом в течение одного года продолжался процесс включения и исключения одних и тех же компаний. Так, например, из 36 включенных в 2000 г. компаний оказалось 20 компаний, исключенных из индекса в течение предыдущего (1999) года. В 2001 г. начался, хотя и с некоторыми коррекциями, достаточно уверенный рост котировок российских компаний на торговых площадках биржи РТС, параллельно с которым происходили и значительные изменения в составе и длине списков этого индекса. Так, за 2001–2003 гг. при длине расчетного списка, колебавшегося в пределах 59–63 компаний, из котировального списка индекса РТС было исключено 48 и включено 53 компании. Подобные изменения списков показывают, что в первые 10 лет существования индекса РТС слишком резко реагировал на изменения уровня финансовой и хозяйственной деятельности конкретных компаний, как при росте их финансовых показателей, так и при их снижении. В основном это происходило за счет акций, включенных в третью часть котировального листа, определявшегося, как отмечалось выше, на основании экспертных

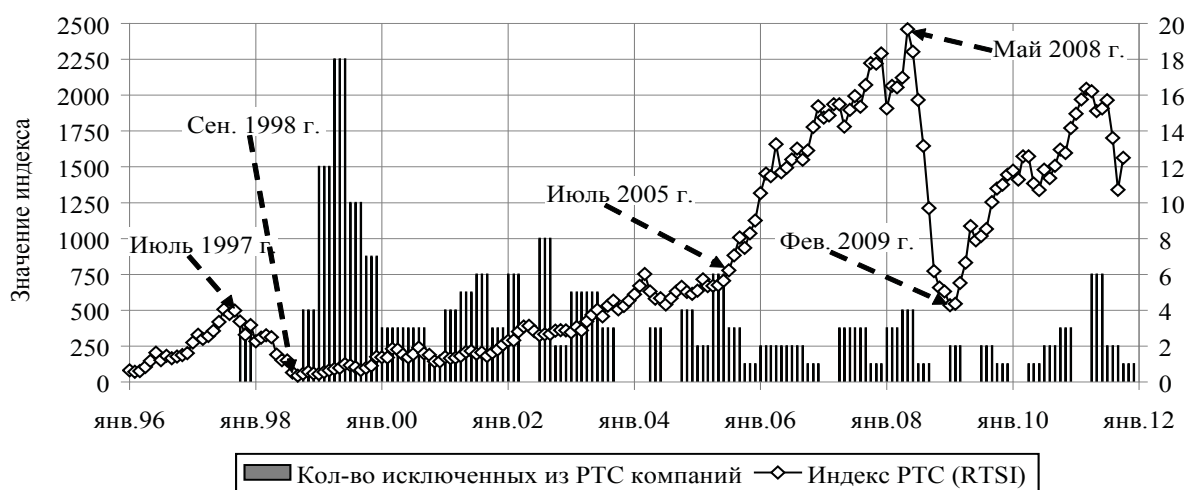

Рис. 4. Динамика индекса РТС (левая шкала, значения на конец месяца) и число компаний, исключенных из индекса за квартал (правая шкала, число компаний)

оценок. Эта волатильность списков индекса (когда та или иная компания – а таких компаний, как мы видели, было много – исключалась из индекса по достаточно непонятным для внешнего мира причинам) была негативным явлением, притом что сам факт включения компании в список индекса РТС и исключения из него представляется для внешнего мира некоторой рейтинговой оценкой данной компании. И это, конечно, отрицательно сказывалось как на имидже соответствующих компаний, так и на их репутации как надежного заемщика, причем в ситуации, когда проблемы кредитования реального сектора были достаточно острыми.

Последний пик числа исключенных компаний из списков индекса приходится на 2005 г., однако он возник не из-за проблем в самих компаниях, связанных с их хозяйственной деятельностью или недостаточной ликвидностью акций этих компаний на торгах, а в результате принятого руководством РТС решения ограничить длину списка индекса РТС 50 компаниями. Это решение, а также введение единого списка акций в 2003 г. кардинально изменило ситуацию (прекратилось постоянное «перелопачивание» списка акций этого индекса, наблюдавшееся в предыдущие годы) и привело к стабилизации списка. Так, после июля 2005 г. изменения списка стали происходить гораздо реже, а число замен снизилось до 1–3 компаний за квартал (см. рис. 4).

Интересно отметить, что, несмотря на столь сильную вариабельность списков индекса РТС, в нем имеются компании, которые были включены еще в начальный список и непрерывно находятся в нем до настоящего времени. Это такие «голубые фишки» этого индекса, как ЛУКОЙЛ, Мосэнерго, Сургутнефтегаз и Петербургская телефонная сеть. Немного отклоняясь от темы данной статьи, отметим, что распределение длительностей жизни компаний в индексах Доу–Джонса и РТС за все время их исчисления и в отдельные периоды представляет собой довольно интересную и разнообразную картину, результаты анализа которой, как и других затронутых в

этой статье вопросов, требуют отдельного изложения.

Можно сделать вывод о том, что индекс РТС во многом повторил те процессы, которые происходили в начальный период исчисления индекса Доу–Джонса, однако с определенным «коэффициентом подобия». Как показал сравнительный анализ, даже после фиксации длины списка индекса РТС изменения его состава происходили значительно чаще и более интенсивно, чем в списках индекса Доу–Джонса в годы его становления. Естественно, имеют место определенные различия между ними, вызванные различными внутренними и внешними экономическими условиями, существовавшими на рубеже XX и XXI вв. В целом же следует отметить, что опора создателей индекса Доу–Джонса на структуру экономического производства, а не на те или иные характеристики торгов акциями конкретного эмитента сделала состав этого индекса более стабильным, чем индекса РТС, что позволяло более адекватно – хотя все же с теми или иными отклонениями – отслеживать динамику экономической ситуации в США в целом и отдельных составляющих этот индекс компаний в частности.

Заметим, что индекс РТС, которому в мае 2011 г. исполнилось 16 лет, в скором времени, возможно, прекратит свое существование, так как этой осенью произошло слияние биржи РТС и Московской международной валютной биржи (ММВБ). Какая судьба ожидает при этом собственно индекс РТС, пока неизвестно, но, возможно, что описание динамики списков компаний, чьи акции входили в этот индекс ранее и входят в него настоящее время, станет достоянием только лишь исторических исследований, а не описанием событий в действующей институциональной единице. В то же время компании, чьи акции котировались на этой бирже, естественно, никуда не исчезнут и в том или ином котировальном списке будут присутствовать на торгах ММВБ, тем более что на данный момент списки индексов этих двух бирж имеют значительные пересечения. Кроме того, опыт, накопленный в

процессе более чем 15-летней работы биржи РТС, и описание процессов, протекавших на ней в период ее становления, включая ошибки и успехи в ее деятельности, может оказаться полезным при определении принципов формирования списков эмитентов для каких-либо других индексов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая результаты наших исследований, отметим, что сам по себе анализ принципов формирования списков индексов, а также частоты и интенсивности замен компаний в этих списках является, конечно, одним из многих аспектов изучения деятельности такой важной институциональной экономической единицы, как фондовая биржа. Значительный интерес представляет, например, оценка длительности жизни компаний в списках фондовых индексов и, в частности, вычисление для этих компаний такой широко используемой в демографических исследованиях характеристики, как средняя продолжительность предстоящей жизни. Однако наибольший интерес представляет изучение взаимосвязи между изменениями структуры экономики страны по видам экономической деятельности и изменениями состава списков фондовых индексов, о чем не раз упоминалось в статье.

Тем не менее результаты, изложенные в данной статье, представляют, с нашей точки зрения, определенный интерес. В частности, отсутствие взаимосвязи между интенсивностью замен в списках индекса и длительностью интервала, предшествовавшего этой замене, несмотря на то, что, как представляется априори, увеличение этого интервала должно приводить к более интенсивной и массовой смене списков. Как отмечалось выше, основную роль здесь играет интенсивность смены структуры экономики, происшедшей за тот или иной период времени. Достаточно

неожиданным оказывается и отсутствие значимой статистической связи между активностью динамики самого индекса и интенсивностью замен компаний в его списках. Конечно, в некоторых ситуациях такая связь имеет место, в частности в периоды начального становления индекса, когда правила и принципы включения и исключения компаний из индекса еще не устоялись и их изменение приводит к более частой смене компаний в индексе, чем в случае фиксированных и отработанных правил проведения листинга, а также в ситуациях, аналогичных периоду Великой депрессии. Тем не менее получить некоторое общее правило, которое устанавливало бы, что при превышении темпов роста индекса некоторой определенной границы интенсивность замены компаний в индексе в тот или иной период времени обязательно или с достаточно большой вероятностью повышается, не удастся.

В заключение следует сказать, что индекс Доу–Джонса – как, наверное, и индекс РТС, а также многие другие индексы фондовых бирж – является, вообще говоря, некоторой «вещью в себе», живущая во многом по собственным законам, которыми управляет не только общая экономическая и социально-политическая ситуация в стране или мире в целом, но и настроения конкретных участников этого рынка – не только их «мании, паники и крахи» (Киндлбергер, Алибер, 2010), но также и надежды.

Литература

- Андрукович П.Ф. Долгосрочная и среднесрочная динамика индекса Доу–Джонса // Проблемы прогнозирования. 2005. № 2.
- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
- Киндлбергер Ч., Алибер Р. Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи. СПб.: Питер, 2010.

*ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ПРАКТИКА*

Кругман П. Возвращение Великой депрессии? М.: ЭКСМО, 2009.

Мюллер П., Нойман П., Шторм Р. Таблицы по математической статистике. М.: Финансы и статистика, 1982.

Макинерни Д. США. История страны. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009.

Пантин В.И. Длинные волны и перспективы мирового социально-политического развития в первой половине XXI века // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. М.: ЛКИ, 2010.

Хаберлер Г. Процветание и депрессия: Теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск: Социум, 2008.

Anderson B.M. Economics and the Public Welfare. N.Y.: D. Van Nostrand Company, Inc., 1965.

Рукопись поступила в редакцию 02.06.2011 г.

ПРОТИВОРЕЧИЯ КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ФИНАНСОВ

Л.И. Сергеев

Обобщаются теоретические положения контрольной функции финансов. Рассматриваются многогранные аспекты противоречий процесса распределения стоимости общественного продукта. Выявляются сущность и содержание финансового контроля в условиях согласования противоречий процесса распределительных отношений в обществе. Анализируются природа возникновения контрольной функции финансов и ее изменения в экономическом развитии новой России.

Ключевые слова: экономические противоречия, общественное воспроизводство, стоимость общественного продукта, функция финансов, закон стоимости, финансовый контроль, согласование экономических интересов, оптимизация распределительных процессов, теория финансов, классификация противоречий, природа финансового контроля.

Контроль в общем случае является функцией управления всеми процессами жизнедеятельности общества. Он позволяет проследить все обратные связи в социально-экономической системе и получать сигналы о возникающих отклонениях от заданных параметров общественного развития. Если предметом контроля являются отношения по поводу финансов в обществе, то речь идет о контрольной функции финансов, которая имеет теоретическое обоснование и особые формы организации и проведения. Эти особенности основаны на определении финансов как экономической категории и теории управления экономическими системами. Дальней-

шее развитие форм и методов финансового контроля невозможно без углубления теоретического обоснования природы и сущности финансов и противоречий по поводу финансов в обществе.

Контрольная функция финансов в настоящий момент приобретает новое содержание, которое связано со сложившимися условиями развития производительных сил, системы производственных отношений и теневой (неформальной) экономики в России. Многочисленные исследования в области развития рыночной экономики, финансовых отношений в России характеризуются слабыми обобщениями проблем и противоречий, недостаточными обоснованиями теоретических вопросов контрольной функции финансов (Барулин, Барулина, 2007; Лушин, 2005; Государственные и территориальные..., 2008) и др. Немногочисленные исследования теоретических положений теневой экономики, ее финансовой стороны характеризуются недостаточным обоснованием природы и сущности проявления экономических законов, которые составляют основу сложившейся и развивающейся неформальной системы экономических отношений по поводу перераспределения совокупного общественного продукта в нашей стране. Все это сдерживает грамотное проведение финансового оздоровления общества.

Контрольная функция финансов, призванная служить процессам оптимизации финансовых пропорций развития общества, препятствием расширения неформальной экономики, опосредует все стадии процесса воспроизводства и кругооборота совокупного общественного продукта в обществе. Учитывая особенности финансов как экономической категории, контрольная функция финансов обладает рядом особенностей – собственной природой и содержанием – которые выражают ее особенную сущность и соответствуют организационным формам и методам аудита процессов распределения и перераспределения совокупного общественного продукта. Таким образом, контрольная функция финансов отличается от других видов контрольной

© Сергеев Л.И., 2011 г.

деятельности и охватывает все сферы жизнедеятельности общества.

Природа контрольной функции финансов строится на денежной основе. Если природа финансов как экономической категории базируется на законе стоимости и реализуется через механизмы распределения и перераспределения фондов денежных средств, то операционное поле финансового контроля представляют собой фактические противоречия между их отдельными элементами. В свою очередь эти противоречия базируются на экономических интересах, порождаемых объективными экономическими законами. Поэтому если считать финансы механизмом пассивного (первоначального) сглаживания финансовых противоречий в обществе, то финансовый контроль, на наш взгляд, представляет собой систему активного (последующего) сглаживания этих противоречий в обществе. Контроль движения финансов присутствует в обобщении результатов предварительных этапов распределительных процессов.

Финансы представляют собой абстрактную экономическую категорию. К сожалению, некоторые исследователи – экономисты и практически все финансовые работники, политики и население отождествляют финансы с деньгами. Не следует забывать, что деньги представляют собой только материальную основу финансов. Сама категория «финансы» имеет самостоятельную природу и специфическое содержание, отличное от денег. Денежная природа финансов проявляется в процессе реализации их функций. Финансы – абстрактная, а деньги – конкретная форма воспроизводства части стоимости совокупного общественного продукта и реализации товарообменных операций в обществе.

Система распределительных отношений прежде всего является содержанием финансов, на каждом этапе воспроизводства и в процессе товарно-денежного кругооборота характеризуется наличием *разнонаправленных интересов экономических агентов общества*. Противоречия интересов экономических агентов в процессе воспроизводства совокупного

общественного продукта и товарно-денежного кругооборота являются основным фактором возникновения как формального (законодательно установленного), так и неформального движения стоимости, которое обеспечивается системой финансовых отношений. Таким образом, природа финансового контроля основана как на официально закрепленной системе согласованных (разрешенных) противоречий в финансовых отношениях, так и на неразрешенных (но имеющихся) противоречиях внутри различных финансовых сфер общества. Структуру финансовых противоречий можно классифицировать по различным признакам. Лежащие на поверхности противоречия можно анализировать по следующим основным традиционным признакам:

- формы воспроизводственного процесса – простое, расширенное, суженное воспроизводство;
- уровни государственного управления (вертикальный разрез) – федеральный центр, региональный, муниципальный уровень;
- сферы общественного воспроизводства – материальная, нематериальная;
- отраслевое направление построения экономики – промышленность, транспорт, сельское хозяйство и др.;
- региональное (горизонтальное) обустройство государства – Северо-Западный, Центральный, Южные федеральные округа и др.;
- виды изъятия стоимости совокупного общественного продукта – прямые и косвенные налоги;
- виды интересов – государство, бизнес, субъект.

Традиционная структуризация принципов и признаков классификации возможных финансовых противоречий основана на финансово-экономических отношениях. Эти противоречия имеют практические механизмы разрешения финансовых интересов в разнообразных формах планирования, оптимизации и стимулирования рациональных финансовых отношений. Они прописаны в законах, кодексах, инструкциях, методиках и других

нормативных финансово-экономических инструментах государства. Но всю систему противоречий, глубину их содержания и природу экономическая наука еще не выявила до конца, что затрудняет осуществление грамотной финансовой работы и усиливает значение контрольной функции финансов в обществе (Барулин, Ковалева, 2004; Черкасов, 2010; Родионова, 2010; и др.). Однако экономическая мысль и финансовая практика не стоят на месте.

Как правило, противоречия интересов возникают по поводу распределения стоимости общественного продукта в обществе. Стоимость всего общественного продукта можно разделить на несколько групп, которые можно дифференцировать по *степени разрешения этих противоречий*. В наибольшей степени разрешенные противоречия требуют адекватные им незначительные контрольные действия, так как согласованные интересы, механизмы достижения их рациональных соотношений являются залогом оптимальных процессов распределения стоимости общественного продукта. Слабо согласованные интересы потребуют значительных усилий, связанных с осуществлением контрольных функций над распределением стоимости общественного продукта, так как в этом случае усиливаются тенденции неформального перераспределения стоимости. Например, достаточно успешными, на наш взгляд, являются разрешения противоречий в плане распределения общественного продукта между государством и бизнесом, так как в общественные фонды потребления (бюджеты различного уровня, внебюджетные фонды потребления) направляется в настоящее время значительно меньший объем средств, чем до перестройки (около 30% ВВП, до перестройки – более чем в два раза больше). Недостаточно успешными, на наш взгляд, являются процессы разрешения противоречий при организации финансирования за счет бюджета и внебюджетных общественных средств закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд. Второй случай потребует значительно больших уси-

лий и финансовой контрольно-аналитической работы, чем первый.

Абстрактные теоретические обобщения природы и сущности финансовых противоречий имеют различные формы согласования. Конфликт интересов может обладать *как количественными, так и качественными характеристиками*. Количественные параметры – объемы распределяемых и перераспределяемых ресурсов совокупного общественного продукта на различных этапах и уровнях воспроизводственного процесса. Качественные характеристики противоречий отражают содержание разнонаправленных интересов по поводу формирования структуры и распределения стоимости общественного продукта. Различия интересов формируются под действием объективных экономических закономерностей, которые побуждают экономических агентов создавать структуры и распределять стоимость общественного продукта в противоположных направлениях. К примеру, экономические интересы одних агентов в процессе расширенного воспроизводства направлены на создание фондов накопления, других – на формирование фондов потребления. Контрольная функция в данном случае должна выявлять и учитывать требования оптимального распределения ресурсов совокупного общественного продукта с учетом исторического этапа развития общества и повышения уровня жизни населения. Таким образом, распределение стоимости созданного продукта на дальнейшее развитие или на текущее потребление должно согласовываться с текущим социально-экономическим состоянием и необходимым перспективным развитием общества.

Все противоречия развития общества имеют исторический характер. Данное положение относится также к противоречиям распределительных отношений, связанных с такой категорией, как финансы.

Рыночные преобразования в России послужили толчком к появлению новых противоречий в системе распределительных отношений общественного продукта. Раскрепощение

производительных сил явилось причиной появления новых свойств и характера имевшихся ранее конфликтов интересов, новых противоречий, обусловленных рыночными распределительными процессами в обществе. Некоторые традиционные противоречия приобрели новое содержание в связи с укреплением вертикали государственной власти и значительным расширением самостоятельной хозяйственно-экономической деятельности в обществе. Новое содержание противоречий потребовало усиления роли контрольно-аналитических форм регулирования распределительных процессов, так как расширение самостоятельности экономических субъектов должно иметь адекватное повышение роли и значения контрольных функций в системе регулирования механизмов распределения общественного продукта в обществе. Чем больше самостоятельности у экономических агентов, чем больше число хозяйствующих субъектов, тем более сложные и противоречивые распределительные процессы наблюдаются в обществе. Но увеличение числа противоречий в рыночных условиях не обязательно сопровождается аналогичным ростом элементов их сглаживания, в том числе с помощью рычагов финансового контроля.

Глубина противоречий интересов – абстрактное явление, которое приобретает конкретное содержание и практическую реализацию по мере выхода на поверхность всех форм стоимостных и финансовых отношений в обществе. Традиционные противоречия между трудом и капиталом, абстрактной и меновой стоимостью товаров, работ и услуг, а также другие разнонаправленные интересы экономических агентов и структур имеют специфическую грань, порождающую появление на поверхности финансовых отношений элементов неформальных (теневых) видов экономической деятельности во всех сферах жизни общества. Эта грань проявляет такие особенности, которые характеризуют финансы как распределительную категорию. На всех этапах первичного, вторичного, третичного и последующих этапах распределения стоимости

общественного продукта теоретически может присутствовать, а практически реально имеет место теневое (неформальное) изъятие и переориентация стоимости в системе несогласованных интересов экономических агентов. Причины этого лежат, на наш взгляд, не только в противоречиях личных, коллективных и общественных интересов, но и в содержании самой прибавочной стоимости. Каждый индивид оценивает стоимость своего труда с позиции не только рыночных индикаторов, но и личных амбиций, собственного восприятия своей «стоимостной» значимости как субъекта, которые зачастую превышают принятые обществом оценки.

Такое *внутреннее противоречие в процессе формирования прибавочной стоимости* зачастую является причиной теневого изъятия части добавленной стоимости на всех стадиях воспроизводственных процессов, а также в процессах организации и управления жизнью обществом. Мотивация каждого участника процессов повышения своего финансового благополучия, таким образом, служит толчком к формированию механизмов неформальной, искаженной экономики перераспределения стоимости общественного продукта и создаваемых общественных благ. К этому можно добавить коллективные интересы (особенно монопольных производств), которые могут условно формально, но в действительности нерационально и неадекватно экономическим законам перераспределять в свою пользу значительные объемы создаваемой в обществе стоимости совокупного общественного продукта.

Обобщая природу финансов как экономической категории, следует выделить *противоречие формы и содержания* этой категории. Конфликт может иметь различную глубину. Чем более непримиримы противоречия, тем сильнее пропорции расширенного воспроизводства и распределительных отношений отклоняются от требований объективных экономических законов. Непримиримые противоречия могут привести к кризисным явлениям в обществе, поэтому контрольная функ-

ция финансов в этом случае имеет особенно важное значение – она может обеспечить выравнивание диспропорций. Эти противоречия являются обычно масштабными, но их число может быть незначительным. Диспропорции такого плана имеют стратегическое значение для общественного развития, и их выравнивание посредством контрольно-аналитических мероприятий (включая государственный финансовый аудит) является важнейшей задачей государственного развития. Антагонистические противоречия могут приводить к революционным общественным преобразованиям в целом или в отдельных секторах общественной жизни.

Стремление общественных сил строить оптимальные процессы распределения общественных благ требует механизмов не только государственного, но и общественного контроля над результатами распределительных отношений в обществе. Это прежде всего касается распределения материальных благ общества посредством системы финансовых отношений, где особое место отводится контрольной функции финансов. Контрольная функция финансов в условиях усиливающихся конфликтов интересов в отношении распределения общественного продукта становится доминирующим элементом возможного сглаживания диспропорций развития общества.

Незначительные по глубине финансовые противоречия можно обобщать в большей степени как успешно сглаженные, нормально выстроенные стоимостные пропорции воспроизводства общественного продукта, которые отражаются в действующих экономических законах. Складывающееся в этом случае положение характеризует распределительную систему с помощью финансовых отношений как систему, требующую в первую очередь осуществления таких контрольных функций, которые отличаются по содержанию от контроля в условиях существенных стоимостных противоречий. Данные отличия имеют не принципиальный, а скорее технический характер. Эти противоречия значительны по числу фактов, но незначительны по глубине

противоречий каждого факта. Если в первом случае речь должна идти о кардинальных изменениях воспроизводственных пропорций в результате реализации контрольной функции финансов, то во втором о незначительных корректировках процессов распределения совокупного общественного продукта общества (как правило, его отдельных составляющих). При этом содержание контрольно-аналитических действий должно улавливать значительно менее существенные причины и факторы, приводящие к возникновению несогласованных интересов, чем в случае обобщения экономических явлений, способствующих появлению глобальных макроэкономических противоречий в процессе распределения стоимости общественного продукта.

Переход России к рыночным механизмам функционирования экономики является ярким примером разрешения огромной глубины противоречий в процессах распределения совокупного общественного продукта. Громадная контрольно-аналитическая работа по обобщению результатов разгосударствления собственности проводится и в настоящее время. Она помогает характеризовать связь между противоречиями больших масштабов и большими объемами контрольной финансово-аналитической работы. По аналогии с масштабными макроэкономическими противоречиями и методами их разрешений имеются многочисленные примеры незначительных по глубине противоречий, которые требуют не столь объемной финансово-аналитической контрольной работы. К ним можно отнести многочисленные конфликты интересов на микроэкономическом уровне: между трудом и капиталом (заработной платой); акционерами и менеджментом; чиновниками и бизнесменами и др.

В самом распределительном процессе совокупного общественного продукта заложено *внутреннее противоречие между формируемыми и получаемыми результатами отношений перераспределения*. Фонды денежных средств, формируемые в результате распределительных процессов, имеют двойствен-

ный характер: с одной стороны, они являются механизмом изъятия стоимости, а с другой – следствие пополнений соответствующих фондов. Например, любой бюджетный фонд общества представляет собой своеобразное изъятие (расход) у экономических агентов, но для общества в целом – доходы (поступления) бюджетных и внебюджетных фондов. Это противоречие требует детальных обоснований сглаживания интересов экономических агентов и общества в целом. Контроль состояния сглаживания противоречивых интересов, анализ их содержания и природы возникновения заключаются в поиске и обосновании компромиссных решений в системе распределительных финансовых отношений. Важен не только поиск оптимальных пропорций распределения, но и постоянный контроль их выполнения, который призван при необходимости обеспечивать изменения и поправки в процессы перераспределения. Таким образом, важной контрольной функцией финансов является обеспечение постоянного мониторинга хода распределительных процессов в обществе и информирования органов власти и общественности об уровне адекватности этих процессов требованиям объективных экономических законов.

Как в теоретических обобщениях, так и в практических действиях *двойственный характер распределительных процессов* часто находит отражение в таком понятии, как централизованные и децентрализованные фонды. Следует рассмотреть объект, к которому применяется понятие «централизация». К примеру, областной бюджет является централизованным денежным фондом относительно ресурсов входящих в область муниципальных образований. Одновременно этот же областной бюджет является децентрализованным фондом денежных средств по отношению к финансовым ресурсам федерального центра. Можно говорить о двойственной природе фондовой формы формирования денежных ресурсов в процессе распределения общественного продукта. Такая природа является следствием содержания единства и борьбы

противоположностей – централизации и децентрализации общественного продукта, а следовательно, и фондов денежных средств. Контрольно-аналитические действия являются необходимым элементом обобщения путей рационализации структуры общественного продукта в централизованных и децентрализованных фондах. Чрезмерная централизация финансовых ресурсов сдерживает заинтересованность производительных сил в динамичном развитии. Но определенные исторические этапы развития общества (войны, природные катастрофы) требуют централизованной мобилизации финансовых ресурсов.

Централизация и децентрализация могут рассматриваться укрупненно как распределение общественного продукта – в разрезе государства и бизнеса. Интересы бизнеса и государства имеют разнонаправленные векторы неантагонистического характера. Сглаживание противоречивых экономических интересов осуществляется путем регулирования изъятия создаваемой бизнесом стоимости. Процессы регулирования изъятия стоимости, в результате которого формируются централизованные фонды, являются еще одним важным содержательным элементом контрольной функции финансов.

Как только стоимость общественного продукта становится достоянием какого-либо экономического агента, возникает *противоречие между коллективными и общественными интересами*. Это противоречие реализуется в системе внутренней и внешней контрольной функции финансов. Внутренний контроль отождествляется с известными, как правило, личными факторами в отраслевых и внутриведомственных положениях. Внешний финансовый контроль, имеющий в большей степени независимую форму, не связан с ведомственными или отраслевыми особенностями и ограничениями. Он в большей степени, чем внутренний контроль, ориентирован на объективное обобщение всех возможных отклонений от нормативных, законодательно установленных процессов в системе функционирования экономических агентов. Противоречия внеш-

него и внутреннего контроля сглаживаются после разработки единой методической базы осуществления контрольно-аналитической деятельности и, естественно, наличием и совершенствованием единого законодательного экономического пространства государства.

Централизация и децентрализация финансовых ресурсов могут осуществляться по одноканальным и многоканальным схемам. В настоящее время в обществе превалирует многоканальная система перераспределения ресурсов. Здесь тоже наблюдаются *противоречия между количеством и качеством форм процессов перераспределения*. Чем больше каналов, тем ниже качество распределительных процессов, так как усложняются процессы контрольно-аналитической деятельности над ходом этих процессов. Одноканальные схемы упрощают формы контрольно-аналитической работы, но требуют сложных методических обоснований и соответствующих расчетов, которые показывают оптимальное соотношение финансовых потоков при централизации и децентрализации финансовых ресурсов. Таким образом, контрольно-аналитическая деятельность призвана способствовать выработке рациональных предложений о количественном составе каналов распределения финансовых ресурсов в обществе. Мониторинг многочисленных распределительных каналов движения стоимости усложняет контрольную работу. Например, система расщепления налогов по уровням бюджетной системы в настоящий момент пришла в противоречие с интересами различных уровней власти по поводу формирования собственной базы ресурсов. Устранению этого противоречия призван способствовать механизм формирования доходной базы по уровням бюджетов по принципу «один налог – один бюджет».

Двойственный характер имеют не только общественные, но и любые другие формируемые в обществе фонды, которые являются результатами *распределительных процессов*. Такими же чертами обладают деньги – материальная основа финансов и основополагающий эквивалент стоимости. Обезличенная денеж-

ная масса – элемент обеспечения натурально-стоимостных воспроизводственных пропорций в государстве. Как только фондовый механизм распределения стоимости приобретает денежное содержание, деньги получают новое качество – они теряют обезличенную форму и становятся собственностью экономических агентов. В этом случае осуществляется их непосредственная связь с человеческим фактором, где возникают меркантильные личные интересы, которые служат почвой для формирования теневой экономики. Поэтому денежные потоки должны постоянно сопровождать система контрольных мероприятий, связанных с анализом, выявлением и пресечением возможных злоупотреблений в финансовой сфере общества.

Способы образования денежных фондов и механизм их использования в процессе перераспределения стоимости общественного продукта создают противоречия по поводу финансов в обществе. Образование фондов имеет общественный, как правило, коллективный характер, в процессе их формирования участвуют все производительные силы общества (корпоративный и государственный сектор). Формирование общественных фондов потребления происходит на трех стадиях воспроизводственного процесса: производство, распределение и обмен. Конечное использование общественных фондов характеризуется в большей степени индивидуальной формой потребления. Оно осуществляется на четвертой стадии воспроизводственного процесса – в процессе потребления. Таким образом, отдельные черты четвертой стадии воспроизводственного процесса входят в противоречия с тремя предыдущими стадиями, где осуществляется производство общественного продукта. Противоречивый характер процессов образования и потребления фондов требует механизмов сглаживания конфликтов интересов в системе финансовых отношений. Содержание данной контрольной функции опирается на методологическое обоснование процессов накопления и потребления в обществе.

Баланс экономических интересов имеет целью как *горизонтальное, так и вертикальное сглаживание противоречий в обществе*. Горизонтальное сглаживание затрагивает воспроизводственные пропорции в плане территориального размещения производительных сил общества и создаваемого в субъектах общественного продукта. Как правило, известно, что экономические потенциалы субъектов Федерации далеко не одинаковые. Государственные интересы преобладают над территориальными внутри единого государственного пространства, поэтому создаваемый совокупный общественный продукт перераспределяется между субъектами Федерации. Такое перераспределение обеспечивается через соответствующие централизованные государственные фонды и составляет суть процесса сглаживания территориальных противоречий в обществе и обеспечения сбалансированности общественных фондов (по доходам и расходам). Сглаживание этих противоречий в территориальном плане не должно приводить к необоснованному изъятию у одних и необоснованному увеличению финансовых ресурсов у других субъектов Федерации. Контрольная функция финансов призвана обеспечивать оптимальные пропорции в этом процессе.

Вертикальное согласование экономических интересов различных уровней власти в государстве обеспечивает баланс административных полномочий и их финансовых ресурсов. Перераспределение финансовых ресурсов для баланса полномочий (расходов и доходов) осуществляется путем закрепления возможности изъятия части созданной стоимости и распределения ее по уровням власти в обществе. Контрольная функция финансов имеет важное значение в процессе горизонтального и вертикального разрешения финансовых противоречий для обеспечения сбалансированных пропорций развития общества.

Распределительная функция финансов проявляется не только в воспроизводственном процессе на этапах создания новой стоимости, которая создается живым трудом. Большое значение отводится распределительной

функции финансов в процессах воспроизводства и разгосударствления орудий труда, которые характеризуются овеществленным трудом. В процессе воспроизводства орудий труда обществу выгодно постоянно модернизировать производство, вводить в действие новые, более производительные орудия труда. Экономическим агентам, напротив, это выгодно далеко не всегда, и орудия труда эксплуатируются зачастую до их полного физического износа. Но технический прогресс должен учитывать моральный износ орудий труда, поэтому государство обеспечивает создание соответствующих воспроизводственных (амортизационных) фондов для воссоздания стоимости орудий труда в масштабах общества. Здесь преобладают интересы общества, которые согласуются с экономическими агентами. Анализ и контроль согласования этих противоречий в интересах общества являются специфической стороной финансовых отношений в обществе.

Все этапы финансового контроля (предварительный, текущий и последующий) в процессе воспроизводства имеют специфические особенности, связанные с предметом обобщения: планируемые, исполняемые и отчетные воспроизводственные процессы. *Противоречия между предварительной, текущей и последующей* контрольными функциями финансов сглаживаются в процессе текущих контрольных мероприятий путем корректировки. При этом чем меньше число процедур сглаживания, тем совершеннее система предварительного распределения общественного продукта в обществе.

В процессе массовой приватизации государственного имущества сплетаются интересы государства, корпораций и личности. Интересы государства заключаются в наиболее рациональном закреплении имущества за собственниками, которые будут добиваться высокой эффективности своих бизнес-структур. Интересы бизнес-структур и конкретных субъектов будут не в полной мере совпадать с интересами государства, которое, к примеру, может выставить одним из усло-

вий приватизации сохранение определенных производственных связей продаваемых (или передаваемых) предприятий. Это можно сделать, например, путем обязательной продажи (или закрепления) доли акций смежников друг за другом. Такая постановка вопроса требует глубокой финансово-аналитической и контрольной проверочной работы на предварительных этапах распределения овеществленного труда в обществе.

Рыночные отношения по-новому высветили процессы приватизации овеществленной государственной стоимости и использования государственных и корпоративных ресурсов. Активы государства, имущественные комплексы продаются по рыночным оценкам. На первоначальном этапе приватизации активы практически безвозмездно передавались в собственность трудовых коллективов. Эти процедуры уже имеют цивилизованные рыночные рамки, реализация которых требует постоянной контрольно-аналитической работы, связанной с выявлением рациональных путей продажи государственных активов в государственных интересах. И бизнес, и государство в процессе использования своих финансовых ресурсов применяют конкурсные процедуры закупки товаров, работ и услуг, что призвано снижать затраты финансовых средств и сокращать затраты труда на создание общественного продукта. Контроль этих процессов составляет новое содержание финансовой работы в товарно-денежном обращении общества.

Определенное *противоречие природы финансов* в распределительной функции присутствует в *содержании этой категории и формах учета* движения совокупного общественного продукта в воспроизводственных процессах. В государственных масштабах учетные формы представляет система национального счетоводства, где обобщаются результаты всех распределительных воспроизводственных процессов. На более низких уровнях общественной организации данное движение фиксирует система бухгалтерского учета.

Таким образом, контрольная функция финансов в обществе имеет сложную много-

гранную природу и проявления. Она охватывает все воспроизводственные процессы – формирование и использование стоимости совокупного общественного продукта. Противоречия внутри финансов как экономической категории в процессе распределения совокупного общественного продукта требуют применения различных форм и методов осуществления на практике контрольной функции финансов с помощью более прогрессивных форм.

Литература

- Барулин С.В., Барулина Е.В.* К вопросу о сущности финансов: новый взгляд на дискуссионную проблему // *Финансы*. 2007. № 7.
- Барулин С.В., Ковалева Т.М.* Сущность финансов: новые реалии // *Финансы и кредит*. 2004. № 5.
- Государственные и территориальные финансы: Учебник для вузов / Под ред. А.Г. Мнацаканяна, Л.И. Сергеева. Калининград: Балтийский ин-т экономики и финансов, 2008.
- Лушин С.И.* О функциях финансов. Исторический аспект // *Финансы*. 2005. № 7.
- Родионова В.М.* Сущность финансов и их роль в рыночной экономике // *Финансы*. 2010. № 6.
- Черкасов Е.В.* Финансы: Теоретический аспект // *Финансы*. 2010. № 6.

Рукопись поступила в редакцию 04.07.2011 г.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ СРЕДНЕЙ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Н.В. Максимовская, Е.А. Стаценко

В статье рассматривается проблема прогнозирования социально-экономических процессов в Российской Федерации, Украине, республиках Беларусь и Молдова. С помощью факторного анализа авторами были выделены ведущие факторы, определяющие состояние социально-экономической сферы; с использованием дискриминантного анализа сформирована система показателей, позволяющая спрогнозировать изменения ожидаемой продолжительности жизни населения. Разработанные функции применимы при внедрении программ, направленных на регулирование демографической ситуации.

Ключевые слова: продолжительность жизни, факторный анализ, дискриминантный анализ.

ВВЕДЕНИЕ

Существенным элементом социально-экономического планирования является демографическое прогнозирование, так как в составе базовых условий развития страны особое значение имеют показатели демографической ситуации. Для выработки программ развития тех или иных сфер жизни общества необходимо знать состав и признаки будущих участников социальных процессов в связи с тем, что существует устойчивая зависимость между динамикой количественно-

качественных характеристик состояния населения и параметрами развития экономики. Именно демографический прогноз позволяет определить количество и структуру будущих трудовых ресурсов, возможные потребности различных групп населения в товарах и услугах, оценить варианты размещения объектов инфраструктуры, обосновать государственные мероприятия по социальному обеспечению. Таким образом, социальная ориентация экономики обуславливает актуальность и высокую значимость демографического прогнозирования в разработке стратегии развития общества, выработке рекомендаций в области политики народонаселения, решении региональных экономических и политических проблем (Борисов, 2001; Медков, 2002; Прогнозирование и планирование..., 2003).

Последнее десятилетие XX в. стало для стран СНГ переходным к новой модели экономического развития периодом, что и создало современную демографическую ситуацию. А.В. Толпилин (Толпилин, 2002) характеризует начало 1990-х гг. для Беларуси, России и Украины, в которых проживает 73% всего населения СНГ, началом полосы негативных тенденций, которые привели не только к снижению численности населения этих новых стран, но и изменению пропорций между разными элементами демографической структуры. В концепции демографического перехода выделяются четыре последовательные этапа в демографической истории человечества. По мнению А.В. Толпилина, к 2000 г. Российская Федерация, Украина, Республика Беларусь и Республика Молдова оказались на четвертом этапе демографического перехода, когда коэффициент смертности увеличивается и становится равным коэффициенту рождаемости. Более того, в этих странах смертность превысила рождаемость и наблюдаются отрицательные показатели естественного прироста населения, что позволяет говорить о *депопуляции населения*. Также данные о снижении демографического потенциала приводят в своих исследованиях Н.М. Римашевская (Римашевская, 2010), Е.М. Щербакова (Щербако-

© Максимовская Н.В., Стаценко Е.А., 2011 г.

ва, 2007), Е.А. Антипова (Антипова, Фокеева, 2009).

В ряде негативных тенденций можно выделить снижение ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения при рождении в указанных странах СНГ. Статистические данные за 1990–2008 гг. показывают, что в первой половине 1990-х гг. происходило наиболее резкое снижение показателя, после 1995 г. наметился его некоторый рост. Впоследствии, начиная с 1999 г., значения этого показателя в Украине, республиках Беларусь и Молдова колебались незначительно и демонстрировали общую тенденцию роста. В Российской Федерации динамика ОПЖ характеризовалась волнообразными изменениями: увеличением к 1998 г., снижением к 2003 г. с последующим ростом к 2008 г. Во всех четырех странах ожидаемая продолжительность жизни при рождении претерпела за указанный период существенные изменения, и лишь к 2008 г. ее значения приблизились к значениям 1991–1992 гг.

ПРОБЛЕМА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Показатель ОПЖ указывает число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся в данном году при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким же, как в данный период. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении служит признанным индикатором качества жизни и здоровья населения (Прохоров, Горшкова, Тарасова, 2003; Щербакова, 2007). Прогноз этого показателя является весомым элементом в управлении общественными процессами, он необходим для анализа перспектив развития различных сфер, поскольку население является и основным производителем това-

ров и услуг, и основным потребителем всех ресурсов. Прогнозируя ожидаемую продолжительность жизни, важно не только определить будущие характеристики населения, но и предвосхитить негативные тенденции, деформирующие демографические процессы, проанализировать их предпосылки. Знание перспектив развития общества поможет целенаправленно воздействовать на социально-экономические явления, скорректировать их, ликвидировать диспропорции. Актуальность исследований изменений ожидаемой продолжительности жизни как одной из значимых характеристик уровня жизни населения, которая применяется не только в отечественной науке и практике, но и в международных сравнениях, не подлежит сомнению.

Важнейшей предпосылкой роста ожидаемой продолжительности жизни является стабильный рост экономики, уверенность в завтрашнем дне – эту мысль подтверждают многочисленные исследования в области социологии и экономики. Современные эксперты с использованием разнообразных методов делают акценты на различные факторы, которые, по их мнению, определяют динамику продолжительности жизни. Так, В.А. Борисов (Борисов, 2001) отмечает, что на уровень смертности и продолжительность жизни населения оказывает влияние множество природных и социальных факторов. При этом автор подчеркивает, что с развитием цивилизации природные условия не доминируют над человечеством в «чистом виде», они опосредуются социальными. В связи с этим автор объединил все основные факторы в четыре группы, перечисленные в порядке их значимости: 1) уровень жизни народа; 2) эффективность служб здравоохранения; 3) санитарная культура общества; 4) экологическая среда (Борисов, 2001).

Другие исследователи в качестве критерия социально-экономической эффективности, влияющего на увеличение продолжительности жизни человека, выделяют валовой внутренний продукт (ВВП) (Баскин, 1995; Давыдянец, 2006). Так, Э. Баскин (Баскин,

1995) отмечает влияние равномерного распределения доходов населения, подтверждая гипотезу расчетом уравнения средней продолжительности жизни мужчин некоторых стран мира. Д.Е. Давыдянец (Давыдянец, 2006) в свою очередь в состав предлагаемого интегрального макропоказателя эффективности включает душевой ВВП, аргументируя это тем, что увеличение ВВП на душу населения создает материальные условия для государства и человека, здравоохранения, образования, культуры, спорта, строительства жилья и т.д.

Н.Л. Русинова (Русинова, Панова, Сафронов, 2007), исследуя межрегиональные различия ожидаемой продолжительности жизни населения в субъектах РФ, особое значение придает факторам социального неблагополучия, в том числе уровню преступности и показателям нестабильности в семейной сфере.

Российским фондом «Общественное мнение» 10–11 марта 2007 г. было проведено интервью по месту жительства с 1500 респондентами в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик Российской Федерации по вопросам, касающимся продолжительности жизни населения страны. Среди факторов, в принципе способствующих повышению продолжительности жизни, участники опроса чаще всего называли «материальное благосостояние» (33%). Также отмечалось, что долголетию способствуют пропаганда и здоровый образ жизни, забота о собственном здоровье (в общей сложности – 22%), правильное питание (13%), экологическая обстановка и мягкий климат (11%), спорт и активный образ жизни (6%), отказ от вредных привычек (4%). О спокойной жизни, отсутствии стрессов, чувстве уверенности в завтрашнем дне и душевном равновесии говорили 18% респондентов. По мнению 12% участников опроса, продолжительность жизни увеличится, если развивать медицину, сделать ее доступной. Кроме того, долголетию, считают респонденты, способствует направленная социальная политика в целом (6%). Подавляющее большинство опрошенных (90%) высказываются за введение государственной программы, на-

правленной на увеличение продолжительности жизни в стране (База данных..., 2007).

Учитывая вышеизложенное, авторы считают целесообразным провести анализ комплекса показателей, которые разносторонне характеризуют жизнь общества.

ПОСТАНОВКА ЦЕЛИ И ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование проводилось с целью прогнозирования динамики ожидаемой продолжительности жизни населения на основе данных о состоянии социально-экономической сферы на примере экономик четырех стран СНГ: Российской Федерации, Украины, республик Беларусь и Молдова. Для достижения этой цели были решены следующие задачи: 1) факторный анализ для сокращения числа показателей, принимаемых к рассмотрению, и выявление ведущих факторов, определяющих состояние социальной сферы; 2) составление дискриминантных функций, позволяющих спрогнозировать изменения ОПЖ, и оценка их предсказательной мощности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа были использованы материалы официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Государственного комитета статистики Украины, Национального бюро статистики Республики Молдова за период с 1995 по 2008 г. и Министерства статистики и анализа Республики Беларусь за 2000–2008 гг.

В качестве исходных данных взяты следующие сопоставимые показатели в расчете на одну и ту же численность населения, харак-

теризующие отдельные стороны социальной сферы жизни вышеуказанных государств.

1. Жилищные условия населения, создающие основу для нормальной жизнедеятельности: жилищный фонд (Жил.фонд_общ) и ввод в действие общей площади жилых домов (Жил.фонд_ввод) в среднем на одного жителя, м².

2. Сфера здравоохранения, основной целью деятельности которой является сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека: обеспеченность населения врачами всех специальностей (Зд_врач), средним медицинским персоналом (Зд_ср.м/п), больничными койками (Зд_койки), первичная инвалидность (Зд_инвалид), первичная заболеваемость (Зд_заболев).

3. Занятость как отражение деятельности граждан, связанной с удовлетворением личных и общественных потребностей: уровень зарегистрированной безработицы (Т_безраб), численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом (Т_несч.случ).

4. Экологическая составляющая, с одной стороны, являющаяся результатом хозяйственной деятельности человека, с другой – непосредственно влияющая на здоровье населения: забор воды из природных источников на душу населения (Экол_забор воды), выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от передвижных (Эколог_атм1) и стационарных (Эколог_атм2) источников.

5. Индексы потребительских цен (ИПЦ) на продовольственные (ИПЦ_прод) и непродовольственные (ИПЦ_непрод) товары, услуги в целом (ИПЦ_услуги), услуги культуры (ИПЦ_культуры), здравоохранения (ИПЦ_здравоохран), жилищно-коммунального хозяйства (ИПЦ_ЖКХ) – показатели, отражающие стоимость жизни.

6. Образование: выпуск специалистов из высших учебных заведений, в том числе на 10 тыс. человек населения (Обр_высшее).

7. Наука: доля средств государственного бюджета, направленных на финансиру-

ние науки (Бюджет_наука). Сферы, создающие условия для формирования и развития человеческого капитала – производительного фактора экономического развития.

8. Уровень преступности: число зарегистрированных преступлений (Преступность) – характеристика социально-психологических условий развития общества.

9. Продолжительность жизни: ОПЖ, абсолютный прирост (снижение) ОПЖ в сравнении с предыдущим годом (ΔОПЖ). Абсолютное изменение ОПЖ было принято к анализу как отдельный показатель в связи с тем, что при анализе демографической ситуации, складывающейся на конкретный момент времени, важно не столько численное выражение ОПЖ, сколько наблюдаемая тенденция его изменения.

Для уменьшения числа рассматриваемых показателей, характеризующих социальную сторону жизни общества, был применен *факторный анализ*, позволяющий снизить размерность пространства данных за счет их объединения в некоторые совокупности, выступающие в качестве факторов. Основное предположение факторного анализа заключается в том, что корреляционные связи между большим числом наблюдаемых переменных определяются существованием меньшего числа гипотетических ненаблюдаемых факторов. Главными целями его являются: сокращение числа переменных (редукция данных), для чего факторный анализ был применен в первую очередь, и определение структуры взаимосвязей между переменными, что позволило представить всю систему показателей в компактной форме (Русинова, Панова, Сафронов, 2007; Толпилин, 2002).

В качестве метода факторизации корреляционной матрицы выбран *метод главных компонент*, ориентированный на выделение малого набора ортогональных (некоррелированных) главных компонент таким образом, чтобы они объясняли максимум дисперсии для анализируемого набора данных. Используемый метод определяет линейные комбинации переменных и выстраивает в порядке

убывания их влияния на совокупную дисперсию исходных данных (Математический энциклопедический словарь, 1988; StatSoft, Inc., 2001).

При определении общих факторов использованы два взаимодополняющих друг друга критерия. Первый – критерий Кайзера, когда отбираются только факторы с собственными значениями, равными или большими единицы. Если фактор не выделяет дисперсию, эквивалентную по меньшей мере дисперсии одной переменной, то он опускается. Второй – критерий «каменистой осыпи», при котором собственные значения представляются в виде графика. Автор метода предложил найти такое место на графике, где убывание собственных значений слева направо максимально замедляется. После нахождения пространства общих факторов было проведено вращение факторных нагрузок с целью как максимизации величин факторных нагрузок выделенных факторов, так и для достижения максимально «интерпретабельного» решения. Вращение осуществляли методом варимакс (Митина, 2001; StatSoft, Inc., 2001).

В данной статье была составлена функция дискриминации, позволяющая прогнозировать направленность изменений ОПЖ. Для разделения исходного набора принятых к

анализу показателей на первую ($\Delta\text{ОПЖ} \leq 0$) и вторую ($\Delta\text{ОПЖ} > 0$) группы использовался абсолютный прирост ОПЖ (группирующая переменная). Дискриминантный анализ позволил принять решение о том, какие переменные различают (дискриминируют) возникающие совокупности (Бессокирная, 2003; StatSoft, Inc., 2001).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

По результатам факторного анализа были выделены пять факторов, в состав которых вошли переменные с факторными нагрузками выше 0,7 по абсолютному значению (табл. 1).

В состав генерального фактора, объясняющего 36,12% изменчивости данных, вошли: показатель ввода в действие общей площади жилых домов; переменные, характеризующие состояние здоровья населения; финансирование науки; уровень преступности; уровень загрязнения атмосферного воздуха передвижными источниками. Данный фактор вобрал показатели, которые можно назвать индикаторами социально-психологических

Таблица 1

Матрица собственных значений выявленных факторов

Фактор	Собственное значение фактора	Процент общей дисперсии	Кумулятивное собственное значение	Кумулятивный процент	Переменные, вошедшие в фактор
1. Генеральный	8,31	36,13	8,31	36,13	Жил.фонд_ввод, Зд_инвалид, Зд_заболев, Эколог_атм1, Преступность, Бюджет_наука
2. Стоимость жизни	6,20	26,95	14,51	63,08	ИПЦ, ИПЦ_прод, ИПЦ_непрод, ИПЦ_услуги, ИПЦ_культуры, ИПЦ_здравоохран, ИПЦ_ЖКХ
3. Условия труда, жизни и экологическая обстановка	3,52	15,29	18,03	78,37	ОПЖ, Жил.фонд_общ, Т_безработ, Т_несчаст.случ, Экол_забор воды, Эколог_атм2
4. Обеспеченность врачами и уровень образования	1,73	7,50	19,75	85,87	Зд_врач, Обр_высшее
5. Прирост продолжительности жизни	1,11	4,81	20,86	90,68	ΔОПЖ

и экономических условий в регионе. Вторым фактором – индекс потребительских цен – включил переменные, характеризующие уровень инфляции. Индекс потребительских цен (ИПЦ), основанный на фиксированном уровне цен множества товаров и услуг потребительской корзины, в данном исследовании отражает стоимость жизни. Этот фактор также имеет высокий процент объясненной дисперсии – 26,95%. Третий фактор, вклад которого в общую дисперсию составляет 15,29%, объединил значения подушевого жилищного фонда и ОПЖ, переменные, оценивающие условия труда, показатель забора воды из природных источников. Четвертый фактор обнаружил связь с такими переменными, как выпуск специалистов из высших учебных заведений и обеспеченность населения врачами всех специальностей. Данные показатели характеризуют сферу с количественной стороны, но не всегда могут отразить качественный уровень полученного образования и оказанной медицинской помощи. В пятом факторе выделена одна переменная, отражающая абсолютный прирост/снижение показателя ОПЖ, что подтвердило его важность в качестве индикатора развития общества.

Ни в один из выявленных факторов не вошли показатели обеспеченности населения средним медицинским персоналом и больничными койками. Малая значимость данных показателей, возможно, связана с тем, что они не характеризуют доступность квалифицированной медицинской помощи населению и не способны оказать существенного самостоятельного влияния на ОПЖ.

Для прогнозирования динамики ОПЖ как индикатора эффективности деятельности структур социальной сферы применялся *пошаговый дискриминантный анализ* (ДА).

На основе результатов факторного анализа сформируем набор дискриминантных переменных: отберем показатели, входящие в факторы с наибольшим собственным значением (первый, второй и третий). На первом этапе дискриминантного анализа из всех переменных были отобраны наиболее инфор-

мативные, которые позволяют отличить одну группу показателей от другой. Результаты анализа представлены в табл. 2.

На втором этапе ДА отобранное подмножество было использовано для вычисления дискриминантных функций, которые являются линейной комбинацией дискриминантных переменных.

Составленные с помощью результатов ДА функции помогают определить, какая в прогнозируемый период будет наблюдаться динамика ОПЖ при заданных значениях показателей – положительная или отрицательная. Функции дискриминации правильно определяют экспертную оценку с точностью 80%. При этом оценка лучше определяется для группы с положительной динамикой (93%), хуже – для группы с отрицательной динамикой (60%). Предсказательная мощность составленных функций определялась путем подсчета рангового коэффициента корреляции Спирмена между истинным (положительным или отрицательным) характером динамики ОПЖ и предсказанным. Была доказана достоверная корреляционная связь между указанными качественными критериями ($r = 0,5212$; $p = 0,0001$);

Таким образом, согласно теории дискриминантного анализа год, в отношении которого мы прогнозируем показатели, следует отнести к первой группе (характеризующей-

Таблица 2
Коэффициенты функции классификации

Переменная	Группа 1 ($\Delta\text{ОПЖ} \leq 0$) ($p = 0,40$)	Группа 2 ($\Delta\text{ОПЖ} > 0$) ($p = 0,60$)
Жил.фонд_ввод	-10,4288	17,2583
Эколог_атм1	0,0987	0,0253
ИПЦ_здравоохр	-0,1296	-0,2078
ИПЦ	0,3228	0,5750
ИПЦ_прод	0,0091	-0,1560
Зд_инвалид	0,0620	0,1279
Преступность	-0,0078	-0,0287
Constant	-16,1937	-18,4583

ся отрицательной динамикой ОПЖ) в случае большего значения первой функции классификации (1). И наоборот, если в результате вычислений будет получено большее значение второй функции классификации (2), то в данный год прогнозируется увеличение ожидаемой продолжительности жизни.

Формула 1. Функция классификации для отрицательного характера динамики ожидаемой продолжительности жизни при рождении:

$$\begin{aligned} \Delta \text{ОПЖ} = & -16,1937 - \\ & - 10,4288 \times \text{Жил_фонд_ввод} + \\ & + 0,0987 \times \text{Эколог_атм1} - \\ & - 0,1296 \times \text{ИПЦ_здравоохр} + \\ & + 0,3228 \times \text{ИПЦ} + 0,0091 \times \text{ИПЦ_прод} + \\ & + 0,0620 \times \text{Зд_инвалид} - \\ & - 0,0078 \times \text{Преступность}. \end{aligned} \quad (1)$$

Формула 2. Функция классификации для положительного характера динамики ожидаемой продолжительности жизни при рождении:

$$\begin{aligned} \Delta \text{ОПЖ} = & - 18,4583 - \\ & - 17,2583 \times \text{Жил_фонд_ввод} + \\ & + 0,0253 \times \text{Эколог_атм1} - \\ & - 0,2078 \times \text{ИПЦ_здравоохр} + \\ & + 0,5750 \times \text{ИПЦ} + 0,1560 \times \text{ИПЦ_прод} + \\ & + 0,1279 \times \text{Зд_инвалид} - \\ & - 0,0287 \times \text{Преступность}, \end{aligned} \quad (2)$$

где $\Delta \text{ОПЖ}$ – прогнозируемая динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении, лет; Жил.фонд_ввод – ввод в действие общей площади жилых домов в среднем на одного жителя, м²; Эколог_атм1 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от передвижных источников на душу населения, кг; ИПЦ_здравоохр – индекс потребительских цен на услуги здравоохранения; ИПЦ – индекс потребительских цен; ИПЦ_прод – индекс потребительских цен на продовольственные товары; Зд_инвалид – численность лиц, впервые признанных инвалидами, на 10 тыс. населения, чел.; Преступность – число зарегистрированных преступлений на 10 тыс. населения, случаев.

Из анализа абсолютных значений коэффициентов функций классификации следует, что вероятность положительной динамики средней ожидаемой продолжительности жизни ($\Delta \text{ОПЖ} > 0$) возрастает при:

- увеличении показателя ввода в действие общей площади жилых домов, индекса потребительских цен, показателя первичной инвалидности;
- снижении выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от передвижных источников, числа зарегистрированных преступлений, индекса потребительских цен на услуги здравоохранения и продовольственные товары.

Связь положительной динамики ОПЖ с первичной инвалидностью объясняется тем, что данный статистический показатель не столько свидетельствует о здоровье нации, сколько отражает уровень социальной защищенности лиц с ограниченной трудоспособностью, налаженную систему их учета органами здравоохранения. Рост ОПЖ при повышении ИПЦ можно пояснить тем, что рост инфляции до 10% в год является элементом нормального развития экономики, в то же время незначительная инфляция (до 4% в год) способна стимулировать развитие производства. Закономерность прочих выявленных тенденций находит подтверждение в исследованиях других авторов (Борисов, 2001; Медков, 2002; Прохоров, Горшкова, Тарасова, 2003), которые также показали, что улучшение жилищных условий, сокращение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и снижение уровня преступности формируют благоприятные условия жизни и развития населения региона.

ВЫВОДЫ

1. При проведении факторного анализа были выделены ведущие факторы, определяющие состояние социально-экономической

сферы. Максимальное собственное значение (8,31) было выявлено у генерального фактора, вобравшего показатели, которые можно назвать индикаторами социально-психологических и экономических условий в регионе.

2. При проведении дискриминантного анализа были изучены межгрупповые различия и сформирована система показателей, позволяющая прогнозировать изменения ОПЖ. Высокая предсказательная мощность составленных функций классификации подтверждена достоверной корреляцией между истинным (положительным или отрицательным) характером динамики ОПЖ и предсказанным ($r = 0,5212$; $p = 0,0001$) по результатам подсчета рангового коэффициента корреляции Спирмена. Разработанные функции можно использовать при внедрении программ, направленных на регулирование демографической ситуации.

Литература

- Антипова Е.А., Фокеева Л.В. Демографическое пространство стран СНГ: структура и основные сдвиги // СНГ: проблемы, поиск, решения: Ежегодник. М.: Изд-во РУДН, 2009. С. 193–206.
- База данных фонда «Общественное мнение» Опрос населения «Продолжительность жизни в России», 2007. 15 марта (<http://bd.fom.ru/report/map/d071122>).
- Баскин Э. Уравнение продолжительности жизни человека // Вопросы статистики. 1995. № 7. С. 67–81.
- Бессокирная Г.П. Дискриминантный анализ для отбора информативных переменных // Социология: 4М. 2003. № 16. С. 25–35.
- Борисов В.А. Демография. М.: NOTABENE, 2001.
- Давыдянц Д.Е. Оценка качества жизни человека // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 1. С. 98–105.
- Математический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю.В. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1988.
- Медков В.М. Демография. Ростов н/Д: Феникс, 2002.
- Митина О.В., Михайловская И.Б. Факторный анализ для психологов. М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2001.
- Прогнозирование и планирование в условиях рынка / Под ред. Т.Г. Морозовой, А.В. Пикулькина. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2003.
- Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Тарасова Е.В. Условия жизни населения и общественное здоровье // Проблемы прогнозирования. 2003. № 5. С. 127–139.
- Римашевская Н.М. Радикальное изменение негативного тренда здоровья в России // Народонаселение. 2010. № 1. С. 4–10.
- Русинова Н.Л., Панова Л.В., Сафронов В.В. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 1. С. 140–161.
- Толтилин А.В. Демографическая ситуация в странах СНГ // Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2002. № 63–64, 15–28 апреля (<http://demoscope.ru/weekly/2002/063/tema01.php>).
- Щербачева Е.М. Евразийский демографический барометр // Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2007. № 285–286, 16–29 апреля (<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/barom01.php>).
- StatSoft, Inc. Электронный учебник по статистике. Москва, StatSoft, 2001 (<http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>).

Рукопись поступила в редакцию 08.02.2011 г.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Д.В. Реут

В процессе специализации наук в течение XVIII–XX вв. было утрачено внимание к связи между экономикой как хозяйством и институтом воспроизводства населения. Результатом явилась устойчивая депопуляция развитых стран Европы. Преодолевать ее предлагается трансформацией совокупности европейских социокультурных институтов. В качестве инструментов преодоления демографического кризиса эти науки предлагают ввести категорию прокреационного капитала, двухфокусную модель индивидуального и общественного здоровья.

Ключевые слова: прокреационный капитал, трансдисциплинарность, демография, общественное здоровье, здравоохранение.

1. ПРЕАМБУЛА

Изучая трансформацию социалистического лагеря конца прошлого века, Дж. Сорос заметил: «...для революционных периодов характерно, что события обгоняют способность участников их осознать» (Сорос, 1990, с. 159). В то время как западный финансист проводил свои исследования, в мире уже начал разворачиваться ряд процессов противоположного качества. Они протекают столь медленно, что современники не улавливают их. Только в последние годы формируемый ими кумулятивный эффект оказался измеримым.

Так 30 лет назад незаметно для большинства представителей массового и науч-

ного сознания наступил новый этап мирового развития. Его «визитная карточка» зашифрована в столбцах демографических таблиц: коэффициент рождаемости в развитых странах европейской культуры, а также в России опустился и устойчиво держится ниже уровня простого воспроизводства коренного населения. Пограничное состояние социума определяется значением коэффициента рождаемости в 2,16–2,20 ребенка на одну женщину. Приведенная константа имеет эмпирическую природу. В ней учитываются возможные заболевания, ранняя смертность и т.д. В странах иных культур этот показатель, как правило, существенно превышает указанное пороговое значение (см. таблицу). Курсивом мы выделили в таблице значения коэффициента рождаемости, недостаточные для простого воспроизводства численности коренного населения.

Новый этап мирового развития характеризуется депопуляцией развитых стран европейской культуры при демографическом наступлении соседних стран, обладающих рядом культурных отличий и, помимо того, не столь успешных в экономическом развитии. Конечно, численность коренного населения Европы на протяжении предыдущих веков демонстрировала значительные колебания. Однако они вызывались причинами, доступными пониманию современных им наук и технически устранимыми либо даже самоисчерпывающимися. Таковы эпидемии, войны, стихийные бедствия, неурожай зерновых культур, картофеля и т.п. После прекращения их действия естественный рост коренного населения всегда возобновлялся. Сегодня уровень благосостояния, демократии, экономической и научной активности в развитых европейских странах высок как никогда, правительства энергичны в борьбе со стихиями, социальная защищенность беспрецедентна, но рождаемость коренного населения не достигает порогового значения.

К сожалению, в современной научной и управленческой среде культивируется ничем не обоснованное стремление закрыть глаза на актуализирующуюся здесь и сейчас демогра-

© Реут Д.В., 2011 г.

Таблица

Среднее число детей на одну женщину в некоторых европейских странах в период с 1921 по 1995 г. (Ливи Баччи, 2010, с. 240)

Годы	Англия (Великобритания)	Франция	Германия	Италия	Испания	СССР (после 1990 г. – РФ)
1921–1925	2,39	2,42	2,62	3,50	3,96	–
1926–1930	2,01	2,30	2,10	3,50	3,75	6,04
1931–1935	1,79	2,16	1,84	3,07	3,50	4,53
1936–1940	1,98	2,07	2,24	3,00	2,77	4,66
1941–1945	2,39	2,11	1,90	2,56	2,72	–
1946–1950	2,19	2,98	2,07	2,77	2,68	3,13
1951–1955	2,18	2,73	2,16	2,32	2,52	2,51
1955–1960	2,49	2,71	2,30	2,35	2,75	2,62
1961–1965	2,81	2,85	2,49	2,55	2,89	2,48
1965–1970	2,52	2,61	2,32	2,49	2,93	2,02
1971–1975	2,04	2,31	1,64	2,28	2,89	1,98
1975–1980	1,72	1,86	1,52	1,92	2,63	1,92
1980–1985	1,80	1,87	1,46	1,55	1,86	1,99
1985–1990	1,81	1,80	1,43	1,35	1,46	2,10
1995	1,71	1,70	1,24	1,17	1,18	1,39

фическую динамику как на само собой разумеющееся явление, не вызывающее теоретических и практических вопросов.

«Рождения все чаще предопределяются, планируются заранее, в зависимости от семейных ресурсов, ожиданий, количества детей, какое желает произвести пара... Определяющие факторы, сильно ограниченные при традиционном типе воспроизводства, одержали победу» (Ливи Баччи, 2010, с. 268–269).

В 1995 г. М. Ливи Баччи писал: «Как известно, перед нами – начало необратимого процесса, который остановится лишь к последней четверти XX в., когда будут достигнуты экстремально низкие показатели...» (Ливи Баччи, 2010, с. 217). Однако ни конец прошлого века, ни начало следующего не оправдали надежд итальянского ученого. Нет такого закона природы, чтобы после *любого* падения обязательно сам собой начинался подъем. В окружающей нас реальности, помимо циклических, существуют и аperiodические процессы. Перевод обсуждаемой книги на русский язык вышел уже после того, как жизнь опровергла концепцию автора.

Обратимся еще к одному популярному источнику цитирования. Авторы глобальной

теории роста человечества (Белавин, Капица и др., 1998) указывают на феномен «демографического перехода». Он был впервые отмечен во Франции XVIII в. Адольфом Ландри «...как смена неограниченного воспроизводства населения на ограниченное» (цит. по: (Капица, 2008, с. 39)). Сегодня в публикациях указанного направления совершается подмена понятий. Утверждается, что демографический переход является всеобщим и он «...состоит в резкой смене роста на режим стабилизации населения» (Капица, 2008, с. 2). Однако *ограниченное воспроизводство* (по А. Ландри) не обязано должно быть *стабилизацией* (по С. Капице); ведь возможна и *деградация*, которая тоже является ограниченным по амплитуде процессом. Данный процесс как раз и происходит сегодня, о чем свидетельствует приведенная статистика.

В процессе «демографического перехода» по формулам С.П. Капицы (Капица, 2008) стабилизировался лишь глобальный агрегат демографической статистики, нечувствительный даже к мировым войнам и экологическим бедствиям. Эта стабилизация при депопуляции развитых стран невозможна иначе как за счет демографической экспансии соседних

стран с очевидными последствиями типа ковской трагедии.

Развитие нашей страны может адекватно понять и направлять лишь в контексте мирового развития. Мы полагаем, что речь идет не о цикле, т.е. не об очередном кризисе европейского мира как об ограниченном отрезке колебательного процесса изменения конъюнктуры. Речь идет о *новом этапе мирового развития*, начавшемся в силу объективных причин, а также в силу неадекватной оценки их со стороны стратегов мировой хозяйственно-экономической системы и лидеров Европы – как гуманитарной общности, претендующей на ведущие позиции в мире.

Таким образом, «хозяйном» проблемы является не только и не столько Россия, сколько мир европейской культуры нового времени в целом. Масштаб проблемы таков, что для ее преодоления частными действиями внутри одной страны в современных условиях нет достаточных материальных ресурсов. Европейский мир – признанный лидер мирового прогресса – испытывает возрастающее демографическое давление со стороны окружающих стран. Вследствие значимых культурных отличий и вызванного ими разрыва в цивилизационном развитии народы окружающих стран не успевают совершить вслед за богатой Европой демографический переход от расширенного воспроизводства населения к простому или суженному. Отставая в экономическом развитии, они парадоксальным образом «...наследуют Землю» (Евангелие от Матфея, 1996, V. 5).

Упомянутые отличия, проявляющиеся в социально-структурной неоднородности глобального социума, и вызванные ими аномалии рождаемости обсуждаются в разделе 3.

Мы полагаем, что ценой сохранения европейского мира в целом, включая составляющие его страны, является трансформация парадигмы развития (в частности, экономической парадигмы) и поддерживающей его совокупности социокультурных институтов.

2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИУМА

Как справедливо отмечает Г.Б. Клейнер, на некотором историческом этапе «...экономические институты привлекли к себе внимание в качестве основных детерминант общественного развития...» (Клейнер, 2007, с. 141).

Так, пристальное внимание исследователей демографической динамики в России привлекает рост и распределение доходов в обществе. «Ретроспективный анализ показал, – пишет А.Ю. Шевяков (Шевяков, 2010, с. 85–86), – что при оптимальном перераспределении доходов, снижающем величину коэффициента дифференциации до 7–9, и при годовом росте реальных доходов на 10% рождаемость в 2007 г. повысилась бы на 2,8 промилле – до 13,2 промилле в год, а не до 11 промилле, как это фактически происходило. Смертность при этом понизилась бы на 6 промилле – до 9,9 промилле в год, т.е. уже в этом году в принципе можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле». Указанные факторы, бесспорно, серьезно влияют на демографическую динамику. Однако простые экстраполяции в демографии имеют ограниченную достоверность. Цитируемые выводы ретроспективного анализа не стыкуются с бесспорным фактом депопуляции всех без исключения развитых стран европейской культуры, несмотря на гораздо большие, чем в России, реальные доходы и близкие к оптимальным законы распределения этих доходов.

Наступление нового этапа развития европейских стран (см. вышеприведенную таблицу) выдвигает на первый план и новую цель – преодоление депопуляции, обеспечивающее их возвращение в эволюционный коридор.

Рост экономических показателей не всегда влечет за собой автоматический рост рождаемости. Поэтому мы предлагаем, сохраняя упомянутые Г.Б. Клейнером эконо-

мические институты в качестве основных ориентиров при трансформации парадигмы, не ограничиваться сформировавшимися к сегодняшнему дню пределами этой дисциплины. Целесообразно вернуться к координации экономических (в смысле Адама Смита и его последователей) процессов и процессов воспроизводства населения (относившимся к числу базовых экономических процессов в концепции предшественников Адама Смита).

Вспомним, что *Oikonomike* античного мира включала весь круг вопросов ведения домашнего хозяйства с расширением его до масштабов государства. Последними адептами этой трактовки были физиократы (Кенэ, Тюрго, Дюпон де Немур, 2008). Резкое сужение экономической дисциплины и обособление ее от предмета воспроизводства населения осуществил А. Смит (Смит, 2007). Основное различие между работами Ф. Кенэ и А. Смита принято видеть в том, что первый исследовал аграрную экономику, а второй – мануфактурную, исторически более прогрессивную. Но одновременно А. Смит имплицитно произвел кардинальную смену субъекта изучаемой деятельности. Напомним, что в классической научной традиции субъект исследования всегда оставался за рамками предъявляемых научных результатов. Разница же между субъектом исследования и субъектом исследуемой деятельности оказалась для научного сознания XVIII в. неуловимой. Если Ф. Кенэ строил теорию и экономическую стратегию хозяйствующего государства, то А. Смит – теорию и стратегию частного предпринимателя, хозяина мануфактуры и только после этого, на последнем этапе своих исследований, в методологии механистического суммирования – теорию и стратегию промышленного капиталистического государства. Но сумма финансовых успехов любого числа частных предпринимателей не имеет никакого отношения к воспроизводству населения страны.

Мы полагаем, что именно вследствие имплицитной смены субъекта деятельности доктрина А. Смита, будучи развита и реализована его последователями, привела к депопу-

ляции европейского мира новейшего времени. Она и поныне образует мейнстрим экономической мысли. Современная экономика ведет отчет своей «научности» «от Адама»¹, воздвигая искусственные барьеры для взгляда вглубь веков. Так, известный британский историк экономической мысли М. Блауг начинает двухстраничный параграф о Кенэ в своем обзоре, претендующем на формирование образа мыслей современного экономиста, с многозначительной фразы: «Франсуа Кенэ – один из тех экономистов, чьи труды многие студенты и даже их преподаватели должны оставить непрочитанными. Его рассуждения столь запутанны, вычисления столь замысловаты, а каждое слово настолько погружено в устаревшую политическую философию и экономические обстоятельства Франции XVIII века, что только годы изучения могут помочь найти какой-то смысл в его работах» (Блауг, 2005, с. 125).

Кто после такой рекомендации поспешит раскрыть труды физиократов?

Отметим еще один характерный момент. В более ранней работе М. Блауг высказывает противоречивое мнение о главе физиократов: «Кенэ был неважным интерпретатором, и его труды изобилуют неясностями и противоречиями. Это обстоятельство, однако, менее значимо, чем изумительный масштаб его идей» (Блауг, 1994, с. 29). Другие ученые также отмечают в концепции Кенэ нечто мощное, чему они не могут найти объяснение, пребывая «внутри» своей дисциплины. «Многие более поздние экономисты восхищались Кенэ, в том числе Смит, Маркс и Шумпетер, но их восхищали не детали его аргументации, а та пронизательность, которая связывала их воедино. Смит был восхищен разделением, проводимым физиократами между “производительными” классами, определяющими способность экономики самовоспроизводиться от периода к периоду, и “непроизводительными” классами, которые просто создают предметы потребления в этом периоде. Маркс был вос-

¹ То есть от Адама Смита.

хищен верой Кенэ в то, что экономический анализ должен точно определить источник излишка сверх необходимого рабочим минимума средств к существованию, производимого в жизнеспособной экономической системе. Шумпетер, с другой стороны, восхищался основной концепцией физиократов о круговом потоке товаров в одном направлении и денег в обратном направлении, при котором поступление доходов в данном периоде становится потоком расходов в следующем периоде» (Блауг, 2005, с. 129). Сегодня мы в состоянии заключить, что проницательность Кенэ объяснялась стихийным системным подходом, унаследованным им, по всей вероятности, от медицины (напомним, Кенэ – по образованию хирург). Эта установка на системность и широта когнитивного горизонта, позволяющая полагать экономику лишь одной из подсистем социального организма страны, давали ему возможность *видеть* то, что Смит, Маркс², Шумпетер и Блауг не могли *вычислить*, пользуясь своим узкоэкономическим инструментарием.

Как же вернуть тему воспроизводства населения в орбиту экономических наук? Конечно, для этого не придется зачеркивать все, сделанное экономистами после физиократов. Наоборот, мы предлагаем развить одно из последних достижений экономической науки – теорию человеческого капитала – таким образом, чтобы включить в нее злободневный вопрос депопуляции.

3. ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО МИРА И МИРОВ ТРАДИЦИОННОЙ ПРОКРЕАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ниже мы пользуемся для обозначения *процесса воспроизводства коренного населения* термином «прокреация». Прокреация (от

² Его признают основоположником идеи системности в экономике.

лат. pro – для + creatio – создание, сотворение) в общественных науках – воспроизводство жизни, воспроизводство населения (в отличие от возможной узкофизиологической трактовки термина). Именно в этом значении термин «прокреация» (Романов, Реут, 2003) употребляется с 2000-х гг. в литературе по социальной философии, здравоохранению, философии и социологии здоровья, микро- и макроэкономике. В рамках классификации европейских наук прокреация может рассматриваться как подраздел демографии – науки «о населении и закономерностях его развития в общественно-исторической обусловленности» (Советский энциклопедический словарь, 1985, с. 373).

В составе демографии функция прокреации как науки состоит в описании и изучении социально-экономических процессов и их статистических результатов, механизмов, условий воспроизводства численного состава человеческих общностей, а также его связи с характеристиками общественного здоровья, характеристиками актуализированных на данном этапе исторического развития институтов его охраны и укрепления.

Такая дифференциация позволяет отделить изучение социально-экономических показателей процессов рождаемости от изучения процессов миграции и статистики смертности. Анализ динамики рождаемости проявляет базовые процессы сосуществования культурно-цивилизационных общностей, позволяет фиксировать и прогнозировать феномены демографического «наступления» и «отступления», прокреационного гомеостаза, зарождения, становления и гибели указанных общностей. Выявляемые прокреационные закономерности могут быть использованы в целях построения макроэкономических стратегий, в процедурах прокреационного форсайта, социального дизайна, институционального строительства.

Почему прокреация, протекавшая испокон века «сама собой», обернулась вдруг демографическим фиаско для европейского мира новейшего времени? Несмотря на неоспори-

мое финансовое, медицинское и техническое превосходство, этот мир не выдерживает прокреационного соревнования с мирами иных культур. Даже богатейшая страна западного мира США, где тратится более 12% ВВП на медицину и развернуты мощные социальные программы, не в состоянии добиться хотя бы простого воспроизводства коренного населения и поддерживает необходимую для функционирования экономики численность армии труда за счет иммигрантов.

Ситуация напоминает казус *perpetuum mobile*: никакое совершенствование пресловутого механизма так и не смогло обеспечить «вечного» движения без притока энергии. Аналогично – никакие меры ныне существующей капиталистической экономики не обеспечивают простого воспроизводства коренного населения развитых стран европейской культуры.

Механизм отмеченного феномена не уместится в рамки экономики сегодняшнего дня, что дает основания для применения трансдисциплинарных методов исследования. Проведенный социокультурный анализ позволяет сформулировать *условие прокреационной состоятельности социума, которая обеспечивается, если центр прокреационной ответственности коллективного субъекта и социально-экономические средства, необходимые для исполнения прокреационной функции (фундирующие прокреационный потенциал), в его структуре находятся на уровне семьи* (Реут, 2008б). В странах традиционных прокреационных культур (новый, впервые вводимый здесь термин), т.е. культур, сохраняющих старые, допросвещенческие традиции института прокреации (страны Азии – за исключением Японии, Африки, Латинской Америки), это требование выполняется: даже самые деспотические правители не вмешиваются в семейные дела подданных. В этом случае государство получает *прокреационную ренту*, состоящую в расширенном воспроизводстве населения без дополнительных забот с его стороны. Это рента позволяет ему претендовать на статус субъекта истории – про-

должать свое существование без ограничений во времени. Таким образом, разделение культур на новоевропейскую и прокреационно-традиционную осуществляется в настоящей работе *исключительно по типу семейного уклада*.

Европейский широкомасштабный просветительский социальный эксперимент, инициированный выходом в свет Великой французской энциклопедии, привел – под лозунгом раскрепощения женщины – к перемещению центра ответственности за исполнение прокреационной функции на уровень государства. Социально-экономический ресурс, дававший мужчине возможность в одиночку материально обеспечивать семью, обеспечивавший женщине возможность посвящать время домашнему хозяйству и воспитанию детей и тем самым легитимизирующий многодетный семейный уклад, был упразднен после включения женщины в общественное производство, направлен на нужды государственного развития и форсирование прогресса. В новоевропейском менталитете идеи свободы, равенства и братства выродились в эгоистический индивидуализм. Депопуляция происходит в конечном счете вследствие того, что в развитии менталитета западной цивилизации новейшего времени реализовался эгоцентрический идеал в сочетании с убежденностью «... в том, что “больше” означает “лучше”, что неограниченный рост... валового национального продукта способен осчастливить всех нас» (Гроф, Ласло, Рассел, 2004, с. 18–19). Источник прокреационной ренты развитых стран Европы иссяк. Становится очевидной ограниченность богатства как средства Марксова «универсального обмена»: оно не конвертируется напрямую в успешное воспроизводство коренного населения страны.

Правительства, не имея действенных рычагов влияния на процесс прокреации, пытаются управлять миграционными потоками в сиюминутных хозяйственных целях, не осознавая среднесрочных социальных и долгосрочных политических последствий сдвига этнического баланса (примером может слу-

жить французский план создания союза Европы с арабским миром начала 1970-х гг.). По последним прогнозам к 2050 г. мигранты и их потомки составят треть населения России (Редакционный материал издания «Ведомости», 2011).

Доктрина А. Смита предоставила институту государства сомнительное «право» не осознавать своей ответственности за обеспечение прокреации. В группу *прокреационного риска*, помимо собственно стран Европы, входит ряд стран славянско-православного культурного кластера (по классификации Хантингтона), включая Россию. Причины отмеченной консолидации по фактору рождаемости стран, приобщившихся к европейской культуре новейшего времени, исследованы в (Реут, 2008б).

4. ЗДОРОВЬЕ – РЕСУРС РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Приведенные в разделе 2 примеры подтверждают, что предметом интересов экономики может быть хозяйственная деятельность как индивида (частного предпринимателя), так и коллективного субъекта (например, государства). Попытаемся найти почву для сопоставления единичной и множественной ипостасей хозяйствующего человека.

Возможность индивида и общности осуществлять производственную и прокреационную деятельность определяется уровнем здоровья.

Проблема здоровья относится к числу вечных проблем человечества. Честь ее постановки принадлежит философам древности. В Европе самое раннее из дошедших до нас определений здоровья приписывают древнегреческому философу Алкмеону из Кротона (конец 6–5 вв. до н.э.)... Здоровье он характеризовал с помощью понятия равенства, *изономии*: «Сохраняет здоровье равновесие

(изономия) [в теле] сил влажного, сухого, холодного, теплого, горького, сладкого и прочих, господство же (монархия) в них одного есть причина болезни. Ибо господство одной противоположности действует губительно» (цит. по: (Юдин, Степанова, 2009, с. 8)). Существует еще множество определений здоровья, которые мы не имеем возможности здесь приводить. В качестве, безусловно, важного опорного пункта отметим действующие документы Всемирной организации здравоохранения, согласно которым «здоровье – полное физическое, психическое и социальное благополучие индивида, а не только отсутствие болезней и физических недостатков. (Health is complete physical, mental and social well-being for individuals and not the absence of diseases and physical defects only)» (цит. по: (Дартай, Мизерницкий и др., 2009, с. 77)).

Личное здоровье – важнейший ресурс индивида. Что касается страны в целом как коллективного субъекта (множественной ипостаси человека), то его возможность осуществлять целенаправленную деятельность определяется уровнем общественного здоровья. В современном научно-медицинском дискурсе термин «общественное здоровье» представляет собой простой набор статистических отчетных показателей. Этот термин требует содержательного обновления, что и предлагается ниже.

Здоровье индивидуума объективно характеризуется в первую очередь качеством происходящего в живом организме метаболизма (обмена веществ), представляющего собой способ существования белковых тел во времени (изучаемый биологией). Аналогично общественное здоровье характеризуется качеством существования во времени коллективного субъекта. Если субстрат индивидуума – белковое тело – имеет клеточную структуру, то коллективный субъект состоит из организаций, групп, семей и отдельных индивидуумов. Способом их существования является коллективная деятельность, а продолжение существования коллективного субъекта во времени обеспечивает ее базовая составляющая – про-

креационная деятельность. *Прокреационная деятельность коллективного субъекта является функциональным аналогом метаболизма индивидуума.* В силу различия этих процессов области возможного существования человека в пространстве экологических, экономических, социологических, политических и культурологических параметров не идентичны области устойчивого развития социума (Реут, 2008а). В настоящее время это расхождение становится все более существенным.

Термин «общественное здоровье» сложился во времена земской медицины³, когда расширенное воспроизводство населения обеспечивалось указанным выше структурным условием прокреационной состоятельности (см. раздел 3) как средовой социальной характеристикой традиционного общества и не требовало специальной заботы с его стороны. Общественное здравоохранение нового времени должно отличаться от индивидуального по подходам, целям, методам, а также по способам управления, поскольку эти два института имеют разные задачи. Общественное здравоохранение должно обеспечивать определенный уровень воспроизводства населения. Индивидуальное же здравоохранение занято здоровьем исключительно отдельного человека и нисколько не заботится о том, в каком объеме он будет использовать свою репродуктивную способность.

5. КАТЕГОРИИ ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИНДИВИДУУМУ И НАСЕЛЕНИЮ

Построение жизнеспособной науки и практики хозяйственной деятельности невозможно без органичного соотнесения единич-

³ Земская медицина – участковая форма медицинского обслуживания сельского населения, возникшая в России во второй половине XIX в. (БСЭ, 1972, с. 505).

ной и множественной ипостасей человека. Мы пытаемся осуществить это соотнесение в категориях «прокреация» и «здоровье».

«Эволюция к все возрастающей сложности, вплоть до антропосоциальных организаций, привела к многократному увеличению практических целей, но она сделала гораздо более неопределенными, неоднозначными, даже конкурирующими друг с другом, противоречащими друг другу, две основополагающие цели: с одной стороны, жизнь, сфокусированная на доставлении удовольствия индивиду, а с другой – репродуктивная работа общества и человеческого рода. Разумеется, эти две цели поразительным образом выступают как дополнительные друг другу, но можно ли отчетливо соподчинить одну из них другой? Только путем рационалистического обоснования а posteriori можно отдать первенство процессу воспроизведения, выживания человеческого рода и истолковать в этом смысле все виды индивидуальной деятельности» (Морен, 2005, с. 309).

Таким образом, вырисовывается проблема баланса индивидуального и общественного здоровья как ценностного ориентира новой европейской культуры. Вспомним, что проблема баланса, равенства, изомонии лежала в основе еще античного представления о здоровье (см. раздел 4).

На основании в отношении *здоровья* предлагается выстраивать двухфокусное понятие, включающее: 1) индивидуальное здоровье как субъектно воспринимаемый и поддерживаемый индивидом фокус и 2) общественное здоровье как фокус, выстраиваемый и поддерживаемый сложившимся в социуме инструментарием коллективной кооперативной деятельности, объективируемый и поверяемый демографической статистикой. Это понятие будет иметь множественный «вход»: биологический, антропосоциологический, духовно-этический, узкоэкономический (и, возможно, ряд других). Целевые установки указанных фокусов 1 и 2 дополняют друг друга.

Отношения фокусов выстраиваемой модели здравоохранения складываются в

замкнутую петлю – поддержание индивидуального здоровья сегодня затруднительно без института общественного здравоохранения; в свою очередь общественное здоровье не существует иначе чем в виде наличного потока индивидуальных процессов жизнедеятельности, базирующегося на прокреации как воспроизводящем этот поток основании.

Модель здравоохранения, выстраиваемая с использованием разделения индивидуального здоровья и здоровья населения, дает экономисту опору для выстраивания «метачасти зрения», с которой можно осуществлять ответственное стратегическое проектирование хозяйственной деятельности в национальных и общеевропейских масштабах. Базовым слоем такого проектирования является институциональное обустройство петли взаимного воспроизводства индивидуального и общественного здоровья в условиях ограниченности ресурсов, выстраивание прокреационной политики и стратегии, обеспечивающей само существование страны (или – в зависимости от масштаба управленца – европейского мира в целом) в историческом временном горизонте. Над этим базовым слоем возможно надстраивание прочих экономических целей и стратегий их достижения. Без прокреационного базового слоя эти цели и стратегии не получат человеческого ресурса для своей реализации. Описанное выше разделение внутри модели здравоохранения направлено на выстраивание непротиворечивых действий по охране индивидуального и общественного здоровья, необходимых для придания коллективному субъекту (стране, европейскому миру) статуса субъекта истории. Она закладывает основу для дальнейшей разработки математических моделей прокреационно-демографических процессов и их экономического обеспечения с использованием реального статистического материала.

Двухфокусная модель указывает рациональный путь проведения реформы здравоохранения, «...которая стоит на повестке дня практически во всех странах мира» (Корнаи, 2002, с. 18), и которая, по мнению Я. Корнаи,

до сих пор остается проблемой, не имеющей корректного (неэклетического) решения ни в парадигме рыночного капитализма, ни в социалистической парадигме.

6. ПРОКРЕАЦИОННЫЙ КАПИТАЛ

Итак, базовым процессом хозяйственно-экономической деятельности является процесс прокреации. А базовым инструментом новой экономики становится *прокреационный капитал*. Это понятие является обобщением «человеческого капитала», широко обсуждаемого в современной экономике.

Прокреационный капитал представляет собой интегральную характеристику коренного населения, обеспечивающую в перспективе всю производственную деятельность общества (в роли рабочей силы, предпринимательского начала и потребителей производимой продукции). Эта характеристика включает не только численность населения (его физических, интеллектуальных особенностей, компетенций и вкусовых предпочтений), но и качество прокреационной среды, обеспечивающее в идеале хотя бы прокреационный гомеостаз.

Результатов инвестиций в прокреацию чиновник, принимающий решение о таких инвестициях, не дожидается в силу краткости срока своей профессиональной деятельности. Прокреационный капитал имеет сверхдлинный срок обращения. Условным его владельцем может оказаться только достаточно крупный коллективный субъект – масштаба региона или страны. Условность владения объясняется тем, что в демократическом государстве с присущим ему институтом прав человека этот коллективный субъект не является абсолютным собственником результата прокреационных инвестиций.

Отечественную рабочую силу покупают капиталисты и государство на рынке труда. Но способность трудиться является лишь одним из аспектов учетной единицы прокреа-

ционного капитала, который дает человеку факт рождения, созревающего и увядающего по естественным законам в течение жизненного цикла и окончательно утрачиваемого в момент смерти. В течение жизненного цикла индивид в достаточной степени волен предпринимать акты воспроизводства прокреационного капитала в основном в пользу будущих поколений (в отличие от ситуации в странах традиционных прокреационных культур, где потомство обеспечивает старость индивида в социальном и экономическом отношениях), а также продавать его как рабочую силу на внутреннем рынке труда, вывозить ее за рубеж посредством институтов легальной или нелегальной эмиграции, гастарбайтерства, вступать на путь асоциального экономического поведения (теневой бизнес, преступность) либо предпринимать «внутреннюю эмиграцию», предаваясь пьянству и наркотикам.

Государству выгодно вступать с индивидом в партнерские отношения, разрабатывая и последовательно осуществляя внутреннюю политику расширенного воспроизводства прокреационного капитала. Пути такого культурно обоснованного и психологически приемлемого сотрудничества предстоит системно разрабатывать в составе инновационного института прокреационной экономики (Реут, 2009).

7. РЕЗЮМЕ

В XVIII в. цель европейской экономики сместилась с устроения и развития страны как целостности на достижение финансовой эффективности отдельного предпринимателя. Смена цели привела к выпадению из поля зрения экономистов – а затем и управленцев – процесса воспроизводства коренного населения. Системная целостность европейского мира была утрачена, что выражается в его прогрессирующей депопуляции. Ее причиной является принятая на всех этажах европейского социума зауженная парадигма развития и управления по узким экономическим показателям.

Предполагается, что выход из угрожаемой ситуации состоит в восстановлении исходного смысла экономики путем реконструкции совокупности общеевропейских социокультурных институтов, конфигуратором которой может служить концепция прокреационного капитала.

Европейская наука находится в начале пути построения и реализации обширной программы трансдисциплинарных исследований и опирающегося на него институционального строительства, возвращающего развитые страны Европы в эволюционный коридор.

Литература

- Белавин В.А., Капица С.П., Курдюмов С.П. Математическая модель глобальных демографических процессов с учетом пространственного распределения // Журнал вычислительной математики и математической физики. 1998. Т. 38. № 6. С. 885–902.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994.
- Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2005.
- БСЭ, 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 9.
- Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания. Трансатлантический диалог. М.: АСТ, 2004.
- Дартау Л.А., Мизерницкий Ю.Л., Стефанюк А.Р. Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. М.: СИНТЕГ, 2009.
- Евангелие от Матфея. Новый Завет. М.: Российское Библейское общество, 1996.
- Капица С.П. Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. М.: ЛЕНАРД, 2008.
- Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008.
- Клейнер Г.Б. Системная парадигма и экономическая политика // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 141–149; № 3. С. 99–114.
- Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–22.

-
- Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб.: ALEXANDRIA, 2010.
- Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Романов Л.Е., Реут Д.В., Васина О.И. и др. Общественный центр «Жизниград» как форма институционализации проектного отношения к здоровью и субъект новой рекреационной политики: Тр. всерос. конф. «Здоровье как проблема гуманитарного знания». М.: Ин-т человека РАН, 2003. С. 226–234.
- Редакционный материал издания «Ведомости», 2011. 27 июня (<http://news.mail.ru/politics/6209295/?frommail=1>).
- Реут Д.В. Несовпадение границ областей существования единичной и множественной ипостасей человека и некоторые демографические следствия // Мир психологии. 2008а. № 3. С. 169–177.
- Реут Д.В. Код культурной идентичности как положение в социуме центра ответственности за исполнение рекреационной функции // Национальная идентичность России и демографический кризис: Матер. II Всерос. науч. конф. Москва, 15 ноября 2007 г. М.: Научный эксперт, 2008б. С. 419–428.
- Реут Д.В. Рекреационный капитал // Российский экономический конгресс. Сборник докладов участников. М.: ИЭ РАН, 2009. 1 CD-ROM (<http://econogus.org/consp/files/14ts.doc>).
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
- Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985.
- Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу // Октябрь. 1990. С. 148–178.
- Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики // Вестник института социологии. 2010. № 1. С. 48–97.
- Юдин Б.Г., Степанова Г.Б. Здоровье человека: факт, норма, ценность. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 03.09.2009 г.

ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К ПРОГНОЗУ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ: ТЕОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Ф.Ж. Берова, Б.А. Ашабоков

Статья посвящена разработке метода прогнозирования демографических процессов, основанного на использовании результатов анализа спектральной структуры временных рядов показателей воспроизводства населения. На основе этого метода построен прогноз воспроизводства населения Кабардино-Балкарии до 2030 г., определены «критические болевые точки» собственного демографического развития и предложены основные направления деятельности по предотвращению депопуляции и обеспечению демографической безопасности региона.

Ключевые слова: прогнозирование, анализ спектральной структуры, демографические процессы, возрастная структура населения, динамика репродуктивных возрастов, демографическая политика.

ВВЕДЕНИЕ

Современная демографическая ситуация в России, которая обусловлена предстоящим развитием половозрастной структуры, видами движения и режимом воспроизводства населения, характеризуется глубоким спадом рождаемости и устойчивой тенденцией роста смертности. В последние годы наблюдается значительное увеличение сторонников теории крайнего пессимизма относительно демографических процессов в России, в общественном сознании активно

© Берова Ф.Ж., Ашабоков Б.А., 2011 г.

-
- Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб.: ALEXANDRIA, 2010.
- Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Романов Л.Е., Реут Д.В., Васина О.И. и др. Общественный центр «Жизниград» как форма институционализации проектного отношения к здоровью и субъект новой рекреационной политики: Тр. всерос. конф. «Здоровье как проблема гуманитарного знания». М.: Ин-т человека РАН, 2003. С. 226–234.
- Редакционный материал издания «Ведомости», 2011. 27 июня (<http://news.mail.ru/politics/6209295/?frommail=1>).
- Реут Д.В. Несовпадение границ областей существования единичной и множественной ипостасей человека и некоторые демографические следствия // Мир психологии. 2008а. № 3. С. 169–177.
- Реут Д.В. Код культурной идентичности как положение в социуме центра ответственности за исполнение рекреационной функции // Национальная идентичность России и демографический кризис: Матер. II Всерос. науч. конф. Москва, 15 ноября 2007 г. М.: Научный эксперт, 2008б. С. 419–428.
- Реут Д.В. Рекреационный капитал // Российский экономический конгресс. Сборник докладов участников. М.: ИЭ РАН, 2009. 1 CD-ROM (<http://econogus.org/consp/files/14ts.doc>).
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
- Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985.
- Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу // Октябрь. 1990. С. 148–178.
- Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики // Вестник института социологии. 2010. № 1. С. 48–97.
- Юдин Б.Г., Степанова Г.Б. Здоровье человека: факт, норма, ценность. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 03.09.2009 г.

ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К ПРОГНОЗУ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ: ТЕОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Ф.Ж. Берова, Б.А. Ашабоков

Статья посвящена разработке метода прогнозирования демографических процессов, основанного на использовании результатов анализа спектральной структуры временных рядов показателей воспроизводства населения. На основе этого метода построен прогноз воспроизводства населения Кабардино-Балкарии до 2030 г., определены «критические болевые точки» собственно демографического развития и предложены основные направления деятельности по предотвращению депопуляции и обеспечению демографической безопасности региона.

Ключевые слова: прогнозирование, анализ спектральной структуры, демографические процессы, возрастная структура населения, динамика репродуктивных возрастов, демографическая политика.

ВВЕДЕНИЕ

Современная демографическая ситуация в России, которая обусловлена предстоящим развитием половозрастной структуры, видами движения и режимом воспроизводства населения, характеризуется глубоким спадом рождаемости и устойчивой тенденцией роста смертности. В последние годы наблюдается значительное увеличение сторонников теории крайнего пессимизма относительно демографических процессов в России, в общественном сознании активно

© Берова Ф.Ж., Ашабоков Б.А., 2011 г.

формируется представление о безысходности ситуации и невозможности перехода страны к положительному демографическому развитию. Различных научных взглядов придерживаются отечественные ученые (Вишневский и др., 2003; Антонов и др., 2002; Архангельский, 1998; Гундаров, 2001; Рыбаковский и др., 2001; Рыбаковский, 2003; Халтурина, Коротаяев, 2006). Одни из них придерживаются мнения, что необходимо принимать факт демографической деградации как неизбежное и неизменное (Вишневский и др., 2003). Другие делают ставку не на *рост и развитие внутренних демографических ресурсов*, а исключительно на иммиграцию. Огромные масштабы притока населения из стран Азии, в первую очередь из Китая, некоторые авторы считают положительным фактором экономического развития России (Зайончковская, 2001). Совершенно правомерно утверждение Ю. Крупнова, что ставка на иммиграцию будет уничтожить российское население и Россию (Крупнов, 2005). Вместо ставки на иммиграцию сейчас необходимо, на наш взгляд, делать ставку на *собственные (внутренние) демографические ресурсы*.

Для выявления *внутренних демографических ресурсов* целесообразно использование спектральной структуры временных рядов демографических показателей, которое позволит, во-первых, установить факт наличия периодичностей в динамике демографических показателей, во-вторых, определить эти периодичности, в-третьих, выявить общие тенденции демографического и репродуктивного поведения населения в стране и на региональном уровне.

Репродуктивное поведение населения – ведущий элемент, формирующий изменения в демографических процессах страны, – является ключевым вопросом в анализе демографической ситуации. Однако следует отметить отсутствие целостного комплексного исследования демографических процессов с учетом региональных особенностей и тенденций. Авторам представляется, что для более точной оценки демографического будущего России

необходимо усилить именно региональный аспект анализа и прогноза демографической ситуации.

МОДЕЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Построение модели основано на предположении, что временные ряды демографических показателей сформированы линейной и циклическими составляющими. Тогда модель, описывающую эти временные ряды, в общем случае можно записать в виде

$$P(t) = p_0 + k_0 t + \sum_{i=1}^N \left(a_i \cos \frac{2\pi t}{T_i} + b_i \sin \frac{2\pi t}{T_i} \right), \quad (1)$$

где p_0 , k_0 – коэффициенты слагаемых, описывающих линейную составляющую; a_i , b_i – коэффициенты слагаемых, описывающих циклические составляющие с периодами T_i в функции $P(t)$.

Таким образом, модель состоит из одной линейной и N циклических составляющих.

В выражении (1) параметрами, подлежащими определению, являются коэффициенты p_0 , k_0 , a_i , b_i и периоды T_i циклических составляющих ($i = 1, 2, \dots, N$). Таким образом, количество неизвестных параметров в выражении (1) равно $3N + 2$. Отметим, что поиск этих параметров можно вести «в лоб», например методом наименьших квадратов. Но при этом получается система из $3N + 2$ нелинейных трансцендентных уравнений, решение которой будет сопряжено с большими трудностями.

В связи с этим более предпочтительным является подход, который основан на нахождении значений T_i на первом этапе и остальных коэффициентов – на втором. Такой подход значительно упрощает построение модели. Для нахождения T_i ниже используется метод,

основанный на построении и анализе фазовых портретов демографических показателей. Для нахождения оставшихся коэффициентов p_0 , k_0 и a_i , b_i используется метод наименьших квадратов, что приводит к решению системы линейных алгебраических уравнений с $2N + 2$ неизвестными.

Эффективность изложенного метода построения модели прогнозирования была исследована на тестовых задачах. В качестве одной из них был рассмотрен временной ряд, образованный значениями функции

$$Y(t) = 1 - 0,5t + (\sin 2\pi t + \cos 2\pi t) + (\sin \pi t + \cos \pi t) + (\sin \frac{2}{3}\pi t + \cos \frac{2}{3}\pi t) \quad (2)$$

в различные моменты времени t_i ($i = 1, 2, \dots, 30$). При построении функции (1) по этим значениям рассматривались циклические составляющие (всего 5) с соответствующими значениями T_i , среди которых находились и содержащиеся в (2).

В таблице приведены временной ряд, образованный функцией (2) и используемый в качестве входных данных $y(t)$, и значения построенной функции вида (1) $y_N(t)$. При этом для построения функции (1) использовались первые 20 значений функции (2). Затем для исследования возможности прогнозирования значений функции (2) с помощью построенной функции были вычислены следующие 10 ее значений. Таким образом, точки с 21 по 30 в таблице являются прогнозными. Сравнение спрогнозированных значений функции $y(t)$ с фактическими показывает, что рассмотренный метод пригоден для решения задачи прогнозирования динамики различных демографических показателей. Относительная погрешность прогнозирования последних трех точек, например, меньше 1%. Очевидно, что с увеличением интервала упреждения точность прогнозирования будет уменьшаться.

Данной проблеме посвящена достаточно обширная литература, и к настоящему моменту предложены различные методы ее решения (Андронов и др., 1959; Дженкинс, Ваттс, 1972; Кей, Марпл, 1981). В настоящей

работе, как было отмечено выше, для выделения содержащихся во временных рядах демографических показателей циклическостей используется метод фазовых портретов, который получил широкое распространение для анализа структуры различных характеристик природных процессов. На рис. 1, 2 в качестве примера приведены фазовые портреты двух демографических показателей: рождаемости и смертности в Российской Федерации.

Можно заметить, что фазовые портреты демографических показателей состоят из замкнутых линий, что свидетельствует о наличии в их временных рядах циклическостей. При этом для различных показателей количество циклическостей и их параметры не всегда совпадают. На основе такого подхода нами были выделены из временного ряда рождаемости в Российской Федерации следующие значения T_i , лет: 2; 3; 4; 5; 7,5; 23,5, а из временного ряда смертности в Российской Федерации – 1,5; 1,7; 2; 2,5; 3. Следует отметить, что на основе имеющихся временных рядов

Таблица
Значения функций $y(t)$ и $y_N(t)$ *

№	$y(t)$	$y_N(t)$	№	$y(t)$	$y_N(t)$
1	1,57	1,57	16	6,51	6,53
2	2,02	2,03	17	3,00	3,01
3	2,59	2,52	18	7,49	7,50
4	4,12	4,15	19	5,16	5,15
5	0,62	0,62	20	5,53	5,54
6	5,16	5,17	21	6,14	6,15
7	2,76	2,77	22	7,69	7,71
8	3,19	3,20	23	4,19	4,19
9	3,77	3,77	24	8,66	8,66
10	5,33	5,33	25	6,39	6,36
11	1,81	1,82	26	6,69	6,71
12	6,39	6,35	27	7,32	7,34
13	3,96	3,97	28	8,87	8,89
14	4,36	4,36	29	5,37	5,38
15	4,96	4,96	30	9,82	9,85

* Значения функции $y_N(t)$ с первой по 20-ю точки – фактические, с 21-й по 30-ю точки – прогнозные.

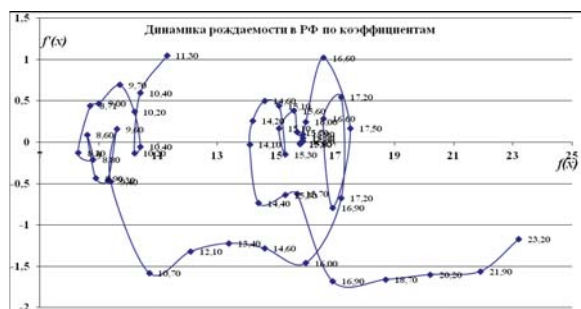

Рис. 1. Фазовый портрет рождаемости в Российской Федерации

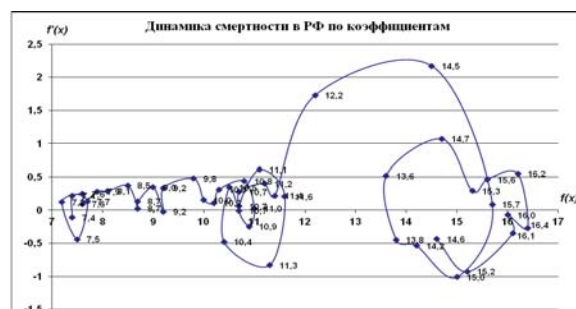

Рис. 2. Фазовый портрет смертности в Российской Федерации

можно выделить цикличности с относительно небольшими периодами. В связи с этим на втором этапе построения функции (1) добавлялись и другие значения T_i , большие, чем выделенные, и найденные другими способами.

Остановимся далее на некоторых результатах прогнозирования динамики демографических показателей в Кабардино-Балкарской Республике (КБР): рождаемости, смертности и естественного прироста населения. Для построения модели прогноза использовались данные за 1943–2003 гг., т.е. за 60 лет. Предварительно с целью анализа трендоустойчивости был проведен фрактальный анализ временных рядов этих показателей (Федер, 1991).

Следующим этапом был анализ спектральной структуры временных рядов демографических показателей КБР. Для этой цели были построены их фазовые портреты аналогично тому, как это было сделано для Российской Федерации. В целом, как показали расчеты, временные ряды всех демографических показателей КБР имеют достаточно сложную структуру: они образованы суперпозицией большого количества циклических составляющих и обладают достаточно высокой трендоустойчивостью (значения показателя Херста близки к единице).

На рис. 3 приведены фактические и прогнозные значения общего числа родившихся, числа умерших и естественного прироста населения КБР до 2030 г. Как видно из этого гра-

фика, в начале III тысячелетия (2001–2005 гг.) в республике наблюдалось наступление депопуляции. Число рождений практически сливается с числом умерших. В последующие годы, с 2006 до 2015 г., согласно прогнозу происходит незначительное и плавное увеличение числа рождений при одновременном увеличении числа умерших. В результате достаточно длительный период времени в КБР сохранится незначительный естественный прирост населения.

Следует отметить, что динамика смертности в КБР и на исходном отрезке времени, и на интервале упреждения имеет устойчивую тенденцию к повышению. С 2016–2017 гг. ожидается спад уровня рождаемости и, напротив, повышение смертности, что приведет к депопуляции населения. Интенсивность падения рождаемости увеличится с 2017–2020 гг. Сдерживание депопуляции и сохранение естественного прироста в 2000–2015 гг. происходят в результате вступления в репродуктивный возраст детей 1980-х гг. рождений – периода с максимальным уровнем рождаемости (общий коэффициент рождаемости составил в эти годы 20,8–22,7 промилле). Это должно привести к повышению уровня брачности и увеличению рождаемости как результату изменения возрастной структуры населения.

В целом по воспроизводству населения республика оказалась отброшенной на 50 лет! Так, число рождений в 2002–2003 гг. (9119 и

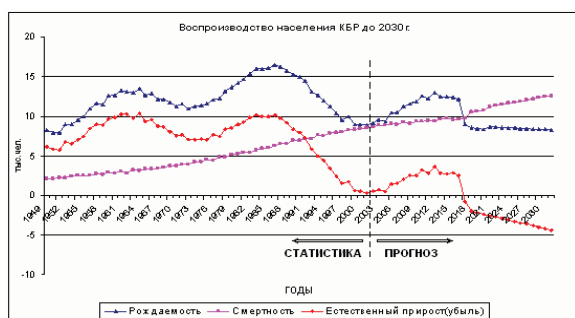

Рис. 3. Результаты расчетов по прогнозированию демографических показателей в КБР до 2030 г.

9294 детей) практически соответствует числу рождений в 1952–1953 гг. (9183 и 9216 детей) (Госархив КБР).

В соответствии с классификацией шведского демографа А.Г. Сундберга (Демографический энциклопедический словарь, 1985) мы выделили основные типы возрастной структуры населения КБР:

- прогрессивный – 1985–2000 гг. – с большой долей детей в общей численности населения, которому соответствует высокий показатель естественного прироста;
- стационарный – 2000–2016 гг. – с почти уравновешенной долей детей и старческих возрастных групп (естественный прирост невелик или находится на неизменном, стационарном уровне);
- регрессивный – 2017–2030 гг. (прогноз) – со сравнительно большой долей пожилых людей, которому соответствует суженное воспроизводство населения.

С целью исследования влияния на общую демографическую ситуацию в КБР вариации различных показателей были проведены некоторые расчеты. Результаты этих расчетов показывают, что стационарный тип воспроизводства населения в КБР обеспечит стабилизация смертности на уровне 2003–2004 гг. и рождаемости – на уровне 2015–2016 гг. (по прогнозу – 12,2–12,4 тыс. детей).

Анализ различных ситуационных моделей показывает, что одним из путей предотвращения депопуляции населения в КБР

является сохранение уровня рождаемости 2007–2008 гг. (по прогнозу – 8,5 тыс. детей) и снижение смертности к 2015 г. до уровня 1990 г., т.е. предкризисного периода (рис. 4). Рост численности населения возможен только при снижении уровня смертности.

Одной из ключевых демографических проблем как в России, так и в КБР, остается сверхсмертность мужского населения, которая определила долгосрочную тенденцию снижения общей продолжительности жизни. Остановимся на некоторых последствиях этого явления для Кабардино-Балкарии.

В западноевропейских государствах старение населения происходит в результате повышения продолжительности жизни. В КБР же старение населения оказывается следствием увеличения численности и доли последних производительных возрастных групп: 45–54 года у женщин и 50–59 лет у мужчин и первых послепроизводительных возрастных групп (55–59 лет у женщин и 60–64 года у мужчин). Дальнейшему старению населения будет способствовать сама структура населения: вступление в производительный возраст детей 1990-х гг. рождения и переход в пенсионный возраст многочисленных поколений 1950-х гг. рождения. При сохранении средней продолжительности жизни 71 год (66 – мужчины и 76 – женщины) данный фактор также будет способствовать повышению уровня смертности. Следовательно, при сохранении нынешних тенденций смертности в КБР в ближайшие два десятилетия значительного роста жизненного потенциала не предвидится¹ (Берова, 2010б).

Для снижения смертности населения в КБР ориентиры реформы и приоритеты развития здравоохранения должны быть приведены в соответствие с нынешними особенностями заболеваемости и смертности. Задача состоит не только в обязательном повышении качества медицинского обслуживания, но и в

¹ Автором подробно исследованы региональные особенности кризиса смертности (Берова, 2010б; Берова, 2006).

Рис. 4. Динамика демографических показателей в КБР при сценарии прогноза с постоянной рождаемостью и смертностью

обеспечении всеобщей его доступности. Для этого необходимы:

- мониторинг бедности, выделение особо социально уязвимых групп населения;
- обеспечение социальной мобильности восходящего характера для каждого индивида;
- ежегодное проведение всеобщей обязательной диспансеризации населения с целью выявления заболеваний на ранней стадии.

Проведенные нами прогнозные расчеты показателей воспроизводства населения подтверждены реальными фактическими показателями за 2005–2009 гг. Следует отметить также, что фактические коэффициенты рождаемости, как общий, так и суммарный, оказались ниже пессимистического варианта прогноза Госкомстата России на 2000, 2005 и 2010 гг., а коэффициенты смертности – выше. В силу изложенного особую тревогу вызывает возможность наступления депопуляции в КБР в 2016–2017 гг. Это явление в Кабардино-Балкарии будет иметь более негативные последствия, чем в целом в России. В силу малочисленности коренных народов с нарастанием депопуляции в 2017–2020 гг. и далее встает реальная угроза их вырождения. Аналогичная ситуация складывается не только в КБР, но и в других республиках Северного Кавказа.

Решение демографических проблем требует проведения научно обоснованной, целенаправленной демографической политики как

на федеральном, так и региональном уровне. В официальной Концепции демографического развития Российской Федерации до 2015 года, одобренной Правительством РФ в сентябре 2002 г., отмечено, что «целями демографического развития Российской Федерации являются стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту». Эти цели академик А.Г. Вишневский назвал утопическими и абсолютно недостижимыми: предпосылок к демографическому росту в России не существует уже почти 40 лет. А это значит, что России долгое время придется жить в условиях сокращающегося и стареющего населения, и необходима экономическая и социальная адаптация к этой долговременной демографической тенденции. (Вишневский и др., 2003; Население России, 2002). В целях предотвращения наметившихся негативных тенденций в демографических процессах в первую очередь необходимо радикальное изменение политики реформ, придание им социальной направленности. Стержнем реформ должен стать демографический блок. Вместо увеличения затрат на льготы и различные социальные выплаты необходимо изменить механизм социальной сферы, вернее, создать принципиально новый механизм защиты населения, обеспечивающий достойные условия человеческого развития, а не просто возможность существования. Для республик Северного Кавказа важным драйвером экономического и социального развития может стать расширение малого и среднего бизнеса как одного из факторов интенсивного формирования среднего класса в качестве гарантии общественной стабильности. Учитывая еще сохранившиеся в южных регионах Российской Федерации социокультурные традиции многодетности, при реализации мер, направленных на повышение уровня и качества жизни, можно ожидать позитивного отклика в рождаемости.

Среди определенной группы демографов и политиков сложилось мнение, что основой повышения рождаемости явилась Концепция демографического развития Рос-

сии до 2015 г. Безусловно, она оказала некоторое воздействие на динамику рождаемости, но, на наш взгляд, повышение рождаемости и увеличение численности детей заложены в самом процессе воспроизводства населения и объясняются в первую очередь цикличностью воспроизводства населения (Ашабоков и др., 2010; Берова, 2010а).

Изменения в возрастной структуре населения выступают как элемент изменений в процессе воспроизводства населения, что позволяет выявить внутренние закономерности роста (снижения) населения. Так, например, увеличение естественного прироста населения России в 1970-х гг. почти на 80% было обусловлено влиянием возрастной структуры и лишь на 20% – воздействием интенсивности рождаемости (Демографический энциклопедический словарь, 1985).

В 2000–2015 гг. в репродуктивный возраст будут вступать многочисленные поколения 1980-х гг. рождения. Пик рождаемости падает на 1985–1987 гг. Чистый коэффициент воспроизводства населения в России в 1985–1987 гг. впервые за весь период с 1960-х гг. составил 1,038–1,005. На сегодняшний день он составляет чуть более 0,5 (0,5510–0,571), т.е. в 2 раза ниже уровня 1980-х гг. Выход на демографическую волну многочисленных детей 1980-х гг. рождения приведет к постепенному повышению уровня брачности в 2000–2015 гг., что соответственно послужит основой повышения рождаемости. Позднее в связи с вступлением в репродуктивный возраст детей 1990-х гг. рождения ожидается очередной «демографический провал». В связи с вышесказанным особый интерес представляет динамика изменения основных репродуктивных возрастов (рис. 5). Прогноз этой динамики здесь рассчитан методом компонент, который разработан американским демографом П.К. Уэлптоном (Whelpton, Elbridge, Siegel, 1947).

В целом репродуктивный возраст охватывает 15–49 лет. В мировой практике основным репродуктивным возрастом выделяют 20–29 лет. В связи с наметившейся модернизацией рождаемости основным репродуктив-

ным возрастом, на наш взгляд, целесообразно считать 25–39 лет. В связи с этим нами проведены прогнозные расчеты изменения динамики репродуктивных возрастов 20–29 лет и 25–39 лет. Согласно мировой практике выделения пик основных репродуктивных возрастов 20–29 лет приходится на 2006–2016 гг., что и является неоспоримым доказательством основы повышения рождаемости до 2016 гг., т.е. в результате выявленной ранее нами цикличности воспроизводства населения региона (Ашабоков и др., 2010; Берова, 2010б, 2006). В дальнейшем в 2017–2022 гг., ресурсы репродуктивного населения (20–29 лет) существенно будут снижаться и исчерпают себя к 2025–2026 гг.

Прогноз динамики репродуктивных возрастов 25–39 лет показывает наличие еще большего репродуктивного потенциала, что свидетельствует о возможности повышения рождаемости при проведении активной демографической политики как на федеральном, так и на региональном уровне². Следует особо отметить, что потенциал репродуктивных возрастов приходится на период очередного демографического провала 2016–2030 гг. Максимальное значение репродуктивного потенциала приходится на 2010–2026 гг., и в дальнейшем, несмотря на снижение, сохранится

² Сам факт наличия репродуктивного потенциала вовсе не гарантирует имманентное повышение рождаемости.

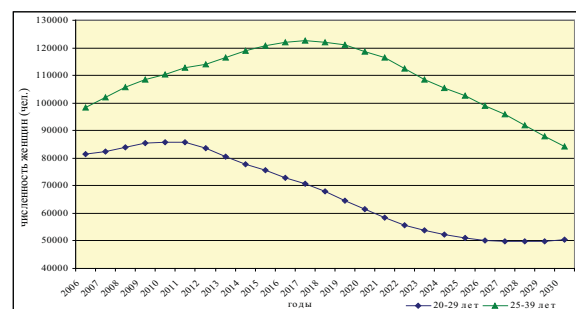

Рис. 5. Динамика основных репродуктивных возрастов в КБР до 2030 г.

определенный потенциал для повышения рождаемости в КБР. Сохранение репродуктивного потенциала будет происходить в основном за счет матерей 1980-х гг. рождения, достигших к тому времени 30 лет и более. В силу этого в демографической политике целесообразен, на наш взгляд, дифференцированный подход: *стимулирование рождения третьего ребенка у матерей 1980-х гг. рождения до 39–40 лет и второго ребенка – у матерей 1990-х гг. рождения до 35–36 лет.* Это должно будет способствовать предотвращению очередного демографического провала при вступлении в репродуктивный возраст детей 1990-х гг. рождения.

Достижение 39/40-летнего возраста матерями 1980-х гг. рождения приходится на 2020–2030 гг. и 35/36 летнего возраста матерями 1990-х гг. рождения – на 2025–2035 гг. Очередной демографический провал, как указывалось выше, ожидается в 2016–2030 гг. (см. рис. 3). Его последствия будут гораздо масштабнее, чем кризис рождаемости 1990-х гг., и в дальнейшем примет необратимый характер. Предотвращение очередного демографического провала (точнее – «демографической ямы»), возможно, будет именно сочетанием стимулирования рождаемости одновременно третьего ребенка у матерей 1980-х гг. рождения, которые к этому периоду достигнут 39/40 лет, и второго ребенка у матерей 1990-х гг. рождения, которые достигнут к тому времени 35/36 лет.

Здесь следует привести выдержку из доклада А.И. Антонова по концепции демографической политики России в XXI в.: «Без проведения политики стимулирования рождения трех и более детей в семье в период 2008–2040 гг. и далее будет наблюдаться кризис института семьи, что связано с дальнейшим ослаблением потребности в детях, со снижением репродуктивных установок до величины 0,8 ребенка. С другой стороны, необходимо обладать государственной мудростью и твердой политической волей, чтобы в ситуации, когда еще не очевидны для всех негативные последствия демографической

динамики, добиваться принятия программ, нацеленных на устранение депопуляции через несколько десятилетий, но требующих сегодня огромных усилий и средств (выдел. авт.)». (Проект Концепции демографической политики России в XXI веке).

Для реализации предложенного нами выше подхода можно наметить различные механизмы, прежде всего решение жилищных проблем: например, предоставление доступной ипотеки сроком на 25 лет с минимальными процентами в пределах 3–5% годовых, погашение от 15 до 25% от оставшейся суммы ипотечного кредита при рождении второго и последующих детей и т.п. Здесь сыграет свою роль и действующий ныне закон о материнском капитале.

Особое внимание следует уделить созданию рабочих мест в КБР.

В качестве стимула для повышения рождаемости в малообеспеченных семьях можно предложить гарантию получения высшего или среднего специального бесплатного образования в государственном образовательном учреждении одному из троих детей. Стимулирование рождаемости у родителей с высшим образованием возможно также решением социальных проблем, например жилищных.

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 г. и республиканская программа улучшения демографической ситуации в КБР на период до 2015 г. направлены в основном на пассивную политику социальной поддержки населения как в области здравоохранения, так и в области рождаемости и носят декларативный характер. В условиях нарастающей депопуляции практически всех этносов России, с одной стороны, и вступлением в эру глобализации, с другой, необходимо четко осознать фундаментальную значимость демографических процессов. Здесь следует привести слова Н.М. Римашевской: «Нет более вредной и опасной иллюзии, чем та, согласно которой первичным является некая концепция или доктрина социально-экономического, геополитического, культурно-цивилизационного либо

иною характера, под которую затем можно подогнать демографическое развитие страны. Человеческую популяцию нельзя перегружать внешними воздействиями, так же как нельзя ею свободно управлять» (Римашевская и др., 2004). Следовательно, ключевым звеном модернизации России должен явиться демографический блок. Каждый этап реформирования экономики России должен соотноситься с демографическим состоянием населения, в соответствии с демографическими проблемами и с учетом специфики каждого субъекта политические и социальные институты должны выдвигать задачи первостепенной важности. Только на основе понимания и учета закономерностей циклического развития народонаселения, особенностей его проявления в регионах и России в целом возможно разработать научно обоснованную, дифференцированную демографическую политику, взаимосвязанную с социально-экономическим развитием и особенностями каждого региона, направленную на преодоление затянувшегося демографического кризиса.

Необходима общенациональная демографическая программа, дифференцированная по регионам и нацеленная на преодоление депопуляции и укрепление здоровья, формирование правовой, организационной и финансовой базы по поддержке и дальнейшей реализации демографической политики на федеральном и региональном уровнях. Государственная политика в области рождаемости должна быть нацелена на создание достойных условий для воспитания и всестороннего развития желаемого количества детей.

ВЫВОДЫ

Поскольку переход к устойчивому социально-демографическому развитию – процесс весьма длительный, исходя из результатов прогноза показателей воспроизводства населения и репродуктивного потенциала не-

обходимо весь период такого перехода разделить на два этапа.

Первый этап – 2005–2016 гг. – предполагает стабилизацию рождаемости на уровне, обеспечивающем простое воспроизводство населения, преодоление критической черты смертности, решение острых социальных проблем. Основной целью данного этапа является улучшение здоровья населения и снижение смертности, для чего необходимо решение следующих задач:

- поэтапное снижение смертности населения, особенно от сердечнососудистых и онкологических заболеваний, до уровня предкризисного периода 1989–1990 гг.;
- снижение младенческой смертности до уровня среднероссийского;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения с 72,5 до 75 лет;
- снижение и профилактика заболеваний, особенно сердечнососудистыми, злокачественными новообразованиями и туберкулезом;
- снижение инвалидности среди населения в целом и особенно среди детей до 16 лет³;
- формирование у населения установок здорового образа жизни.

На втором этапе – 2017–2030 гг. – достигается стабилизация численности населения, повышение продолжительности жизни, повышение уровня и качества жизни. Основной целью этапа является предотвращение депопуляции населения, проведение активной демографической политики по стимулированию рождаемости. Это предполагает решение следующих задач:

- снижение смертности до 8 человек на 1000 населения;
- снижение младенческой смертности до 5–7 детей на 1000 родившихся;
- дальнейшее снижение и профилактика заболеваемости;

³ Численность детей-инвалидов (на 10 тыс. детей) увеличилась за 1990–2009 гг. в 5 раз.

- дальнейшее снижение инвалидности среди населения в целом и детей в частности;
- повышение общего коэффициента рождаемости до 18–20 детей на 1000 населения и суммарного коэффициента рождаемости до 2,2–2,5 промилле;
- стимулирование рождения вторых и третьих детей;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни с 75 до 79 лет;
- повышение уровня и качества жизни населения.

Критической болевой точкой для КБР могут явиться 2016–2017 гг., когда, как следует из прогноза, следует ожидать падения рождаемости, грозящего истинной депопуляцией.

Таким образом, в результате прогнозирования показателей воспроизводства населения (рождаемости, смертности и естественного прироста) и репродуктивных возрастных групп с использованием двух различных методов нами выявлено наличие потенциала роста населения, т.е. *наличие внутренних демографических ресурсов* как на региональном, так и на общероссийском уровне. В 2010–2026 гг. Россия и, в частности, республики Северного Кавказа имеют исключительные возможности повышения рождаемости. Упустив возможности улучшения демографической ситуации в 2010–2026 гг., Россия и республики СКФО действительно войдут в долговременную полосу нарастающей депопуляции.

С учетом особенностей народов Северного Кавказа – этнических, религиозных, ментальности и т.д. – существует реальная возможность предотвращения депопуляции населения, сохранения на первых порах «нулевого» роста с постепенным переходом к росту населения.

Литература

Андронов А.А., Витт А.А., Хайкин С.Э. Теория колебаний. М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит-ры, 1959.

Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века / Под ред. А.И. Антонова. М.: Крааль, 2002.

Архангельский В.Н. Воспроизводство населения Российской Федерации. М.: НИИ семьи, 1998.

Ашабоков Б.А., Берова Ф.Ж., Думанова А.Х., Сабанчиев А.Х. Прогнозирование демографических процессов и анализ их взаимосвязи с социально-экономическим развитием региона. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2010.

Берова Ф.Ж. Оценка избыточной смертности КБР за 1990–2004 гг. (пленарный доклад): Матер. II Всерос. конф. «Проблемы информатизации регионального управления». Нальчик, 2006. С. 20–24.

Берова Ф.Ж. Результаты прогноза динамики возрастной структуры населения КБР // Известия КБНЦ РАН. 2009. № 1 (27).

Берова Ф.Ж. Демографические волны 1980-х и 1990-х годов и пути преодоления демографического кризиса // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2010а.

Берова Ф.Ж. Кризис смертности: диагноз и причины // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2010б. Т. 8. № 1. С. 286–294.

Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора: Научные труды № 53Р. М.: Институт экономики переходного периода. 2003. Госархив КБР, фонд 499-1-1761. С. 116.

Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Центр творчества «Беловодье», 2001.

Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.

Дженкинс Г., Ваттс Д. Спектральный анализ и его приложения. М.: Мир, 1972.

Зайончковская Ж.А. Известия. 2001. 23 июня.

Кей С.М., Марпл С.Л. Современные методы спектрального анализа: обзор // ТИИЭР. 1981. Т. 69. № 11. С. 5–51.

Крупнов Ю. Операция «Мигранты спасут Россию». Как она проводится и кто ее организует. 2005 (http://www.kroupnov.ru/5/191_1.shtml).

Население России: Ежегодный демографический доклад (девятый). М.: Центр демографии и экологии человека, 2002. С. 198.

Римашевская Н.М., Галецкий В.Ф., Овсянников А.А. Население и глобализация. М.: Наука, 2004.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003.

Рыбаковский Л.Л. и др. Стабилизация численности населения России. М.: Изд-во ЦСП, 2001.

Федер Е. Фракталы. М.: Мир, 1991.

Халтурина Д.А., Кортаев А.В. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: КомКнига, 2006.

Whelpton P.K., Elbridge H.T., Siegel J.S. Forecast of the Population of the United States 1947–1975. Wash.: D.C., 1947. Цит. по: Readings in Population Research Methodology. Vol. 5. Population Models, Projections and Estimates. Chicago, 1993. P. 17.

Рукопись поступила в редакцию 06.12.2010 г.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ФОНДОВЫЙ РЫНОК

Е.С. Тарарина

В статье приводится уточненное определение понятия «фондовый рынок», охарактеризовано текущее состояние российского фондового рынка. Показано место фондового рынка в структуре различных направлений использования временно свободных средств промышленных предприятий. Сформулированы основные особенности осуществления финансовых инвестиций на промышленном предприятии. Посредством эмпирического анализа установлено влияние изменений фондовых индексов на инфляционные процессы в американской экономике и предложены предварительные условия для корректировки инвестиционной политики промышленных предприятий. Разработан комплекс рекомендаций по организации деятельности по реализации инвестиционной политики на промышленных предприятиях.

Ключевые слова: промышленные предприятия, фондовый рынок, инвестиционная политика, инфляция, финансовые инвестиции.

Рост российской экономики в последние годы был во многом связан с ростом мировых цен на сырьевые товары и энергоносители. Развитие фондового рынка в России помогло бы обеспечить в стране более сбалансированный и стабильный в долгосрочной перспективе экономический рост, одним из факторов которого является высокая инвестиционная активность. Несмотря на такие предпосылки для развития, как динамичная экономика, по-

© Тарарина Е.С., 2011 г.

Население России: Ежегодный демографический доклад (девятый). М.: Центр демографии и экологии человека, 2002. С. 198.

Римашевская Н.М., Галецкий В.Ф., Овсянников А.А. Население и глобализация. М.: Наука, 2004.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003.

Рыбаковский Л.Л. и др. Стабилизация численности населения России. М.: Изд-во ЦСП, 2001.

Федер Е. Фракталы. М.: Мир, 1991.

Халтурина Д.А., Кортаев А.В. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: КомКнига, 2006.

Whelpton P.K., Elbridge H.T., Siegel J.S. Forecast of the Population of the United States 1947–1975. Wash.: D.C., 1947. Цит. по: Readings in Population Research Methodology. Vol. 5. Population Models, Projections and Estimates. Chicago, 1993. P. 17.

Рукопись поступила в редакцию 06.12.2010 г.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ФОНДОВЫЙ РЫНОК

Е.С. Тарарина

В статье приводится уточненное определение понятия «фондовый рынок», охарактеризовано текущее состояние российского фондового рынка. Показано место фондового рынка в структуре различных направлений использования временно свободных средств промышленных предприятий. Сформулированы основные особенности осуществления финансовых инвестиций на промышленном предприятии. Посредством эмпирического анализа установлено влияние изменений фондовых индексов на инфляционные процессы в американской экономике и предложены предварительные условия для корректировки инвестиционной политики промышленных предприятий. Разработан комплекс рекомендаций по организации деятельности по реализации инвестиционной политики на промышленных предприятиях.

Ключевые слова: промышленные предприятия, фондовый рынок, инвестиционная политика, инфляция, финансовые инвестиции.

Рост российской экономики в последние годы был во многом связан с ростом мировых цен на сырьевые товары и энергоносители. Развитие фондового рынка в России помогло бы обеспечить в стране более сбалансированный и стабильный в долгосрочной перспективе экономический рост, одним из факторов которого является высокая инвестиционная активность. Несмотря на такие предпосылки для развития, как динамичная экономика, по-

© Тарарина Е.С., 2011 г.

тенциально высокий человеческий капитал и пр., фондовый рынок в России в настоящий момент существенно отстает от мировых финансовых центров. Слабой стороной в числе прочих является низкая вовлеченность частных и институциональных инвесторов.

Участие на фондовом рынке не распространено и среди промышленных предприятий. Средства, не задействованные в реализации проектов, зачастую инвестируются в наименее рискованные финансовые инструменты, и прежде всего в банковские вклады.

Функциональная направленность операционной деятельности предприятий промышленности, не являющихся институциональными инвесторами, сводится в основном к осуществлению реальных инвестиций. Однако на отдельных этапах развития предприятия оправдано осуществление и финансовых инвестиций. Так, Магнитогорский металлургический комбинат передал в доверительное управление Газпромбанку 11 млрд 115 млн р. (почти 420 млн долл.) свободных средств на срок с 8 сентября до 31 декабря 2006 г. включительно. Это были первые крупные инвестиции промышленного предприятия в фондовый рынок страны.

В отечественной литературе недостаточно представлена практика инвестирования средств предприятий реального сектора в фондовый рынок, возникла необходимость разработать рекомендации и методики управления инвестициями такого рода.

Финансовые инвестиции промышленных предприятий рассматриваются как активная форма эффективного использования временно свободного капитала или как инструмент реализации стратегических целей, связанных с диверсификацией операционной деятельности промышленного предприятия. Банк России рассчитывает «уложиться» в целевой ориентир по инфляции на 2011 г. (7%) и ожидает ее дальнейшего замедления до 5–6% в 2012 г., 4,5–5,5% в 2013 г. и 4–5% в 2014 г. В этих новых условиях целевые приоритеты финансовых инвестиций промышленных предприятий будут смещаться с защиты

средств предприятия от инфляции к получению дополнительного дохода от вложения временно свободных средств предприятия. Такое смещение мы рассматриваем как важный шаг в сторону формирования дополнительных ресурсов роста инновационной активности и производительности труда.

В рамках анализа фондового рынка (как направления инвестирования временно свободных средств промышленных предприятий) автор провела исследование состояния и особенностей российского рынка ценных бумаг и проанализировала закономерности фондового рынка США. В ходе исследования было уточнено понятие «фондовый рынок», обычно сводимое к сектору рынка капиталов. В нашем определении отражены субъекты инвестирования и одна из важнейших функций фондового рынка – распределение средств по секторам экономики. По мнению автора, фондовый рынок как сектор рынка капиталов представляет собой площадку, на которой посредством купли-продажи ценных бумаг средства частных и институциональных инвесторов оборачиваются и распределяются по секторам экономики.

Фондовый рынок в России сравнительно молод, его зарождение происходило в начале 1990-х гг. Он относится к категории развивающихся рынков, для которых характерна высокая доходность, но, как правило, и более высокая степень риска. Отечественный фондовый рынок имеет ограниченную емкость, недостаточную для обеспечения инвестиционных потребностей российских компаний, и отстает по многим параметрам от крупнейших финансовых рынков в мире. Чтобы выдержать глобальную конкуренцию, российский финансовый рынок должен ликвидировать свое отставание от ведущих мировых финансовых центров в области регулирования, инфраструктуры, доступного инструментария.

При оценке инструментов фондового рынка как объекта инвестирования следует отметить, что векселя имеет смысл покупать на срок не менее двух месяцев, некоторые

банки рекомендуют вкладывать не менее чем на полгода. Доходность по векселям зависит от эмитента и может быть больше, чем по банковским депозитам, но и риск по ним выше. В облигации средства вкладываются на срок от одного месяца. По наиболее ликвидным и надежным эмитентам доходность сравнима с доходностью срочного депозита. Следует отметить, что и векселя, и облигации стоит покупать, если объем свободных средств превышает 5 млн р. (минимальный объем вложений в векселя – от 1 млн р.). Это позволит повысить ликвидность и управляемость инвестиций и увеличить доход по сравнению с депозитами. Таким образом, фондовый рынок – как объект инвестирования – наиболее приемлем для крупных промышленных предприятий, объем свободных средств которых превышает 5 млн р. Предприятиям малого и среднего бизнеса целесообразнее выбирать другие направления размещения временно свободных средств – банковский депозит и пр., поскольку транзакционные издержки, связанные с приобретением и продажей ценных бумаг, могут перекрыть большую часть от доходов по этим операциям.

В целях выработки эффективных инвестиционных решений на российских промышленных предприятиях предпринята попытка выделить ситуации, при которых вложения свободных денежных средств предприятий реального сектора в инструменты фондового рынка предпочтительны. С этой целью предприятия обращают внимание на анализ связи между инфляцией и показателями фондового рынка.

Начиная с 1950-х гг. исследователи (Fama, 1981, p. 545) отмечали, что знак корреляции между уровнем ожидаемой инфляции и доходам по акциям поменялся с положительного на отрицательный, что воспринималось как аномальное поведение, противоречащее модели Ирвинга Фишера, согласно которой с изменением уровня инфляции в такой же степени должны увеличиваться (уменьшаться) номинальные доходы по акциям на фондовом рынке.

В 2009 г. В.И. Маевский предложил концепцию. Она «...основывается на роли фондового рынка, который способен демпфировать обычную инфляцию (проявляющуюся в росте цен на товары и услуги) посредством необычной инфляции, а именно инфляции ценных бумаг, или, что то же самое, инфляции фиктивного капитала» (Маевский, Слуцкий, 2009, с. 16).

В развитие данной концепции нами проведен эмпирический анализ влияния изменений фондовых индексов на инфляционные процессы в американской экономике:

- годовые темпы прироста значений S&P 500 (с 1952 по 2008 г.)
- годовые темпы прироста значений NASDAQ (с 1971 по 2010 г.)
- годовые темпы прироста значений Wilshire 5000 (с 1974 по 2010 г.);
- годовые темпы прироста CPI США (с 1952 по 2010 г.).

Перечень используемых индексов шире, чем в проводимых ранее эмпирических анализах рассматриваемой зависимости, и включает как индекс биржевого рынка, так и индекс внебиржевого рынка и общий индекс. Это обусловлено тем, что внебиржевые торговые системы, в частности NASDAQ, по объему торговли успешно конкурируют с фондовыми биржами, что необходимо учитывать при сборе данных для проведения анализа фондового рынка. Использование указанного выше набора индексов позволило обеспечить необходимую глубину и достоверность результатов исследования.

Используемые индексы и показатели:

- S&P 500. Standard&Poors Stock Price Index – один из наиболее широко известных индексов. Он представляет собой средневзвешенную величину курсов акций 500 наиболее крупных компаний. В него включены в основном акции компаний, зарегистрированных на Нью-Йоркской фондовой бирже, однако присутствуют также акции некоторых корпораций, которые котируются на Американской фондовой бирже и во внебиржевом обороте;

- NASDAQ – индекс внебиржевого оборота акций, его рассчитывает Национальная ассоциация фондовых дилеров;

- Wilshire 5000. Данный индекс является наиболее полным индексом курсов обыкновенных акций американских компаний, регулярно публикуемым в США, поскольку он включает как зарегистрированные акции, так и обращающиеся на внебиржевом рынке. Лучше других индексов отражает состояние рынка акций США;

- CPI. В качестве показателя инфляции используется CPI – прирост индекса потребительских цен (consumer price index), который публикуется американским Бюро статистики труда (Bureau of Labor Statistics, BLS).

В исследовании использовалась методика анализа, предложенная в одной из рассмотренных теорий (теории инфляции фиктивного капитала В.И. Маевского): внимание направлено не на нахождение взаимосвязи между показателями приростов фондовых индексов и CPI, а на их изменения, т.е. на первые разности. Сами ежегодные приросты индексов и CPI были получены как отношения (минус единица) средних арифметических соответствующих показателей по отдельным месяцам.

На основе собранных из открытых источников данных были рассчитаны следующие показатели:

- годовые темпы прироста значений S&P 500;

- годовые темпы прироста значений NASDAQ;

- годовые темпы прироста значений Wilshire 5000;

- годовые индексы потребительских цен (ИПЦ) США (CPI).

Следует выяснить, в какой мере принцип «сообщающихся сосудов» соблюдается в отношениях между индексами S&P 500, NASDAQ, Wilshire 5000 и CPI. Возможно ли, чтобы, с одной стороны, при падении индекса происходил переток денег из фондового рынка в потребительский сектор экономики, а показатель CPI рос, а с другой – чтобы при

росте фондового индекса наблюдалось противоположное движение – отток денег из потребительского рынка на фондовый, сопровождающийся снижением CPI.

Для анализа показатели расположены в трех сообществах по два ряда: S&P 500 и CPI, NASDAQ и CPI, Wilshire 5000 и CPI.

Полученные три пары рядов перегруппированы таким образом, чтобы показатель CPI был ранжирован по степени возрастания фондового индекса. Из ранжированных по фондовому индексу показателей CPI сформированы четыре кластера, каждый из которых описывает соответствующее состояние экономики. Первые два кластера характеризуют поведение показателей CPI в случае падения фондового индекса, вторые два – его роста.

Для индекса S&P 500 кластеры будут ограничиваться следующими рамками:

- «провал фондового рынка» (первый кластер: значения прироста фондового индекса изменяются от $-48,6$ до $-7,3\%$);

- «слабый спад фондового индекса» (второй кластер: значения прироста фондового индекса изменяются на интервале от $-6,2$ до $-0,2\%$);

- «слабый рост фондового индекса» (третий кластер: значения прироста фондового индекса изменяются от $+0,3$ до $+16,2\%$);

- «бум фондового рынка» (четвертый кластер: значения прироста фондового индекса изменяются от $+17,6$ до $+46,6\%$).

Расчеты показывают, что гипотеза «сообщающихся сосудов» соблюдается только в двух кластерах из четырех, а именно во втором и четвертом, где имеется отрицательная корреляция.

Проведенные аналогичным образом расчеты для двух других индексов показывают, что для индекса NASDAQ гипотеза отрицательной взаимосвязи соблюдается также в трех кластерах из четырех, а именно во втором, третьем и четвертом, где имеется отрицательная корреляция. Статистически значимы корреляционные связи между Wilshire 5000 и CPI только в первом и четвертом кластерах,

т.е. в случаях провала или бума фондового рынка. Отрицательная корреляция, наблюдаемая в первом, втором и четвертом кластерах, подтверждает гипотезу.

Таким образом, в исследовании выделяется четыре кластера динамики фондовых индексов:

- первый кластер – резкое снижение фондовых индексов;
- второй кластер – умеренное снижение фондовых индексов;
- третий кластер – умеренный рост фондовых индексов;
- четвертый кластер – резкий рост фондовых индексов.

Анализ показал, что при разделении всей совокупности данных, сортированных по возрастанию темпов прироста фондового индекса на четыре кластера, для всех исследуемых фондовых индексов имеется статически значимая связь в четвертом кластере. Четвертый кластер представляет наибольший интерес для инвестиционной политики промышленного предприятия, когда фондовые индексы резко растут, а инфляция замедляется. Это происходит всегда, когда в хозяйственный оборот внедряются новые наукоемкие технологии, которые повышают производительность труда. Повышение производительности труда происходит потому, что высокие технологии такого типа с меньшей напряженностью финансовых ресурсов достигают высоких результатов. В итоге большой объем финансовых ресурсов высвобождается, что повышает фондовые индексы, а инфляция снижается.

Коэффициент детерминации в четвертом кластере составляет от 0,59 до 0,75 для различных индексов. Это позволяет утверждать, что гипотеза об отрицательной зависимости между динамикой фондовых индексов и изменениями темпа инфляции, статистически значимая в периоды стремительного роста фондового рынка в США, подтверждается и на российском фондовом рынке.

Анализ зависимости динамики фондового рынка и инфляции в России показал, что

в нашей стране движение инфляции и фондового рынка обычно разнонаправлены. Некоторые аналитики, в том числе П.А. Лазич, считают, что снижение темпов роста цен стимулирует долговременные инвестиционные вложения в производство, восстанавливается нормальное функционирование экономики, что в свою очередь приводит к подъему на фондовом рынке (Лазич, 2006, с. 16).

На основе эмпирического анализа зависимости изменений фондового рынка и инфляции с использованием данных по американскому и российскому фондовым рынкам, включающего расширенный по сравнению с предыдущими исследователями перечень используемых индексов, предложены предварительные рекомендации для корректировки инвестиционной политики промышленных предприятий. Было доказано, что гипотеза отрицательной зависимости между динамикой фондовых индексов и изменениями инфляции подтверждается и статистически значима в периоды стремительного роста фондового рынка в США, подтверждается и на российском фондовом рынке. Так, при систематически значительном замедлении роста уровня цен с большой долей вероятности следует ожидать существенный рост фондового рынка. Следовательно, при наличии временно свободных средств предприятиям реального сектора можно рекомендовать использовать данные выводы для корректировки своей инвестиционной политики и начать вкладывать эти средства в инструменты фондового рынка.

Предложенные рекомендации являются частью комплексного подхода к развитию инвестиционной политики промышленного предприятия. Следует рассматривать их как элемент предлагаемого комплекса рекомендаций по реализации инвестиционной политики на промышленных предприятиях:

а) выделение отдельного подразделения в организационной структуре предприятия – инвестиционного отдела, ответственного за эффективность использования временно свободных средств;

б) внедрение регламентов поиска объекта размещения, включающих следующие параметры:

- сроки вложения;
- коэффициенты оборачиваемости, ликвидности банка;
- известность банка и лояльность по отношению к компании;
- показатели доходности вложений;
- юридическая составляющая договоров;

в) проведение постоянного мониторинга банковского и фондового рынков, тенденций развития, секторов фондового рынка, инвестиционных качеств ценных бумаг для оценки возможностей вложения свободных средств.

Особо следует отметить, что при разработке планов реорганизации предприятия, определении глубины и масштабов преобразований, их приоритетности, очередности и методов проведения должны быть учтены масштабы производства и объем временно свободных средств предприятия.

На крупных предприятиях инвестиционный отдел может быть представлен группой специалистов, на предприятиях среднего и малого бизнеса – одним работником. В случае когда не представляется возможности выявить цикличность появления временно свободных средств или такие средства используются для внутрифирменного финансирования, задачу управления финансовыми инвестициями следует оставить в ведении финансового директора.

Таким образом, в ходе исследования были изучены известные в экономической литературе подходы к определению сущности фондового рынка, осуществлена их критическая переработка и предложено уточнение понятия «фондовый рынок», в котором нашли отражение субъекты инвестирования и одна из важнейших функций фондового рынка – распределение средств по секторам экономики. Рассмотрено также влияние фондового рынка на формирование и разработку инвестиционной политики промышленных предприятий.

Проанализированы закономерности динамики фондового рынка США, охарактеризовано состояние и особенности российского фондового рынка. На основании эмпирического анализа и выводов разработаны предварительные рекомендации для корректировки инвестиционной политики промышленных предприятий.

Суть рекомендаций состоит в следующем: практикующим участникам фондового рынка следует обратить внимание на изменения показателя инфляции – при резком падении значения индекса потребительских цен ожидается быстрый рост фондовых индексов. Данная закономерность может быть использована при принятии решений инвестиционного характера промышленных предприятий. Поэтому временно свободные средства рекомендуется инвестировать в инструменты фондового рынка.

По итогам эмпирического анализа был выявлен особый кластер динамики фондовых индексов, представляющий интерес для разработки и корректировки инвестиционной политики промышленных предприятий, в рамках которого фондовые индексы резко растут, а инфляция замедляется. Объяснены причины такой зависимости между инфляцией и фондовыми индексами.

В разработанный комплекс рекомендаций по инвестиционной политике на промышленных предприятиях входит: создание отдельного подразделения, ответственного за эффективность использования временно свободных средств; внедрение регламентов поиска объекта размещения средств промышленных предприятий и постоянный мониторинг рынков.

Совершенствование инвестиционной политики промышленных предприятий становится сегодня неотъемлемым звеном общественного воспроизводственного процесса, без которого невозможно обеспечить успешное социально-экономическое развитие общества и государства.

Литература

- Лазич П.А. Инфляция и фондовый рынок // Рынок ценных бумаг. 2006. № 2.
- Маевский В.И., Слуцкий Л.Н. Инфляция и фондовый рынок: CPI и S&P 500 // Прикладная эконометрика. 2009. № 3.
- Fama E.F. Stock returns, real activity, inflation, and money // American Economic Review. 1981. № 71 (4) P. 545–565.

Рукопись поступила в редакцию 12.11.2011 г.

ЕЗДИТЬ НЕЛЬЗЯ ПЛАТИТЬ ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ АВТОТРАНСПОРТА

И.Ю. Ховавко

В данной статье автор рассматривает внешние эффекты, связанные с деятельностью автотранспорта. Показана необходимость и возможность государственного регулирования этой сферы деятельности. Проанализирован опыт развитых стран, раньше России столкнувшихся с негативными последствиями массовой автомобилизации. Приведены результаты опроса мнений трех групп экспертов (специалистов, автомобилистов и экологов) о выборе наиболее предпочтительных вариантов интернализации внешних эффектов автотранспорта в г. Москве.

Ключевые слова: экологическое регулирование автотранспорта, экстерналии дорожного транспорта, экономические инструменты транспортной политики, интернализация внешних эффектов автотранспорта.

С переходом к рыночной экономике в России начался автомобильный бум. За десятилетие с 2000 г. легковой автопарк увеличился на 63%, достигнув к 2010 г. 33,5 млн единиц (Гречанник, 2010). В настоящее время уровень автомобилизации в нашей стране составляет 230 автомобилей на 1000 жителей, а в крупных городах уже превзойден рубеж в 300 автомобилей.

К сожалению, процесс автомобилизации в России не удалось направить в сторону устойчивого развития. Поэтому мы имеем две фундаментальные проблемы: с одной стороны, около 20% населения страны живут в условиях бездорожья (без круглогодичного доступа) (Блинкин, Сарычев, 2004), а с другой – дефицит пропускной способности

© Ховавко И.Ю., 2011 г.

Литература

- Лазич П.А. Инфляция и фондовый рынок // Рынок ценных бумаг. 2006. № 2.
- Маевский В.И., Слуцкий Л.Н. Инфляция и фондовый рынок: CPI и S&P 500 // Прикладная эконометрика. 2009. № 3.
- Fama E.F. Stock returns, real activity, inflation, and money // American Economic Review. 1981. № 71 (4) P. 545–565.

Рукопись поступила в редакцию 12.11.2011 г.

ЕЗДИТЬ НЕЛЬЗЯ ПЛАТИТЬ ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ АВТОТРАНСПОРТА

И.Ю. Ховавко

В данной статье автор рассматривает внешние эффекты, связанные с деятельностью автотранспорта. Показана необходимость и возможность государственного регулирования этой сферы деятельности. Проанализирован опыт развитых стран, раньше России столкнувшихся с негативными последствиями массовой автомобилизации. Приведены результаты опроса мнений трех групп экспертов (специалистов, автомобилистов и экологов) о выборе наиболее предпочтительных вариантов интернализации внешних эффектов автотранспорта в г. Москве.

Ключевые слова: экологическое регулирование автотранспорта, экстерналии дорожного транспорта, экономические инструменты транспортной политики, интернализация внешних эффектов автотранспорта.

С переходом к рыночной экономике в России начался автомобильный бум. За десятилетие с 2000 г. легковой автопарк увеличился на 63%, достигнув к 2010 г. 33,5 млн единиц (Гречанник, 2010). В настоящее время уровень автомобилизации в нашей стране составляет 230 автомобилей на 1000 жителей, а в крупных городах уже превзойден рубеж в 300 автомобилей.

К сожалению, процесс автомобилизации в России не удалось направить в сторону устойчивого развития. Поэтому мы имеем две фундаментальные проблемы: с одной стороны, около 20% населения страны живут в условиях бездорожья (без круглогодичного доступа) (Блинкин, Сарычев, 2004), а с другой – дефицит пропускной способности

© Ховавко И.Ю., 2011 г.

лично-дорожных сетей городов проявляется в многочасовых пробках, повышенном дорожном травматизме, заметном ухудшении экологического состояния воздушного бассейна и деградации общественного транспорта. Опросы москвичей, проводимые Левада-Центром, показывают растущую обеспокоенность состоянием транспорта в городе¹. Аналогичная ситуация наблюдается в других крупных городах страны. Ухудшение качества жизни в большинстве городов России толкает все больше людей к мысли, что «что-то надо делать».

Первая проблема принципиально понятна. *Базовая сеть дорог* – общественное благо, и задача государства состоит в обеспечении производства этого блага в нужном количестве и качестве. Почему оно этого не делает или делает плохо – отдельный вопрос.

Решение второй проблемы не так однозначно. Основная «вина» в создании транспортных и экологических проблем в современном городе лежит на личном автотранспорте. Личные автомобили доминируют в дорожном трафике. При этом на долю легкового транспорта, по оценкам и российских, и зарубежных ученых, приходится две трети негативных внешних эффектов автотранспорта. Развитые страны осознали, что неконтролируемая автомобилизация – тупиковый путь развития. Чтобы разорвать порочный круг зависимости от автомобилей, необходимо изменить мотивацию людей в отношении использования личного автомобиля. Для этого важно понять, почему при всех издержках дорожного трафика в городе люди выбирают для передвижения личный автомобиль, и как их индивидуальные предпочтения в способе передвижения соотносятся с общественными интересами. В данной статье автор ставит своей задачей: а) рассмо-

треть природу транспортных и экологических проблем, возникших в связи с массовой автомобилизацией; б) проанализировать опыт стран, раньше России столкнувшихся с негативными последствиями автомобилизации и в) сопоставить мнения некоторых групп экспертов о вариантах интернализации внешних эффектов автотранспорта в г. Москве.

ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ АВТОТРАНСПОРТА И ИХ ОЦЕНКА

В процессе работы автотранспорта привлекаются как блага, создаваемые на конкурентных рынках (автомобили, топливо), так и общественные блага (окружающая природная среда, дороги). Для общественных благ характерно отсутствие должным образом определенных прав собственности и наличие внешних эффектов. Отдельные блага на разных этапах могут выступать в различном качестве. Окружающая среда (например, чистый атмосферный воздух) до определенного уровня развития общества является общественным благом. Однако как только уровень воздействия переходит определенный предел, общество сталкивается с ограниченным потенциалом ассимиляции природной среды. Чистый воздух становится ограниченным ресурсом (ресурсом общего доступа), за потребление которого (расходование потенциала ассимиляции) возникает соперничество, поэтому необходимо регулировать доступ к нему.

Дороги с твердым покрытием – необходимый элемент функционирования автомобильного транспорта – исходно создавались как общественное благо. По ним двигались войска, почта и собиратели податей. Автомобилизация изменила объем и характер пользования дорогами. Основная часть передвигающегося по современным дорогам автотранспорта – личный легковой автотранспорт. Во многих местах интенсивность движения вступила в противоречие с ограниченной пропускной способностью дорожной сети. Бесплатная незагруженная до-

¹ В 2010 г. проблема пробок в городе заняла в опросах первое место. По данным ВЦИОМ, 30% москвичей добираются до работы от 1 до 1,5 часа, 10% – больше 1,5 часов, 29% – отвечают «когда как». Отметим, что неопределенность времени поездки является столь же негативным фактором, как и ее чрезмерная продолжительность.

рога превратилась в бесплатную загруженную дорогу – ресурс общего доступа со всеми проблемами, присущими данному типу благ. Появление негативных экстерналий свидетельствует о растущей ограниченности ресурса. Все сказанное выше относительно дорог и ресурсов окружающей среды, ставших ресурсами общего пользования, провоцирует конфликт интересов между 1) отдельными участниками рынка и 2) отдельными участниками рынка и обществом в целом.

В экстернальной экономике сформировалось самостоятельное направление, занимающееся изучением транспортных экстерналий. Еще в 1952 г. Уильям Викери предложил регулировать спрос на передвижение, используя налог Пигу (дифференцированный по величине в час и вне часа пик). В дальнейшем внешние эффекты и методы их интернализации изучались в работах М. Делуччи (Delucchi M.), Э. Кралс (Crals E.), Т. Литмана (Litman T.), И. Мейерс (Mayeres I.), И. Пэрри (Parry I.), С. Пруста (Proost S.), А. Паулуса (Paulus A.), Л. Вереека (Vereeck L.), Е. Верхофа (Vehoeef E.) и др.

В существующих исследованиях наиболее часто выделяют следующие виды экстерналий эффектов автотранспорта (в порядке убывания величины): влияние на землепользование; неоплаченная часть издержек на парковку; дорожные пробки; загрязнение воздуха; риск аварий; стоимость земли; внешние инфраструктурные издержки; загрязнение воды; регулирование дорожного движения; эффект барьера; шумовое загрязнение; разнообразие транспорта; отходы.

Влияние на землепользование. Рост автомобилизации провоцирует автомобилеориентированное землепользование, выражающееся в неконтролируемой застройке прилегающих к городу территорий. Оценить негативные экономические, социальные и экологические последствия в терминах экономических издержек довольно сложно. Существует ряд исследований, в которых пытаются учесть следующие факторы: ухудшение экологического состояния территории; эстетическая деградация; снижение социальных контактов между

жителями; увеличение расходов на общественные нужды при разрастании городов.

Экстернальные издержки при парковке представляют собой получение пользователем неоплаченного парковочного пространства.

Дорожные пробки. Экстернальные издержки от дорожных пробок складываются из потери времени других участников дорожного движения.

Экстернальные издержки от загрязнения воздуха. Включаются оценки ущерба от загрязнения воздуха традиционными загрязняющими веществами и парниковыми газами.

Риск аварий. К внешним издержкам, связанным с риском аварий, относятся: некомпенсированный материальный ущерб, потери дохода, затраты на скорую помощь, медицинское обслуживание третьих лиц, а также некомпенсированные нерыночные издержки у третьих лиц (страдания и потеря качества жизни, страдания близких, сокращение возможностей передвижения).

Стоимость земли. Земля под дорогами является ресурсом общего доступа, наибольшую пользу от которого получают владельцы личного автотранспорта. И эта польза тем больше, чем больше они ездят по дорогам. Недоучет стоимости земли под дорожной инфраструктурой занижает стоимость перевозок по дорогам и стимулирует развитие емких по площади видов транспорта, к которым и относится автомобильный транспорт. В развитых странах 10–20% городских земель отводится под дороги и парковки. По оценкам, лишь четверть дорог выполняет функцию базового доступа. Значит, четверть стоимости земли под дорогами должно оплачивать все население страны (региона), а оставшиеся три четверти – исключительно владельцы личного транспорта (Litman, 2002; Transportation Cost..., 2005).

Внешние инфраструктурные издержки. В переменных издержках (ремонт, эксплуатация и содержание дорог) необходимо выделить долю, которую оплачивают пользователи дорог. Оставшаяся часть представляет собой внешние издержки, поскольку она оплачивается всеми налогоплательщиками.

Издержки от загрязнения воды и изменения гидрологического режима почв. Автомобили, дороги и парковки загрязняют грунтовые воды и питьевые источники (утечки нефтепродуктов, стоки с парковок и АЗС, смыв дорожных реагентов) и нарушают гидрологический режим (увеличение влагонепроницаемых поверхностей, концентрированный водосток, изменение береговой линии рек и озер).

Регулирование дорожного движения. Издержки по регулированию дорожного движения включают затраты на содержание дорожной полиции, освещение улиц и дорог, неотложную медицинскую помощь и обеспечение правопорядка на дорогах. Подавляющая часть расходов связана с уровнем дорожного движения, однако финансируются эти затраты из общих налогов (поэтому могут рассматриваться как экстерналии для автомобилистов).

Экстерналии издержки от «эффекта барьера». Дороги и дорожное движение создают барьер, сокращая возможности немоторизованного передвижения. Это и получило название «эффекта барьера». Иногда рассматривается эффект барьера и для животных. Пешеходы и велосипедисты несут дополнительные издержки, которые необходимо заставить оплачивать моторизованные виды транспорта. Эффект барьера увеличивает автомобильную зависимость, поскольку заставляет людей пересаживаться в автомобили.

Экстерналии издержки от шума. Экстерналии издержки от шума представляют собой величину экономического ущерба от шума. В развитых странах автотранспорт занимает первое место как источник шума, обогнав промышленность и строительство.

Разнообразие транспорта (стоимостная оценка возможности выбора способов передвижения). Разнообразие вариантов передвижения отражает требования справедливой конкуренции всех видов транспорта с учетом интересов разных групп населения. Расширение передвижения на автомобилях приводит к деградации других видов транспорта, поэтому издержки от снижения разнообразия

транспорта правомерно рассматривать как экстерналии для автотранспорта.

Издержки, связанные с размещением отходов автотранспорта. Включается ущерб от неутраченных элементов автомобиля (шин, батарей, карбюраторов, металлолома) и издержки по их утилизации.

По оценкам Тодда Литмана (Канадский институт транспортной политики), средние издержки от поездки на автомобиле составляют (в среднем по миру) порядка 1,64 доллара США на автомобиле-милю в городе в час пик и 0,96 долл. США в сельской местности (в ценах 2007 г.)². При этом 28% приходится на внутренние постоянные издержки, 37% – на внутренние переменные, а 35% – на экстерналии издержки (Litman, 2002).

Опираясь на более ранние оценки Тодда Литмана (1996 г.), мы пересчитали издержки, выраженные в долларах 1996 г., в рубли 2007 г. и отнесли их к километру пробега. Для этого были использованы данные Росстата, согласно которым паритет покупательной способности рубля к доллару в 2002 г. составил 9,27³. По нашим расчетам, внешние издержки автотранспорта составляют 2,7 р. на километр, из которых 45,5 к. – ущерб от загрязнения воздуха (без учета глобального загрязнения парниковыми газами).

² Обратим внимание, что в экономическую оценку экстерналии издержек автотранспорта не вошел еще один вид внешних эффектов, оказывающий влияние на поведение в обществе, – так называемые имиджевые экстерналии. Как писал Э. Фромм, в современном обществе автомобиль представляет собой «некий символ моего статуса, моего “я”, расширение сферы моей власти». Имиджевые издержки – некий «статус», позволяющий человеку на автомобиле смотреть свысока на «безлошадного», а владельцам престижных автомобилей – «не видеть в упор» не только пешеходов, но и просто более бедных сограждан.

³ Индекс инфляции составил в 2003 г. 1,12; в 2004 г. – 1,117; в 2005 г. – 1,109; в 2006 г. – 1,09; в 2007 г. – 1,119. Коэффициент пересчета долларов 1996 г. в доллары 2002 г. – 1,15.

Есть оценки ущерба от автотранспорта, выполненные и российскими учеными (табл. 1). В первой колонке табл. 1 указан источник информации, во второй – величина ущерба, в третьей – дополнительная информация относительно того, какие виды ущерба включены в оценку, в четвертой – расчеты автора статьи, основанные на приведенной информации.

Обобщим результаты:

1) ущерб от загрязнения воздуха автотранспортом составляет в среднем по России 45 к./авт.-км (можно рассматривать как нижний предел оценки для г. Москвы) (2000 г.);

2) экологический ущерб плюс некоторая часть социального ущерба (ДТП) – 1,9 р./авт.-км (2005 г.);

3) полный экономический ущерб (экологический ущерб, ущерб от ДТП, по-

тери времен в пробках) составляет около 3,7 р./авт.-км (2007 г.);

4) российские оценки ущерба от автотранспорта достаточно хорошо сопоставимы с западными (около 3 р./авт.-км).

По нашим расчетам, из 3 р./авт.-км внешних издержек водитель в нашей стране оплачивает менее четверти (0,62 р./авт.-км). Основываясь на этих оценках и считая дневной пробег среднего автомобиля в г. Москве 30 км, получаем нижнюю оценку внешних эффектов от одного легкового автомобиля около 30 000 р. в год⁴.

⁴ Эта цифра совпадает с оценками директора НИИ транспорта и дорожного хозяйства А. Сарычева. Он пишет: «Я считаю, что каждый автовладелец должен вносить в казну примерно 30–35 тыс. р. в год, а не 4,5 тыс., как сейчас. Это комплексное налогоо-

Таблица 1

Экономические оценки внешних эффектов автотранспорта

Источник (год)	Оценка	Дополнительная информация, приводимая в источнике	Расчет автора
Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 2000 г.»	170 млрд р. (60% – ущерб от легкового транспорта)	Ежегодный ущерб от экологического воздействия автотранспорта в Российской Федерации (загрязнение воздуха). Усредненные по России данные	Ущерб от загрязнения воздуха легковым автотранспортом составляет в Российской Федерации 102 млрд р. Ущерб от одного легкового авто – 4,9 тыс. р./год, или 13,4 р. в день (45 к./авт.-км)*
Институт региональных экономических исследований (2005)	75 млрд р./год	Ущерб от автотранспорта в г. Москве (загрязнение, шум, ущерб от ДТП)	Ущерб в 12,5 р./л**, или 1,9 р. на 1 авт.-км (при расходе 15 л на 100 км)
МАДИ (2007)	38–39 млрд р./год	Экономические потери от пробок в Москве (легковой транспорт)	Общий ущерб – 48,5 млрд р.*** Ущерб от одного авто – 111 р. в день, или 3,7 р./авт.-км
	14,5 млрд р. / год	Ущерб от загрязнения отходами и загрязнения водных ресурсов (весь автотранспорт)	
	390 млн р. / год (из них 54 млн р. – загрязнение грузовиками)	Ущерб от загрязнения воздуха	

* Размер автопарка в 2000 г. составил 21,4 млн АТС. Оценки среднего суточного пробега колеблются от 14 до 55 км в сутки. В расчет принята цифра 30 км.

** В Москве сжигается 6 млрд л бензина в год (Любишь кататься – плати // Аргументы и факты. 2005. № 36 (сентябрь). С. 20).

*** $38,5 + \frac{2}{3} \times 14,5 + (0,39 - 0,054) = 48,5$ млрд р.

Источники: Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 2000 г.». М.: МПР РФ, 2001; Киченджи В.Н., Хатояма К. Москва: транспортные проблемы мегаполиса. М.: ДПК пресс, 2010. С. 88–91; Александров Г. Любишь кататься – плати // Аргументы и факты. 2005. № 36 (сентябрь). С. 20.

Таким образом, большинство автомобилистов не осознают (или не хотят осознавать), что они не полностью оплачивают издержки, связанные с их передвижением на автомобиле, которые тем не менее приходится оплачивать обществу.

ОПЫТ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ЭКСТЕРНАЛИЙ АВТОТРАНСПОРТА В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ

Наличие экстерналий – всегда проявление экономической неэффективности. Важным результатом экономической теории является вывод о необходимости их регулирования. Поскольку экономические агенты – источники внешних эффектов не заинтересованы в минимизации отрицательных внешних эффектов, необходимы меры по их принуждению к этому. Функция принуждения возлагается на государство, а механизмом принуждения выступает система государственного регулирования – комплекс правовых, административных и экономических мер, определяющих систему требований (ограничений) по ведению разнообразных видов человеческой деятельности (в частности, функционирование автотранспорта). Эти меры должны обеспечить интернализацию внешних эффектов, т.е. перенесение внешних издержек во внутренние издержки источника экстерналий, и тем самым восполнить обратную связь, недостающую в результате «провала рынка».

Государственное регулирование автотранспорта в развитых странах включает два направления: первое – снижение внешних экологических эффектов путем сокращения уровня воздействия отдельного автотранспортного средства (АТС) и второе – управление спросом на передвижение на личном транспорте

бложение: транспортный налог, акциз на бензин и так далее» (Пробки у москвичей в голове: <http://wnovosti.ru/moskva/2026>).

путем изменения принципов ценообразования на поездки на автомобиле.

Система государственного регулирования автотранспорта в развитых странах началась с установления строгих государственных стандартов на выбросы автомобиля. Это заставило производителей автомобильной техники совершенствовать конструкцию автомобилей и создало потребность в качественном топливе. В дополнение система налогообложения топлива в этих странах была выстроена с использованием экологических критериев: на более качественное топливо устанавливались сниженные налоги, что повышало заинтересованность переработчиков нефти в производстве топлива высоких экологических классов.

Большие успехи в области регулирования выбросов автотранспорта достигнуты в США – стране, подошедшей к теоретическому максимуму автомобилизации (европейцы несколько отстали в этом вопросе). Американские программы регулирования выбросов автомобильного транспорта имеют 50-летнюю историю. С конца 1960-х гг. государство стало нормировать выбросы автомобилей⁵. Достижение заданных государством стандартов потребовало изменения технических характеристик автомобилей (в части выхлопных выбросов и расхода топлива). Развитие системы регулирования происходило по следующим направлениям:

- а) расширялся перечень контролируемых загрязняющих веществ;
- б) увеличивался круг автотранспортных средств, к которым апеллировало законодательство;
- в) постоянно ужесточались экологические требования к работе автомобиля;
- г) удлинялся период, в течение которого производители автомобильной техники

⁵ Экологические стандарты на выбросы автотранспорта устанавливали допустимые объемы выбросов в граммах на милю для легковых автомобилей, в граммах на единицу объема двигателя (см³) – для мотоциклов и в граммах на единицу мощности двигателя – для грузовиков и автобусов.

обязаны были гарантировать сохранение автомобилем экологических характеристик;

д) совершенствовались способы контроля экологических параметров автомобиля в процессе его эксплуатации.

Первые американские стандарты были технологически принудительными, т.е. требовали от производителей автомобилей новых технологических решений. С учетом интенсивной конкуренции на американском рынке практически все ведущие автомобилестроительные компании мира были вовлечены в разработку новых, экологически чистых технологий в автомобилестроении. Результатом внедрения экологических стандартов стало повышение экологического класса автомобилей, представленных на американском рынке.

Широко использовались программы надзора реального состояния автопарка, включающие: 1) ежегодный контроль экологических параметров автомобилей в ходе плановых и выборочных технических осмотров; 2) дорожный контроль. Создание эффективной системы контроля экологических параметров автомобилей в процессе эксплуатации дополнялось мерами ответственности как для производителей автомобилей (отзыв автомобилей), так и для владельцев автотранспорта (штрафы), что заставляло и тех и других стремиться к соблюдению установленных правил. При условии эксплуатации автомобиля в соответствии с требованиями производителя последний обязан гарантировать сохранение экологических характеристик автомобиля в течение всего гарантийного периода. Однако автопроизводители дают свои гарантии только при условии соблюдения владельцем требований по эксплуатации автомобиля, главным из которых является качество применяемого топлива. Это означает, что государству в ходе реализации экологических программ удалось создать спрос на качественное топливо.

Таким образом, основным способом интернализации внешних экологических эффектов в развитых странах стало прямое регулирование экологических характеристик АТС.

Второе направление транспортной политики в развитых странах – управление спросом на передвижение на личном автотранспорте – нацелено на исключение определенной части водителей из пользования перегруженным ресурсом (дорожной сетью). Ключевым пунктом для достижения этой цели стало изменение принципов ценообразования на поездки на автомобиле. Поездка на автомобиле рассматривалась в качестве такого же экономического решения, как покупка товара в магазине, и принимать такое решение люди должны были, базируясь на ценах, отражающих полные издержки (включая внешние эффекты). Основными инструментами управления спросом являются: налогообложение АТС; налогообложение пользования дорожной инфраструктурой; плата за заторы; плата за парковку; налогообложение топлива. В табл. 2 экономические инструменты, призванные изменить транспортное поведение индивидов, сгруппированы в зависимости от целей, которые они реализуют.

Западный опыт позволяет сформулировать три правила в отношении процесса автомобилизации в городах: 1) приспособиться к стихийной автомобилизации невозможно (в городе, где есть средний класс, практически каждый в состоянии купить автомобиль); 2) не надо путать мобильность населения и мобильность личных транспортных средств (первая должна всемерно развиваться, вторая – ограничиваться) и 3) в процессе разработки транспортной политики, призванной интернализировать внешние эффекты, дополнительными правами правильнее наделять «жертвы» (пешеходов).

СОГЛАСОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ АВТОТРАНСПОРТА В Г. МОСКВЕ

Любые способы интернализации внешних эффектов повысят общественное благосостояние, однако они затрагивают интере-

Таблица 2

Экономические инструменты регулирования спроса на передвижение на личном автотранспорте

Тип стимула/антистимула	Возможный экономический инструмент	Конкретный вид инструмента
Заставить отказаться от владения личным автотранспортом	Налоги (платежи) на покупку авто, владение авто и утилизацию старого автомобиля	Ежегодный транспортный налог. Регистрационный сбор. Налог с продаж/перепродаж. Налог на утилизацию
	Ограничение числа автомобилей и/или новых регистраций	Аукционные схемы на приобретение новых автомобилей. Лицензирование владения автотранспортом
Заставить отказаться от поездок на автомобиле. Стимулирование использования общественного транспорта	Налог (плата) на пользование авто	Налог на топливо. Дополнительный сбор при заправке. Налог на пройденное расстояние (vehicle miles travelled fees)
	Налог на использование дорог и другой транспортной инфраструктуры. Ограничение доступа в определенные городские районы (например, в центр)	Плата за парковку. Плата за въезд в город. Плата за проезд по дороге, мосту. Кордонная плата. Плата за скопление (заторы) на дорогах
	Субсидии для общественного транспорта	Субсидирование платы за общественный транспорт. Сниженное налогообложение общественного транспорта. Перехватывающие парковки (схемы Park&Ride)
Стимулирование технологических процессов и нововведений с низкими выбросами	Налоги (платежи) на покупку авто, владение авто и утилизацию старого автомобиля. Налог (плата) на пользование авто. Налог на использование дорог и другой транспортной инфраструктуры	Дифференциация налогов в зависимости от уровня выбросов автомобиля. Энергетический налог (в зависимости от выбросов или потребления топлива). Плата за выбросы. Дополнительные сборы в зависимости от уровня выбросов. Субсидии, налоговые скидки за использование малозагрязняющих технологий

Источники: использованы материалы из Economic Instruments for Sustainable Road Transport (An Overview for Policy Makers in Developing Countries), Eschborn, 2001 (http://cleanairinitiative.org/portal/sites/default/files/articles-58714_Module_Id_Economic_Instruments.pdf).

сы разных групп населения по-разному. Нет однозначно хороших и однозначно плохих инструментов. Обществу необходим консенсус, достичь которого довольно сложно, что уже показало обсуждение в прессе транспортной стратегии развития г. Москвы (плана С.С. Собянина). По многим вопросам наблюдается поляризация мнений. Например, сторонники топливного налога, направляемого в дорожный фонд, указывают на то, что он наиболее полно отражает автотранспортные экстерналии: больше едешь – больше платишь. Противники налога приводят следующие аргументы: 1) от введения налога больше страдают бедные слои населения; 2) некото-

рые категории автомобилей (например, на газовом топливе) получают незаслуженную фору; 3) дополнительно вынуждены платить и пользователи бытовых дизель-генераторов; 4) введение налога касается также грузового транспорта, что провоцирует дополнительную инфляцию, и, самое главное, 5) налог не отражает места передвижения (пустынная деревня в глуши или центр г. Москвы). Последние два обстоятельства абсолютно справедливы, а вот против предыдущих пунктов можно привести некоторые доводы. Помнить о бедных полезнее в других ситуациях (например, при разработке социальной политики). Наилучшей социальной поддержкой

населению является качественный и доступный общественный транспорт. Дополнительные расходы на бытовые приборы можно рассматривать как вид углеродного налога. Определенным оправданием противников топливного налога являются «ошибки» властей, пообещавших, но «забывших» отменить транспортный налог.

Другой повод для конфликтов – парковки. Все признают, что парковки нужны, «но только не в моем дворе», в моем дворе должен быть скверик и детская площадка. Как решать эту проблему в условиях отсутствия незастроенных территорий?

Мы поставили перед собой задачу определить, есть ли точки пересечения в понимании способов разрешения транспортных и экологических проблем г. Москвы у разных групп населения/экспертов. Для анализа мы выделили три группы, которые условно назвали специалистами, автомобилистами и экологами. В качестве «специалистов» выступали эксперты, профессионально занимающиеся автомобильным транспортом (кандидаты и доктора наук МАДИ). В качестве «автомобилистов» – представители Федерации автовладельцев России (ФАР). От имени «экологов» отвечали эксперты (доктора наук), профессионально занимающиеся охраной окружающей среды. В каждой группе было по 5 экспертов.

Для оценки связи внутри группы применялся коэффициент конкордации⁶, а между группами – ранговой корреляции (по Спирмену)⁷.

⁶ Коэффициент конкордации – коэффициент согласия, определяющий связь ранжировок, назначенных отдельными экспертами. Оценка коэффициента конкордации проводится по критерию χ^2 для $(n - 1)$ степеней свободы при 1%-м уровне значимости.

⁷ Коэффициент ранговой корреляции по Спирмену – эмпирический показатель, основанный на оценке рангов коррелируемых величин. Метод ранговой корреляции можно применять при изучении сложных ситуаций, характеризующихся большим числом факторов ($n > 10$). Он заключается в установлении объективной связи между мнениями экспертов

Первоначально экспертам был направлен опросный лист с 20 вариантами транспортной политики, наиболее часто обсуждаемых в контексте транспортных проблем г. Москвы. При этом экономические меры (платежи/налоги) включались более детализированно (платежи в зависимости от пробега, мощности двигателя, экологического класса автомобиля и т.д.) в отличие от технических вариантов, которые агрегировались в более крупные блоки (например, интеллектуальные транспортные системы). Эксперты ФАР добавили четыре варианта (отмечены звездочкой в табл. 3).

Опросный лист с 24 вариантами был повторно направлен экспертам для ранжирования (см. табл. 3).

При $N = 20$ коэффициент конкордации экологов составил 0,44; автомобилистов – 0,79; специалистов – 0,58. При $N = 24$ значение критерия у экологов оказалось меньше табличного, что означает, что суждение не имеет закономерности и носит случайный характер. Коэффициент конкордации у специалистов составляет 0,52; у автомобилистов – 0,75; что подтверждает соответственно среднюю и высокую степень согласия мнений в этих группах.

Далее определялась степень согласия между группами автомобилистов и специалистов. Полученный коэффициент ранговой корреляции 0,4 показывает наличие некоторой связи между мнениями экспертов двух групп. В табл. 4 представлено окончательное ранжирование вариантов группами экспертов (согласно полученному весу в относительных единицах).

Анализ результатов опроса позволяет сделать ряд выводов.

1. Важнейшим направлением транспортной стратегии города группы экспертов совершенно справедливо считают развитие общественного транспорта. Власти должны сделать общественный транспорт более привлекательным, чем передвижение на личном автомобиле в пробках (правильность этого вывода можно продемонстрировать с помо-

и упорядочивании выдвинутых параметров в зависимости от их «важности».

Таблица 3
Опросный лист

№ п/п	Вариант транспортной и экологической политики	Ранг варианта с точки зрения возможности его применения в г. Москве
<i>Развитие общественного транспорта</i>		
1	Выделенная полоса для общественного транспорта	
2	Развитие метро (включая область)	
3	Развитие скоростного трамвая и железнодорожного сообщения (в г. Москве и области)	
4	Улучшение работы общественного транспорта (снижение времени ожидания, увеличение скорости и повышение комфорта передвижения)	
5	Регулирование работы городского такси	
6	Развитие сети перехватывающих парковок	
7	Снижение платы за проезд в общественном транспорте	*
<i>Организационно-планировочные решения</i>		
8	Строительство новых дорог и развязок в Москве и области	
9	Интеллектуальные транспортные системы	
<i>Повышение экологического класса автомобилей</i>		
10	Ежегодный транспортный налог, дифференцированный в зависимости от экологического класса автомобиля	
11	Углеродный налог (налог на топливо) в зависимости от объема выбросов авто (качества потребляемого топлива)	
<i>Экономическое регулирование спроса на передвижение на личном транспорте</i>		
12	Налог на топливо/Налог на топливо, привязанный к годовому пробегу	
13	Платный въезд в определенные районы города (например, центр)	
14	Плата за проезд по наиболее загруженным дорогам	
15	Плата за разрешение пользоваться дорожной сетью в течение определенного времени (система виньеток)	
16	Ежегодный транспортный налог (привязанный к годовому пробегу)	
17	Дополнительный налог при покупке/перепродаже автомобиля	
18	Электронные системы оплаты проезда	
<i>Управление парковками</i>		
19	Массовое строительство коммерческих парковок	
20	Ограничение/запрет на бесплатную парковку на улицах города	
21	Наведение порядка со знаками, запрещающими парковку	*
22	Система отслеживания нарушений правил парковки	*
<i>Другое</i>		
23	Развитие системы проката автомобилей	
24	Повышение качества топлива	*

* Звездочкой отмечены варианты, добавленные экспертами ФАР.

щью теоретической модели «дилемма заключенных»).

Отметим, что специалисты оценили вариант «Снижение платы за общественный транспорт» выше, чем автомобилисты. В настоящее время поездка на работу (туда и об-

ратно до 30 км) на автомобиле оказывается дешевле поездки на общественном транспорте с пересадкой.

Выделенные полосы для общественного транспорта – необходимое условие его комфортности. Специалисты, однако, оцени-

Таблица 4

Ранжирование вариантов транспортной политики «автомобилистов» и «специалистов»

Автомобилисты	Вес фактора	Специалисты	Вес фактора
8. Строительство новых дорог и развязок в Москве и области	0,99	2. Развитие метро (включая область)	0,95
19. Массовое строительство коммерческих парковок	0,85	6. Развитие сети перехватывающих парковок	0,89
4. Улучшение работы общественного транспорта	0,84	4. Улучшение работы общественного транспорта	0,88
21. Наведение порядка в установке знаков, запрещающих (разрешающих) парковку	0,8	3. Развитие скоростного трамвая и железнодорожного сообщения (в Москве и области)	0,77
6. Развитие сети перехватывающих парковок	0,76	8. Строительство новых дорог и развязок в Москве и области	0,73
9. Интеллектуальные транспортные системы	0,73	7. Снижение платы за общественный транспорт	0,65
2. Развитие метро (включая область)	0,7	9. Интеллектуальные транспортные системы	0,59
1. Выделенная полоса для общественного транспорта	0,67	22. Система отслеживания нарушений правил парковки автомобилистами	0,57
18. Электронные системы оплаты проезда	0,62	18. Электронные системы оплаты проезда	0,52
22. Система отслеживания нарушений правил парковки автомобилями	0,6	19. Массовое строительство коммерческих парковок	0,5
12. Налог на топливо / Налог на топливо, привязанный к годовому пробегу	0,53	1. Выделенная полоса для общественного транспорта	0,47
7. Снижение платы за общественный транспорт	0,51	10. Ежегодный транспортный налог, дифференцированный в зависимости от экологического класса автомобиля	0,45
24. Меры повышения качества топлива	0,51	16. Ежегодный транспортный налог (привязанный к годовому пробегу)	0,45
11. Углеродный налог (налог на топливо) в зависимости от объема выбросов авто (качества потребляемого топлива)	0,48	5. Регулирование работы городского такси	0,4
3. Развитие скоростного трамвая и железнодорожного сообщения (в Москве и области)	0,46	17. Дополнительный налог при покупке/перепродаже автомобиля	0,4
5. Регулирование работы городского такси	0,43	12. Налог на топливо/Налог на топливо, привязанный к годовому пробегу	0,39
10. Ежегодный транспортный налог, дифференцированный в зависимости от экологического класса автомобиля	0,36	11. Углеродный налог (налог на топливо) в зависимости от объема выбросов авто (качества потребляемого топлива)	0,39
23. Развитие системы проката автомобилей	0,25	14. Плата за проезд по наиболее загруженным дорогам	0,37
20. Ограничение/запрет на бесплатную парковку на улицах города	0,24	20. Ограничение/запрет на бесплатную парковку на улицах города	0,37
17. Дополнительный налог при покупке/перепродаже автомобиля	0,23	21. Наведение порядка со знаками, запрещающими (разрешающими) парковку	0,37
14. Плата за проезд по наиболее загруженным дорогам	0,13	15. Плата за разрешение пользоваться дорожной сетью в течение определенного времени (система виньеток)	0,34

Автомобилисты	Вес фактора	Специалисты	Вес фактора
<i>15. Плата за разрешение пользоваться дорожной сетью в течение определенного времени (система виньеток)</i>	0,12	<i>13. Платный въезд в определенные районы города (например, центр)</i>	0,31
16. Ежегодный транспортный налог (привязанный к годовому пробегу)	0,12	23. Развитие системы проката автомобилей	0,14
<i>13. Платный въезд в определенные районы города (например, центр)</i>	0,06	24. Меры повышения качества топлива	0,09

Примечание. Жирным шрифтом выделены варианты приоритетные, по мнению экспертов обеих групп. Курсивом – варианты, получившие наименьший рейтинг в обеих группах. Жирным курсивом – варианты, где в наибольшей степени мнения экспертов разошлись.

ли этот вариант ниже автомобилистов, видимо, хорошо представляя те трудности, с которыми придется столкнуться при реализации этого варианта. В Москве, где «все так запущено», организовать комфортный, надежный и доступный общественный транспорт – исключительно сложная задача, но избежать ее решения властям не удастся.

2. Результат опроса в группе автомобилистов показывает исключительно высокий уровень согласия, который можно назвать «согласованным эгоизмом». Автомобилисты хотят новых дорог, парковок, интеллектуальные транспортные системы, при этом они не готовы оплачивать внешние издержки. Мнение автомобилистов можно иллюстрировать словами вице-президента ФАР Константина Шутова: «если поднять налог (речь идет о транспортном налоге и других сборах с автовладельцев – *Авт.*), то власть получит социальный взрыв...» (Повышение транспортного налога, 2011). Перефразируя сказанное, можно утверждать, что автомобилисты предупреждают: попытки властей интернализировать внешние эффекты автотранспорта вызовут социальный протест.

3. В обеих группах доминируют варианты: «Улучшение работы общественного транспорта»; «Строительство новых дорог и развязок в Москве и области»; «Развитие метро (включая область)»; «Развитие сети перехватывающих парковок». Вариант «Массовое строительство коммерческих парковок» автомобилисты оценили выше, чем специалисты.

Вероятно, специалисты лучше понимают, что избыток парковок так же плох, как и их недостаток, поскольку провоцирует рост зависимости от автомобилей.

Наименьший рейтинг в обеих группах экспертов получили варианты: «Платный въезд в определенные районы города (например, центр)»; «Развитие системы проката автомобилей»; «Плата за разрешение пользоваться дорожной сетью в течение определенного времени (система виньеток)»; «Плата за проезд по наиболее загруженным дорогам», что отражает неготовность общества принять эти варианты транспортной политики (видимо, как по техническим, так и экономическим, а возможно, – и по психологическим причинам).

Наибольшее расхождение в оценках вызывают варианты: «Наведение порядка в установке знаков, запрещающих (разрешающих) парковку» и «Меры повышения качества топлива», добавленные экспертами группы автомобилистов. Вариант с установкой знаков – очевидные недоработки (или «ловушки»), для устранения которых достаточно намерения навести порядок. Второй вопрос сложнее. Либерализация производства моторного топлива в России привела к падению качества на розничном рынке. По данным Международного центра по надзору за качеством горючего (IFQC), в 2009 г. Россия занимала лишь 84-е место по качеству топлива (из 100 позиций в списке) (Российский бензин..., 2009).

Однако следует признать, что ситуация в Москве более благополучная, чем в регионах⁸.

4. По результатам опроса экологов (анкета-20) первые и последние места заняли те же варианты, что и у автомобилистов и специалистов: «Развитие метро (включая область)»; «Выделение полосы для общественного транспорта»; «Улучшение работы общественного транспорта»; «Интеллектуальные транспортные системы»; «Строительство новых дорог и развязок в Москве и области». Низко оценены «Развитие системы проката автомобилей» и «Дополнительный налог при покупке/перепродаже автомобиля». Однако ответы на анкету-24 показали, что у экологов, которые по идее и должны олицетворять интересы общества, нет какой-либо устойчивой системы предпочтений в области транспортной политики в городах.

Таким образом, в результате анализа субъективных мнений экспертов мы получили упорядоченную оценку вариантов транспортной политики, отражающую предпочтения отдельных групп экспертов. Эти результаты, по нашему мнению, могут быть полезны лицам, занимающимся планированием городского развития.

Изучение мнений экспертов показывает, что на сегодняшний день в обществе нет силы, в полной мере осознающей необходимость интернализации внешних эффектов автотранспорта, заинтересованной в этом и готовой отстаивать свою позицию. В этих условиях только государство способно организовать эту деятельность, важнейшей составляющей которой должна стать разъяснительная работа с населением (прежде всего с так называемым автомобилизированным сообществом). Однако властям следует помнить, что ис-

пользование механизма интернализации для оправдания действий фискальной машины государства (а не для повышения общественного благосостояния) только дискредитирует данный механизм в глазах общества.

Литература

- Блинкин М., Сарычев А. Российские дороги и европейская цивилизация. Публичная лекция, 2004 (<http://www.polit.ru/article/2004/06/24/blinkin/>).
- Гречаник А. В России стоит на учете 33 миллиона легковушек // КР-AVTO.RU. 26.10.2010 (<http://kr-avto.ru/article/10409>).
- Российский бензин оказался одним из худших. 27.04.2009 (<http://www.dni.ru/auto/2009/4/27/164926.html>).
- Повышение транспортного налога не спасет от пробок. Федерация автовладельцев России. 20 января 2011 г. (<http://www.far.ru/>).
- Litman T. Transportation Cost Analysis: Techniques, Estimates and Implications. Executive Summary. Victoria Transport Policy Institute, 2002. June. (<http://www.vtpi.org/tca/tca00.pdf>).
- Transportation Cost and Benefit Analysis – Roadway Costs, Victoria Transport Policy Institute, 2005, p. 5, 7–9 (<http://www.vtpi.org/tca/tca0506.pdf>).

Рукопись поступила в редакцию 25.04.2011 г.

⁸ В качестве меры, которая внесла заметный вклад в улучшение ситуации на топливном рынке Москвы, следует упомянуть политику раскрытия информации, которая проводилась Департаментом природопользования г. Москвы. На сайте правительства Москвы регулярно публиковался так называемый черный список АЗС Москвы (АЗС, оштрафованные в течение года за некачественное топливо).

В.В. Чекмарёв

В арсенале истории российской экономической мысли много знаковых имен. В одной из своих последних работ («Очерки истории российской социально-экономической мысли») академик Л.И. Абалкин дает развернутые портреты выдающихся ученых-экономистов России. В этой книге решена важная сегодня для науки задача – показаны глубинные основы российской школы социально-экономической мысли.

Сложившись на рубеже XIX–XX вв. как самостоятельная школа, российская школа социально-экономической мысли по мере развития включала растущее число ученых. Среди общих творческих свойств российских экономистов следует отметить стремление к глобальному мышлению и умение видеть при этом специфику России. Одной из отличительных черт российской школы социально-экономической мысли стало выделение, наряду с вещественным богатством, морально-нравственных факторов, образования и культуры как элементов качества жизни.

Российская школа, как полноводная река, вбирает в себя реки малые. К таковым можно отнести авторские научные школы экономистов – как уже сложившиеся, так и продолжающие формироваться в различных регионах нашей огромной страны. Одной из таких школ считается костромская школа экономистов, основателем которой по праву называют доктора экономических наук, про-

© Чекмарев В.В., 2011 г.

фессора *Матвея Исааковича Скаржинского* (1924–2009). Его памяти вот уже третий год подряд в Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова проводятся международные научные конференции «Экономические институты современной России». Участие в этих конференциях принимают ученые из Германии, Франции, Италии, Сербии, Украины, Белоруссии, Казахстана.

Среди российских ученых во второй такой конференции принимал участие и Л.И. Абалкин.

Третья Конференция состоялась 4 мая 2011 г. В ней приняло участие свыше 50 докторов и кандидатов наук из различных вузов России, а также ряда зарубежных вузов. Цель конференции – развитие экономической теории в рамках *новой политической экономии*, а также упрочнение позиций научной школы, сформированной Заслуженным деятелем науки РФ, д.э.н., профессором М.И. Скаржинским. Работа Конференции проходила по следующим направлениям:

- институты – механизм координации взаимодействия экономических субъектов;
- взаимодействия институтов – комплементарность, альтернативность, конкуренция;
- роль институтов в развитии инновационной экономики;
- институты и экономические отношения и интересы;
- теория экономического пространства и институты;
- содержание, логика и структура современной экономической теории;
- новая политическая экономия – институция общей экономической теории;
- структура учебного курса по экономической теории.

Объединяющая тема конференции – «Экономические институты современной России». Выбор темы обусловлен растущей значимостью институтов в социально-экономической жизни общества. Достаточно очевидно, что экономическая политика должна дать ответ на вопрос: при каких условиях

экономические взаимодействия могут стать эффективными? Институты как формальные и неформальные нормы поведения расширяют возможность анализа трендов устойчивого экономического развития общества. Наряду с экономическими явлениями и процессами, институты определяют такой феномен, как состояния. Все более значимым в экономической науке становится исследование таких состояний, как экономическая свобода, доверие, лояльность и пр.

Итоги первых двух конференций «Экономические институты современной России» опубликованы в книгах с одноименным названием, привлекли внимание более широкого круга исследователей, о чем свидетельствует состав участников конференции.

С основным докладом «Экономическая теория и ее институционализация в многоуровневой системе высшего образования» выступил председатель оргкомитета конференции В.В. Чекмарёв. В докладе представлен авторский взгляд на содержание учебных планов (учебников, учебных пособий) по дисциплинам общей экономической теории (экономика, микроэкономика, макроэкономика) с акцентом на макроэкономических проблемах. Доклад состоит из двух частей. В первой части («Проблемы и направления институционализации содержания экономической теории как учебной дисциплины») содержится критический анализ принятых подходов к изложению содержания дисциплины в имеющихся учебниках. Во второй части («Столкновение цивилизационных парадигм и суть американизации преподавания экономической теории») акцент переносится на мировоззренческую функцию экономической теории.

Стержневой идеей доклада является положение о том, что цель изучения экономической теории не может сводиться к освоению основ экономических знаний. Формирование экономического мышления, понимания явлений, процессов, состояний экономического пространства, формирование мировоззренческих ценностных установок поведения личности – вот цели изучения экономической тео-

рии. Докладчик предполагает переосмыслить содержание курса экономической теории.

На пленарном заседании выступили *Б.Д. Бабаев* (Ивановский государственный университет) с докладом «Неоптимальность экономики России: теоретико-методологический аспект»; *Р.М. Качалов* (ЦЭМИ РАН, Москва) «Институты экономического риска как системные ресурсы инновационного развития предприятия»; *Д.Ю. Миропольский* «Взаимодействия институтов: комплементарность, альтернативность, конкуренция»; *А.И. Новиков* (Ивановский государственный университет) «Институт частной собственности на землю России: критический взгляд»; *У.Ж. Алиев* (Университет «Туран – Астана», Казахстан) «Теоретическая экономика»; *В.С. Сизов* (Вятский социально-экономический институт) «Образование будущего: системы и сети»; *Е.М. Скаржинская* (Костромской государственный университет) «Методология исследования института кооперации».

Профессор *Б.Д. Бабаев* сделал акцент на проблемах неоптимальности экономики России. Он подчеркнул, что состояние экономики во многом отражает слабую разработанность синтеза политико-экономического и институционального подходов. Не случайно лица, принимающие решения по развитию страны, не отличаются широтой взглядов на социально-экономические проблемы современного общества.

Все еще много экономистов даже среди тех, кто называет себя институционалистами, заявляют, что институционализм – это теория обо всем и ни о чем конкретно.

Немало институционалистов, которые, освоив одну-другую институциональную идею, отвергают все другие институциональные идеи и подходы.

Доктор экономических наук *Р.М. Качалов* («Институты экономического риска как системные ресурсы инновационного развития предприятия») аргументировано показал присутствующим, что последние 15–20 лет экономисты, политики, юристы все чаще оперируют словом «институт», «институцио-

нальный», «институциональное устройство» общества. Общий смысл этого слова «институт», одинаково принимаемый представителями разных специальностей, означает некоторое установление, некоторый относительно устойчивый порядок, истоки которого понимаются ими неодинаково. В одних случаях это сознательно принимаемый людьми отдельный закон или, например, Конституция, представляющая некоторую систему установлений, определяющих правовой порядок в обществе. В других случаях – устойчивый порядок, спонтанно возникший в процессе совместной деятельности людей. Это – и навык, и обычай, и традиции, и общий порядок осуществления жизненного процесса, который легко заметить, сравнивая образы жизни людей в разных природно-географических условиях, людей разных национальностей и религий. Именно поэтому слово «институт» широко применяется в этнографии, антропологии, сравнительном анализе культур, сравнительной психологии и т.д. Такой феномен человеческого бытия, как язык, являющийся одним из главных признаков, отличающих одну нацию от другой, представляет собой спонтанно возникшую систему правил (или «институтов»), или институт человеческой коммуникации в целом, посредством которого осуществляются взаимоотношения людей, их общение, понимание друг друга, развитие самой способности человеческого мышления.

Таким образом, общий смысл слова «институт» заключается в указании на определенный порядок человеческого бытия, существующий относительно длительное время и выражающийся в том, как люди себя ведут, каков их образ жизни, какова их манера мышления.

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов *Д.Ю. Миропольский* в своем выступлении «Взаимодействия институтов: комплементарность, альтернативность, конкуренция» отметил, что сегодня продолжают хождения ряда характеристик институциональной теории, одни из них возникли давно,

другие – с момента появления первых работ Веблена. Теоретически они повторяются и сегодня, прекрасно иллюстрируя фразу современного американского экономиста Акселя Лейонхуфвуда: «обычно экономист хорошо знает, что сказано, но плохо представляет то, о чем идет речь».

Считается, что институционализм представляет собой сугубо национальное американское явление. Повод такого понимания можно найти в вебленовской характеристике американцев как деловых, лишенных сантиментов людей, поведение которых определяется прямолинейным практицизмом. Но именно эти свойства, по мнению Веблена, наиболее соответствуют принципам индустриальной организации, чем и объясняется беспрецедентный рост индустриальных форм в США в конце XIX в. Это совсем не означает, что индустриализм – исключительно американское явление. Поэтому и институционализм, который отражал становление индустриальных форм организации общественного производства, представляет собой теорию, имеющую отношение ко всем странам, захваченным промышленной революцией и последовательной чередой глубоких технологических преобразований на протяжении XIX и XX вв.

Профессор Ивановского университета *А.И. Новиков* в своем выступлении раскрыл взгляды ивановской научной школы на институт частной собственности на землю в России. Он подчеркнул различия между частной, частнокапиталистической и личной собственностью на землю. Более того, согласно его мнению, земля должна находиться в частной собственности с позиции эффективного ее использования. При этом он резко критически отнесся к возможности получения рентных доходов отдельными гражданами – собственниками.

Новое время нуждается и в обращении к другим направлениям экономической мысли, которые обычно не называются институциональными, но оказываются близки институционализму.

Ректор Вятского социально-экономического института д.э.н., профессор *В.С. Су-*

зов выступил с докладом «Образование будущего: системы и сети». В своем докладе он развивал идеи об образовании как социальном и экономическом институте. На его взгляд, правомерно рассматривать институты и сети как механизмы координации экономических взаимодействий. Развитие институционального подхода от старого (традиционного) институционализма к неоинституционализму делает значимым соотнесение сетевых взаимоотношений с иерархическими в контексте образования общественного блага.

Ректор Владимирского института бизнеса д.э.н., профессор *О.П. Звягинцева* свое выступление посвятила перспективам финансирования развития института социальной защиты. Каждая страна формирует свой национальный уклад жизни, свой национальный строй экономики, определяя образ жизни, типичное поведение людей разных социальных групп или нации в целом. Каждая страна в своей прошлой и настоящей истории находится под воздействием «кумулятивных изменений» (Веблен) – технологических и институциональных, которые находят проявления в различных обычаях – в поведении англичанина, француза, немца и т.д.

Накопленный институционалистами огромный багаж идей не сможет выполнить своей продуктивной роли в развитии новой экономической теории, если не будет подвергнут рациональной критике либо в духе диалектической критики Гегеля–Маркса, либо своеобразной и продуктивной ее интерпретации прагматизмом в духе Ч. Пирса, либо в духе «рационалистического критицизма» К. Поппера.

В докладе ректора Национального исследовательского университета ВШЭ, профессора, к.э.н. *А.И. Кузьмина* и доцента этого же вуза к.э.н. *М.М. Юдкевич* отмечено, что дух постмодерна, распространяющийся эпидемически, уничтожающий всякое уважение к науке и рациональному мышлению, делает восстановление этой критики жизненно необходимым для поступательного развития общества, расширения свободы членов этого

общества, для экономического и культурного прогресса. Неудивительно, что сегодня все становятся в той или иной степени институционалистами, все или, по крайней мере, большинство представителей мейнстрима чувствуют необходимость.

Заведующим кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета профессором, д.э.н. *П.С. Лемещенко* отмечено, что в самом институционализме сегодня существуют два ясно выраженных направления.

Философские, методологические и теоретические основания этих двух направлений серьезно различаются, в некоторых случаях они прямо противоположны. Большая же часть современных российских авторов рассуждает об институциональном устройстве, эклектически соединяя положения этих двух направлений, совершенно не сознавая того, что в итоге картина социально-экономической реальности получается лоскутной, даже хаотичной, ее трудно принять в качестве более или менее надежной опоры для выработки решений экономической или социальной политики.

В докладе д.э.н., профессора *В.К. Нуратуллина* (Башкирская сельскохозяйственная академия, г. Уфа) показано, что образ жизни или обычаи и привычки представляют оборотную субъективную сторону способа производства (а также обмена и распределения), одинаково признают и марксисты, и институционалисты. Но марксизм главным образом занимался анализом производства, его общественных условий, стремясь детально и логически последовательно анализировать всю систему, в то время как институционалисты фиксировали обычаи и искали им соответствие в каком-либо моменте способа производства и обмена.

Кандидат экономических наук, заместитель председателя Думы Костромской области *А.В. Ситников* и к.э.н., генеральный директор ОАО «Костромской областной земельный фонд» *В.Вл. Чекмарёв* посвятили свой доклад институционализации процессов обеспечения

продовольственной безопасности региона (на примере Костромской области).

Заведующая кафедрой Южно-уральского государственного университета к.э.н., доц. *В.Н. Тишина* рассмотрела процессы институционализации экономических взаимодействий. Она отметила, что человек – исходный элемент и творец социального бытия. Социальные институты во всех сферах жизни людей формировались не до возникновения человека и общества, а вместе с ними, они функционируют не вне отдельного человека, а через него и для него. Понять многогранность проявления родовой сути человека – значит осознать также системность институций, которые он реализует, и институтов, в которых он состоит и функционирует, определить его место в «социальном космосе».

Особо следует отметить, что каждый выступающий пытался найти свою грань в ответе на узловую вопрос совместного исследования, составляя довольно интересный портрет *homo institutus* – «человека институционального». Каков он, этот человек институций? Чем определяются его существенные черты? Что движет его поступками? В чем проявляется его специфика в современных российских реалиях?

В заключение участники конференции приняли резолюцию, в которой было отмечено, что не следует представлять развитие институциональной теоретической программы только в радужных красках прогресса.

Но уже сейчас оппозиция институционалистов и неоклассиков дает возможность сформулировать ряд необходимых изменений в экономическом мышлении, которые позволят, можно надеяться, преодолеть некоторые «ложные альтернативы», утвердившиеся в экономической литературе, в рассуждениях и мышлении экономистов.

О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ДИСКУССИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ НАУК

В.Н. Лившиц, А.А. Никонова

В исследованиях организационных форм и механизмов экономического развития на протяжении 16 лет своего существования Международная академия организационных наук (МАОН) старается не избегать острых тем и дискуссионных проблем, включая пути модернизации России. Какие факторы тормозят движение, а какие способствуют позитивной трансформации экономики и общества? Насколько значимы материальные и нематериальные воздействия? Какова роль тех и других в устройстве новой России? Эти и другие вопросы были предметом интереса МАОН с начала ее создания в 1995 г. Конференция МАОН, состоявшаяся 27 мая 2011 г. в ЦЭМИ РАН, была посвящена проблемам влияния общественного сознания на решение задач модернизации российской экономики. В приветственном слове президент МАОН, чл.-корр. РАН *Г.Б. Клейнер* заострил внимание на проблемах развития высказал неудовлетворенность современным развитием современной организационной науки и практики; отметил полиархичность структуры власти, запутанность системы взаимодействий субъектов власти – с нижестоящими единицами и между собой, что вызывает множество противоречий, в том числе между такими «гигантами управления», как Минюст и Минэкономразвития. В результате большинство важнейших для переустройства страны решений, по сути, не

имеют не только научного обоснования, но и ясной стратегической цели. К примеру, реорганизация МВД, так же непонятна, как и некоторые другие виды реорганизации. Многие реорганизации обусловлены интересами конкретных физических лиц, а не логикой развития. В этой ситуации предмет исследований – институты, структуры, связи – вызывает значительный теоретический и практический интерес и нуждается в обсуждении с самых различных позиций. Цель таких обсуждений на сегодняшнем и других заседаниях МАОН, сказал *Г.Б. Клейнер*, – понять суть организации как медленно меняющегося ядра социально-экономической системы, отражающего «стержень времени».

Один из аспектов организации общества отражает взаимосвязь общественного сознания и трансформации социально-экономической системы. Свое понимание вопроса на заседании предложил известный экономист и публицист, автор выдержавшего множество изданий «Экономико-математического словаря» *Л.И. Лопатников*.

Его доклад «Десталинизация общественного сознания и задача модернизации российской экономики» базировался на содержании двух его последних книг: «О Сталине и сталинизме. 14 диалогов» и «От плана к рынку», связанных общей идеей об исторической необходимости избавления российского общества и российской экономики от наследия сталинистского тоталитарного строя, т.е. сталинизма во всех его ипостасях (как концепции и как реального социально-экономического устройства). Разъяснение сути десталинизации общественного сознания и вопроса, почему без нее любая модернизация невозможна, докладчик начал в качестве иллюстрации с некоторых поговорок и «крылатых слов» сталинского времени, характеризовавших отношения всеобщей подчиненности «начальству» и вождю, а также упования многих на «чуткое партийное руководство». Он выявляет отрицательную обратную связь между сохранением указанных черт в общественном сознании, с одной стороны, и модернизацией народного

© Лившиц В.Н., Никонова А.А., 2011 г.

хозяйства, с другой. Л.И. Лопатников утверждает, что эта связь сдерживает развитие страны. А высокие темпы роста в годы сталинской индустриализации он объясняет особыми условиями того времени (наличие огромного резерва рабочей силы на селе; кризис на Западе; возможности быстрой карьеры для многих в результате массовых репрессий; подневольный труд; страх как главный стимул).

Сталинизация сознания, по Лопатникову, это насаждение в людях рабской психологии; закрепление в сознании правил и устоев жесткой плановой экономической системы; представление о государстве как о чем-то ниспосланном свыше, чему следует только подчиняться, но не как о созданном самим обществом аппарате управления и обслуживания членов этого общества для их же блага. Напомнив о гитлеровской триаде («один вождь, одна партия, один народ»), во всей полноте, вплоть до деталей позаимствованной Сталиным у фюрера, докладчик утверждает, что культ государства и имперский дух – основа сталинистского сознания. Что касается собственно экономики то плановая система в его понимании также отражает общественное сознание. Это, по своему существу, административно-командная система управления, которая в силу своей жесткости обречена, как обречена любая излишне жесткая конструкция; она не способна сколько-нибудь достойно удовлетворять многообразные общественные потребности. К тому же после себя она оставила крайне деформированную (милитаризованную) и потому нежизнеспособную экономику страны.

Касаясь итогов минувшего 20-летия в России, Л.И. Лопатников, с одной стороны, считает, что система во многом осталась административно-командной; с другой стороны, полагает, что если говорить о главной задаче реформ Е.Т. Гайдара – переходе от плана к рынку, то в целом, в основном, несмотря на все недостатки, она выполнена: Россия теперь во всем мире признается рыночной страной. Что же касается распространенного утверждения о том, что временный спад производства и связанные с ним трудности (снижение уровня

жизни, рост инфляции и другие негативные последствия так называемой шоковой терапии) – доказательство провала реформ, то докладчик опровергает этот аргумент простой ссылкой: все без исключения страны, начавшие в 1980–1990-е гг. постсоциалистический переход, пережили такой же или даже больший спад производства, взлет инфляции и иные трудности. Это, считает докладчик, отражает универсальную логику реформ. Успехи Китая он связывает с особенностями его экономики – с переходом с доиндустриальной стадии развития сразу к рыночной экономике и возможностью строить параллельно государственную и частную промышленность, опираясь на колоссальный резерв рабочей силы в сельском хозяйстве. Такая возможность была у СССР в конце 1920-х гг., но она оказалась отвергнутой. Сейчас же время упущено – упомянутого резерва рабочей силы у России больше нет.

Из всего этого делается вывод: для модернизации России требуется десталинизация общественного сознания, которая видится докладчику в существенной демократизации режима, включая эффективную реализацию принципов федерализма, а также в повышении роли гражданского общества. В области тактических задач он предлагает смелое решение: на 4–5 лет приостановить программу вооружений и вместо этого направить высвобожденные средства на ускоренное повышение уровня благосостояния народа, чтобы предотвратить возможное развитие событий по афро-азиатскому сценарию.

Доклад вызвал массу вопросов, в ответах на которые Л.И. Лопатников, в частности, высоко оценил роль М. Горбачева в перестройке страны (вопрос вице-президента МАОН, д.э.н. *В.И. Франчука*). Он назвал ошибкой использование кейнсианских методов регулирования экономики в России в 1990-е гг. (вследствие двоевластия в России и особенно после выхода Е. Гайдара из правительства) и, напротив, признал правильными – монетаристские меры «шоковой терапии» и сжатия денежной массы, как это было сделано в ряде стран, к примеру в Эстонии и Польше, где «шоковая

терапия» увенчалась общепризнанным успехом (вопросы к.э.н. В.А. Невелева). При этом историю с ваучерами, когда А. Чубайс якобы обещал каждому собственность, эквивалентную двум автомобилям, Л.И. Лопатников не расценивает как удар по населению: при всех издержках процесса, считает он, в России в результате приватизации создан солидный частный сектор экономики, и миллионы людей получают дивиденды от акций, полученных, в частности, и за пресловутые ваучеры (вопрос д.э.н., г.н.с. ЦЭМИ РАН Е.П. Ушакова). Он не согласен с выводами Нобелевского лауреата Дж. Стиглица о причинах «провала реформ в России», обусловленного непониманием реформаторами сути реформ и экономики в целом, а также не согласен с тем, что приватизация при Е. Гайдаре превратилась из института строительства рыночной экономики в институт обогащения и создания класса олигархов, а Россия отброшена на 30 лет назад (вопросы вице-президента МАОН, д.э.н. В.Н. Лившица). Сущность сталинизации общественного сознания докладчик не сводит к насаждению приведенных в переговорах утверждений, это лишь иллюстрация (вопрос президента МАОН, чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера). А широкую, по утверждению сталинистской пропаганды, даже «всемирную» любовь к вождю он объясняет именно массовым насаждением рабской идеологии, обожествлением «отца всех народов», а также воспоминаниями тех, кто воспользовался возможностями карьерного роста во время репрессий (вопрос к.т.н. П.Ф. Андруковича). Обесценение вкладов в начале реформ докладчик не считает изъятием собственности и признаком неуспешности этих реформ (вопрос действительного члена МАОН, д.э.н. М.С. Айрапетяна): по словам Л.И. Лопатникова, вклады в значительной части были изъяты из сберегательных учреждений и растрочены советским государством еще до начала реформ, на что имеются документальные свидетельства в литературе.

В выступлениях участников прозвучали две точки зрения на обсуждаемую тему.

Полагаясь на ряд исторических гипотез, действительный член МАОН, д.э.н. В.Д. Белкин предложил запретить использовать в СМИ имя Сталина, ибо именно он привел Гитлера к власти и устроил Вторую мировую войну. В.Д. Белкин считает ложью неготовность СССР к войне. Действительный член МАОН, д.э.н. В.А. Волконский призвал не допустить раскола элиты по дискутируемым принципам организации жизни экономики и общества и предложил перейти к научному обсуждению сталинизации, к ее определению. В частности, он предложил отнестись к государству как к надличностной идее, а проблемы периферийных стран (утечка мозгов и др.) решать с помощью соответствующей организации экономики и государственности, как это делается в западных странах. Действительный член МАОН, д.э.н. А.А. Зарнадзе предложил критически, с научной точки зрения, проанализировать опыт и ошибки страны, совершившей мощнейший прорыв в развитии, и с этой целью проанализировать путь, которым идет цивилизация, т.е. закономерности мирового развития. В отсутствие идеологии, адекватной научному мировоззрению, по его мнению, следует ориентироваться на тенденции и принципы развития природы (сбалансированность, иерархичность, гармония, гибкость) с тем, чтобы организовать экономическую систему на подобных принципах (совместимость, эффективность, адаптивность) и не уходить в сторону отдельных личностей в истории страны. П.С. Филиппов (политический деятель, бывший депутат Съезда народных депутатов СССР и автор ряда принятых им реформаторских законов) назвал сталинизацией веру в то, что есть человек, который решит все проблемы подобно тому, как обезьянье стадо идет за вожаком. А поскольку развитие не может идти из-под палки, а только в силу заинтересованности работников, то нужна десталинизация. По поводу приватизации он объяснил концентрацию собственности у олигархов неумением обычных людей распорядиться своими акциями (знающих – 5%; другое дело, что это люди, не всегда обладающие высокими моральными

качествами). Кандидат технических наук, зав. лаб. ЦЭМИ РАН С.Я. Чернавский связывает последствия шоковой терапии с действием комплекса других факторов, требующих отдельного обсуждения, тогда как вопрос десталинизации общественного сознания – прямое дело МАОН, как и ответ на вопрос, является ли Сталин эффективным менеджером. По мнению С.Я. Чернавского, эмоции не способствуют научному подходу, также как и определение сталинизации с помощью набора поговорок. Он понимает сталинизацию как процесс в общественном сознании, приводящий к тотальному принуждению, отказу людей от своих убеждений. Но если тоталитарное сознание происходило в сталинский период от принуждения, то сейчас – добровольно. Надо изучать этот феномен, так как без десталинизации в этом смысле не будет модернизации. Вице-президент МАОН, д.э.н. В.Н. Лившиц прежде всего полагает, что, вопреки мнению докладчика, шоковая терапия длилась не 3 месяца, а продолжается в России до сих пор – более 20 лет, и приватизировали и приватизируют вопреки здравому смыслу не то, что неэффективно функционирует, а то, что хорошо работает. Он обратил внимание на неслучайность темы десталинизации в условиях провалов реформ и отметил, что сейчас появилось много, в том числе довольно странных, интерпретаций российской истории, порою несовместимых с исторической правдой. Например, идеализируют предреволюционную ситуацию в России. Между тем за обычно указываемый при этом период 1894–1913 гг. (не докладчиком Л.И. Лопатниковым, в докладе которого ничего об этом нет, а размножившимися в последнее время другими разномастными критиками советской системы), как свидетельствует статистика, никакого серьезного ускоренного развития не было. Это подтверждают и серьезные исследователи: так, в монографии Воронежского писателя И. Загайтова отмечается: «Я экономист, и когда слышу призыв вернуть России динамизм развития начала века, невольно вспоминаю, что речь идет о времени, когда Россия пере-

жила два глубоких экономических кризиса (в 1902 и 1908 г.), две жестокие голодовки (1906 и 1911 г.), две кровопролитнейшие войны (с Японией и Первая мировая), три революции. Так нужно ли возвращаться на ту же дорогу? Говорят, что именно в предреволюционные годы экономический рост России ускорился. И это верно, если сравнивать с периодом XVIII–XIX вв. Но в послеоктябрьском измерении российские темпы начала века представляются удручающе низкими: в среднем за 1900–1913 гг. всего 3,9% в промышленности и 2,7% по народному хозяйству в целом, т.е. чуть больше 1% на душу населения в год. Поэтому естественно, что развитие капитализма в России сопровождалось усилением отставания от США и ведущих стран Европы. Количественно точно это фиксировала статистика, которую либо не знают, либо стремятся сегодня умолчать. Можно сколь угодно витиевато живописать благодати жизни в дореволюционной России, но вот свидетельства английских экономистов Бакстера и Мелголла. Первый из них в 1868–1870 гг. сопоставил национальный доход ряда стран на душу населения, второй повторил его расчеты спустя 16 лет. Итог таков: если отставание России от Франции в 1868 г. составляло 3 раза (от США – 3,7 раза), то в 1894 г. разрыв увеличился соответственно до 3,5 и 5,2 раза. Когда по той же методике были выполнены расчеты за 1913 г., обнаружилось, что Франция опережает Россию уже в 3,6 раза, США – в 5,5 раза». И снова мы наступаем на те же грабли, правда, в их осовременном виде – как по выводам Нобелевского лауреата Дж. Стиглица, так и по выступлению руководителя МВФ в апреле 2010 г. на заседании МВФ и Всемирного банка, общепризнанные принципы Вашингтонского консенсуса оказались не просто неверными, но опасными. В результате в России сложилось разбойное олигархическое государство. К примеру, по данным Дж. Стиглица, 8 млрд долл., выделенные МВФ на цели преобразования России, спустя несколько даже не дней, но часов оказались на личных счетах в швейцарских банках. То есть десталинизацию В.Н. Лив-

шиц воспринимает как попытку запудрить россиянам мозги, убедив их, что бедственное состояние экономики России вызвано не последствиями реформ, а ущербным сознанием и 70-летним советским режимом. Доктор экономических наук *А.Н. Анисимов* связывает оживление темы десталинизации с геополитическими интересами ряда держав, направленными на развал России. В подтверждение он напомнил, что все известные кампании по десталинизации завершились сначала развалом СЭВ, а затем СССР. По вопросу идентификационных признаков сталинского сознания он заметил, что все наемные работники крупных фирм так или иначе подпадают под эту категорию. Кандидат технических наук *П.Ф. Андрукович* объясняет любовь к Сталину эффектом стокгольмского синдрома, как заложники любят захватчиков в надежде, что не убьют. Сославшись на социолога Л.А. Гордона, он напомнил, что преждевременное окончание хрущевской оттепели связано с неразвитостью в то время высокотехнологичных производств, для которых человек должен быть свободен, не задавлен авторитетами.

Подводя итог дискуссии, президент МАОН *Г.Б. Клейнер* отметил чрезвычайную важность темы, вне связи с целями и аргументами – предстоящими выборами или маневрами политической структуры. Основной вопрос состоит в выявлении сущности сталинизма и десталинизации, в выделении в них элементов научного понятия. Обобщая большинство выступлений, *Г.Б. Клейнер* предложил понимать десталинизм как либерализацию, в противоположность сталинизму, трактуемому как подчинение, закрепощение. При этом важно не упустить главный аспект темы – определить те институты, которые действительно закрепощают, отделив их от институтов многофункционального назначения. Большинство «институциональных барьеров» являются как препятствиями, так и ограждениями, защитой от негативных явлений. И в этом вопросе мы вправе рассчитывать на более глубокий анализ, чем был представлен в докладе. Задачу перехода к рыночной эконо-

мике *Г.Б. Клейнер* считает выполненной, но не единственной задачей правительства. Развитие ВПК оказывает стимулирующее воздействие на образовательный уровень и развитие не только высокотехнологичного сектора, но всей экономики в целом. Поэтому бездумное сокращение оборонного заказа и соответствующих затрат нецелесообразно.

В заключительном слове *Л.И. Лопатников* связал сталинизацию с усилением роли государства, ликвидацией оппозиционных течений, а реформирование страны он рассматривает как десталинизацию в широком смысле слова. Сюда, по его мнению, входит либерализация, построение гражданского общества, справедливые выборы, усиление самоорганизации населения. На этой позитивной ноте конференция завершила работу.

Литература

- Загайтов И.Б.* Россия от кризиса до кризиса (по свидетельствам экономиста). Воронеж: Изд-во ФГОУ ВПО ВГАУ, 2009.
- Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004 (Экономическая наука современной России).
- Лившиц В.Н. Лившиц С.В.* Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: ПолиПринт Сервис, 2010.
- Лопатников Л.И.* О Сталине и сталинизме. 14 диалогов. М.: Возвращение, 2010а.
- Лопатников Л.И.* От плана к рынку. Очерки новейшей экономической истории России. СПб.: Норма, 2010б.
- Лопатников Л.И.* Десталинизация общественного сознания и задача модернизации российской экономики. М.: ЦЭМИ РАН, 2011.
- Стиглиц Дж.* Доклад: «Куда идут реформы? Десять лет на пути к рынку» на ежегодной конференции по вопросам экономики развития, состоявшейся 28–30 апреля 1999 г. в Вашингтоне, округ Колумбия.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Е.М. Мартишин

Современное посткризисное развитие требует совершенствования не только механизмов хозяйствования и экономической политики, но и концептуальных исследовательских, а также образовательных парадигм. Эти положения обсуждались на экономическом форуме «Современные экономические парадигмы и развитие экономической теории» в г. Ростове-на-Дону в сентябре 2011 г. в Южном федеральном университете. В форуме в качестве докладчиков и дискуссантов принимали участие представители Института экономики РАН – академик Маевский В.И., д.соц.н., профессор Кирдина С.Г.; Центрального экономико-математического института РАН – чл.-корр. РАН Клейнер Г.Б., д.э.н. Качалов Р.М.; экономического ф-та Московского государственного университета – д.э.н., профессора Бузгалин А.В., Хубиев К.А.; выступали ректор ВолГУ д.э.н., профессор Иншаков О.В., председатель Совета директоров КБ «Центр-инвест» д.э.н., профессор Высоков В.В., ректор и проректор ЮФУ профессора д.т.н., Захаревич В.Г., д.э.н., Архипов А.Ю., представители экономического ф-та и Института экономики и внешнеэкономических связей ЮФУ – д.э.н., профессора Белокрылова О.С., Мамедов О.Ю., Овчинников В.Н., Вольчик В.В., к.э.н., доценты Елисеев В.Н., Мартишин Е.М. и др. В работе форума принимали участие представители ряда вузов Северного Кавказа, студенты старших курсов

вузов и молодые исследователи г. Ростова-на-Дону и Ростовской области.

Участники форума отмечали кризис современной экономической науки и экономической теории, ее основного направления. Мейнстрим экономической теории оказался неспособным предвидеть мировой экономический кризис. Провалы экономической теории привели к провалам экономической политики во многих странах. В комитете конгресса США по науке и технологиям в 2010 г. прошли специальные слушания о состоянии экономической науки. Анализ положения экономической теории посвящаются отдельные работы.

Кризис экономик обнаружил *кризис ее «ядра» – экономической парадигмы*. Это проявилось в слабости позитивного и нормативного анализа реальных экономических процессов, отмечал в выступлении *К.А. Хубиев*, в оторванности анализа от институциональных особенностей системы, в избыточной формализации экономических явлений, методологии рационального экономического индивида, максимизирующего свою полезность и исключения неотъемлемой общественной составляющей человеческой деятельности. Отмечались другие недостатки неоклассической парадигмы – доминирование функционального и равновесного подхода в ущерб причинно-следственного и субординационного, характерного для классической политической экономии; неудовлетворительный анализ процессов экономического неравного развития и слабый прогностический потенциал неоклассики и др. Недостатки парадигмы мейнстрима привели в свое время к неудовлетворительным результатам реформ и преобразований в ряде стран.

Выходом из «кризиса парадигмы», отмечали многие докладчики, является комплексность, *системность* исследований теоретической экономики. Красной нитью в выступлениях участников форума проходила идея необходимости разработки *современного синтеза* основных направлений экономической науки. В выступлении *Г.Б. Клейнера* говорилось о синтезе неоклассического, инсти-

© Мартишин Е.М., 2011 г.

туционального и эволюционного направлений с соответствующими парадигмами. Эти парадигмы связаны с картинами современного экономического мира. Развитие экономической теории идет от неоклассической (с базовым понятием экономического агента – представителя «объектных систем») к институциональной (с институциональным представителем «средовых экономических систем») и далее – к эволюционной парадигме (с концепцией эволюционного процесса – представителя «процессных систем»). Нереализованный класс «проектных систем», по мнению докладчика, следует ожидать в ближайшее время в виде появления проектной экономической теории как научной дисциплины. Системная парадигма концентрирует внимание на гармоничном сочетании всех четырех видов экономических систем. Развитие экономики приводит к самоорганизации экономических систем в своеобразные «тетрады» – группы из четырех систем разных типов, способные развиваться самостоятельно. *Новая системная парадигма характеризуется синтезом* неоклассического, институционального и эволюционного направлений на базе последнего.

Примером успешного синтеза, отмечалось на форуме, может быть *кейнсианско-неоклассический синтез*, который формировался в посткризисный период 1930-х гг., когда либеральные парадигмы дополнялись механизмами общественного и государственного регулирования. Эффективная парадигма синтеза для теории и практики существовала до 1970-х гг. В последующем консенсус разрушается в пользу неоклассики. Последние десятилетия характеризуются повторным движением в сторону *нового консенсуса* – «нового неоклассического синтеза», «нового денежного консенсуса» и т.п. Перспективное направление разрабатывается в литературе, пишутся диссертации.

На форуме обсуждались также отдельные модули нового синтеза, к примеру парадигм стоимости и полезности. Развернулись дискуссии вокруг проникновения идеи стоимости в теории маргинального направления

и использования маргинальных методов в классической теории. Отмечалось также, что смена парадигм имеет эволюционный характер, предполагающий преемственность и изменчивость парадигм. *А.Ю. Архипов* в своем выступлении показал, как экономические кризисы способствовали смене экономических парадигм в теории.

В качестве модуля рассматривалась новая теория воспроизводства. *В.И. Маевский* отметил, что экономический мейнстрим на протяжении последних 100 лет практически не занимался исследованием воспроизводства индивидуального и общественного капитала. Теория воспроизводства подменялась теориями роста. Из анализа исчезла также категория стоимости, связанная с процессом воспроизводства капитала. Докладчик предложил концепцию «переключающегося режима воспроизводства основного капитала», суть которой состоит в том, что один и тот же инвестиционный сектор экономики не занимается одновременно воспроизводством основного капитала сферы средств производства и воспроизводством основного капитала отраслей предметов потребления. Эти две воспроизводственные программы выполняются на одних и тех же производственных мощностях поочередно – в режиме переключения. Предложенная концепция затрагивает фундаментальные положения теории воспроизводства и требует *переосмысления положений классической теории*. Стоимость потребляемого основного капитала не переносится на продукт, а «умирает» вместе с потреблением потребительной стоимости основного капитала. Соответственно основной капитал экономики воспроизводится не только *in natura*, он воспроизводится также и по стоимости. Обычно схемы воспроизводства строятся в отрыве от денежного обращения. Однако в случае «переключающегося» режима воспроизводства абстрагироваться от движения денежного капитала невозможно. Это позволило докладчику совместно с *С.Ю. Малковым* построить экономико-математическую модель, имитирующую на макроуровне работу режима «переключения» воспроизводства. Эта

модель может стать эффективным средством принятия решений в области макроэкономической политики.

В дискуссии об институциональном модуле «синтеза» С.Г. Кирдина выступила против выдвинутого Г.Б. Клейнером и некоторыми другими выступающими понятия «институциональная парадигма», утверждая, что современные институциональные теории объединяет не столько общность методологии, т.е. парадигмальность, сколько *общность предмета исследования* – анализ институтов. При этом подходы к изучению институтов, «образцы» их анализа существенно различаются у представителей разных школ экономической мысли и общенаучных парадигм. Ссылаясь на Н.А. Макашеву, докладчик показала, что различия между институционалистами имеют методологический характер и сводятся к *различному пониманию предмета и метода экономической науки*. В аспекте институционализма докладчик выделила неоклассическую, австрийскую и марксистскую школы. В неоклассической школе институты рассматриваются с точки зрения стремления рыночных агентов уменьшить трансакционные издержки («принцип максимизации») и улучшить условия получения полезности в сфере обмена. Австрийская школа полагает, что институты являются результатом деятельности человека, но не воплощением его замыслов. Всякий выбор и действие совершаются индивидами в условиях несовершенных знаний и неопределенности. В марксистской школе институты являются результатом не индивидуальной, а социальной деятельности, они обусловлены уровнем развития производительных сил. Эффект *path dependence* (зависимость от предшествующего пути развития) для институтов, как и для технологий, связан с адаптацией к общим практикам и (или) правилам (институтам), отклонение «от предшествующего пути» становится слишком дорогостоящим «занятием». При этом возрастающая отдача института означает уменьшение индивидуальных (групповых) затрат социальных акторов, адаптировавшихся к доминирующей институциональ-

ной среде (*adaptive efficiency* – по Mantzavinos). Кроме того, проявляются и сетевые эффекты: поскольку институты характеризуются наличием формального (легитимизирующего) компонента, то они принуждают социальных акторов следовать соответствующим правилам, что увеличивает «пользовательскую базу» института и создает условия возрастающей отдаче институтов. Формирующиеся институты возникают не на пустом месте, а в действующей институциональной среде, характер которой задает доминантная институциональная матрица. Более того, соответствие новых институтов доминантной институциональной матрице способствует проявлению эффекта «возрастающей отдачи». Таким образом, данный эффект связан с известными в экономической теории факторами: сетевыми эффектами, эффектами адаптации и *path dependence*. Эффект возрастающей отдачи связан также с менее известным феноменом «материально обусловленных институциональных матриц».

Развитие современной экономической теории, по мнению О.С. Белокрыловой, осуществляется как в направлении использования методологических подходов новейших экономических парадигм – неинституционализма, эволюционной экономики, так и через агрегирование в ее предметную область – новых уровней экономического анализа, прежде всего наноэкономического, выделение которого, наряду с традиционными макро- и микроуровнями, детерминирует активизацию исследований уровня отдельного индивида в отличие от его микроэкономической обезличенной характеристики. Наноиндустриализацию можно характеризовать двояко: с одной стороны, как проникновение нанотехнологий в различные сферы производства, а с другой – как формирование принципиально новых, нанотехнологических, взаимодействий индивидов во всех их социальных ролях – работника, члена семьи, участника той или иной сетевой структуры.

Анализируя экономический статус собственника с позиции классической парадигмы (Маркса) и используя ее методологические инструменты, В.Н. Обчинников разделяет

капитал-собственность и капитал-функцию, сравнивая их позиции в системе отношений «присвоения–отчуждения» на «входе» (по поводу условий производства) и на «выходе» из производственно-хозяйственной системы (по поводу его результатов). Различные позиции на «входе» (один – собственник ресурсов, а другой – владелец на основе аренды, имущественного найма и т.д.) тем не менее характеризуются сходимостью траекторий их статусных положений по отношению к продукту производства: они оба выступают субъектами собственности на созданный товар, что делает их полноправными хозяйствующими субъектами-предпринимателями, реализующими функции распределительного присвоения (собственник может быть предпринимателем). Таким образом, для исполнения роли мотивированного субъекта производственно-хозяйственной деятельности достаточно иметь в системе присвоения компетенции владельца (на основе аренды и т.д.), т.е. ограниченно-монопольного распорядителя условиями производства, тогда как функции исключительно монопольного присвоения, безграничного распоряжения ресурсами как объектами собственности (т.е. компетенции собственника) представляются избыточными. Поэтому для формирования мотивированного субъекта хозяйствования излишними мерами явились разгосударствление и приватизация объектов общенародной собственности. Достаточно было использовать конструктивный механизм аренды, имущественного найма, лизинга, что позволяло решить ряд следующих проблем:

- государственный контроль использования объектов национального достояния (природных ресурсов, недр, земли и т.д.);
- создание равных стартовых условий для всех участников рынка (а не использование обезличенного ваучера для перераспределения условно выделенных долей национального богатства из рук миллионов формальных собственников ваучеров в руки немногих реальных олигархов);
- ежегодное пополнение государственной казны арендными платежами в бюджет

(как альтернатива практически бесплатной приватизации земли);

- действенная мотивация хозяйствующего субъекта к экономному, рачительному и ответственному использованию ресурсов.

Данное обоснование зиждется на закономерностях естественной эволюции форм и содержания собственности – ее движения «от простого к сложному».

В последнее время, отмечалось в выступлении Р.М. Качалова, применительно к деятельности предприятий понятие «устойчивое развитие», введенное первоначально для характеристики взаимоотношений между человеком, обществом и природой, стало трактоваться в более узком смысле – как главный фактор стабильного состояния экономики региона. Выступление было сосредоточено на еще более узкой проблеме – описании условий устойчивого функционирования и развития производственных предприятий в посткризисные периоды, а также выявлении каналов воздействия и характеристик зависимости этих условий от системных параметров регулирования экономического риска. Очевидно, что период, который наступает после глобального экономического кризиса последних лет, потребует системного осмысления новых условий, выявления возникающих специфических или уже известных факторов экономического риска, а также разработки новых, соответствующих актуальным экономическим реалиям методов и способов поддержания устойчивого развития предприятий. Это потребует поиска качественно иных подходов к регулированию риска, опирающихся на адекватные создающимся условиям способы идентификации факторов риска и адаптированные к новым условиям методы регулирования экономического риска. Обосновываемый докладчиком подход состоит в том, что новые средства и возможности борьбы с негативным воздействием экономического риска на характеристики устойчивого экономического развития предприятия следует искать в более широком экономическом пространстве – среди всех системных ресурсов предприятия, а конкретнее

– практически во всех сферах деятельности предприятия, трактуемого как система. Для решения поставленных задач предлагается ориентироваться на *развитие операциональной теории управления экономическим риском* и ее сочетание с системно-интеграционной экономической теорией предприятия.

Участники форума отмечали, что теоретическая ограниченность неоклассической парадигмы привела к *кризису преподавания экономической теории*, основой которого являются отечественные учебные программы и учебная экономическая литература, фактически повторяющие парадигмы западных учебников экономикс, оторванных от российских реалий. Проблема «синтеза» на уровне учебной литературы предполагает органическую взаимосвязь и развитие категориального аппарата «синтетических» теорий, в частности политэкономии, неоклассики, неокейнсианства, институционализма, микро- и макроэкономии, других направлений. Их органическое соединение даст новый синергетический эффект. В качестве примера «синтеза» на форуме обсуждалось учебное пособие «Общая экономическая теория. Вводный курс» – учебно-методический комплекс из трех книг (третья – электронное издание) для бакалавров, опубликованный коллективом кафедры политической экономии экономического ф-та МГУ под редакцией *А.А. Пороховского* в 2010 г. (М.: КОДЕКС, 2010).

В обсуждении назывались достижения работы «Общая экономическая теория»: системность, поиск механизмов преемственности политэкономического подхода и современных направлений неоклассики, институционализма и др., использование в современном контексте категорий классической политической экономии; социально-экономическая определенность форм взаимодействия факторов производства, их историчность; научная смелость авторов пособия в эпоху доминирования экономикс выступить с иной концепцией и др.

Вместе с тем на форуме звучала также критика ряда положений учебного пособия:

отсутствие статуса парадигм для категорий полезности, альтернативной стоимости и фактическое отождествление полезности с потребительной стоимостью. Полезность – как парадигма – лишь латентно содержится в потребительной стоимости, «синтез» необходим и для стоимостной парадигмы, в описании содержания которой авторы пособия исходили из трудовой теории стоимости. Возможности «синтеза» в учебном пособии не были реализованы в полной мере.

Остановимся лишь на некоторых, обсуждаемых на форуме принципах «синтеза» системы экономической теории. Такой синтез имеет место на основе эволюционного подхода, поскольку процессы развития лежат в основе функционирования объекта, хотя имеется и обратная связь. Система экономической теории при таком подходе состоит из двух основных уровней:

- первый («верхний») – система экономических категорий, которая формируется на базе трех взаимодополняющих парадигм – стоимости, полезности и альтернативной стоимости;

- второй («более глубинный») – общие основы системы, или ее *генотипические* институциональные закономерности, в виде страновых и региональных особенностей функционирования экономических субъектов, объектов, среды, рынков, государства, налоговой системы и т.д. Генотипические закономерности формируются в социально-экономическом развитии под воздействием многих факторов, вместе с тем они определяют экономические категории первого уровня.

«Синтез» многочисленных классических и современных направлений политической экономии, неоклассического, неокейнсианского течений и др. возможен на базе взаимного дополнения парадигм стоимости, полезности и альтернативной стоимости. Полезность в экономической системе выступает как форма отношений, функциональной взаимосвязи между экономическими субъектами. Важную роль на первом уровне системы играет также логика экономических катего-

рий, т.е. механизмов формирования конечных результатов экономической системы, которая совпадает в своей основе с логикой предпринимательской (хозяйственной) деятельности. Следует отметить, что в общем виде эта логика содержалась и в обсуждаемом пособии.

Процессы второго генотипического уровня системы, характеризующие ее институциональные особенности, включаются в категории первого уровня в виде институтов (налогов, субсидий и т.д.), воздействуя на содержание экономических процессов (и их категорий) данной системы.

Выявленные на основании системного анализа закономерности и направления социально-экономической эволюции должны способствовать также видению будущих процессов, указывать на тенденции и перспективы социально-экономического развития, способствовать их прогнозированию.

*КОНФЕРЕНЦИИ,
СИМПОЗИУМЫ,
СЕМИНАРЫ,
КОНКУРСЫ*

ХIII АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА»

3–5 апреля 2012 г. в Москве состоится XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председателем Оргкомитета конференции является научный руководитель НИУ ВШЭ профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний.

Специальные темы конференции: «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года (Стратегия–2020)» и «Экономика, право и доверие». Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

После пленарных заседаний и в течение последующих дней будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики. Секционные заседания и заседания круглых столов в рамках конференции будут проходить по следующим направлениям:

- Макроэкономика и экономический рост.
- Качество государственного управления.

- Фирмы и рынки.
- Наука и инновации.
- Банки и финансы.
- Экономика и право.
- Мировая экономика и политика.
- Местное самоуправление и гражданская самоорганизация.
- Политические процессы.
- Демография и рынки труда.
- Региональное развитие.
- Города и агломерации.
- Теоретическая экономика.
- Экономическая история.
- Социально-культурные процессы.
- Социальная политика.
- Социология.
- Социально-экономические проблемы здравоохранения.
- Менеджмент.
- Развитие образования.

Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным выше темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии – 15–20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5–7 минутами. С учетом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарное и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует направлять в Национальный исследовательский университет Высшую школу экономики с 12 сентября до 14 ноября 2011 г. Регистра-

ция заявок в режиме on-line проводится по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

В заявке должны быть указаны фамилия, имя, отчество докладчика, место работы и должность, контактный адрес, телефон, факс и электронная почта, название предлагаемого доклада. К заявке должна быть приложена развернутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объемом от 1 до 3 машинописных страниц через 1,5 интервала (до 7000 знаков). В аннотации должна быть раскрыта тема, показана степень разработанности проблемы, даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также изложены основные полученные результаты.

Заявки с аннотациями, не отражающими основных положений выступления, а также объемом менее 1 страницы не рассматриваются.

Авторы доклада могут сообщить о своем желании участвовать в симпозиумах по специальным темам конференции. Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в режиме on-line, до 14 ноября 2011 г. может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо должно быть направлено на адрес interconf@hse.ru и содержать информацию о названии сессии, авторах и темах докладов (не более 3–4 уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Продолжительность сессии 1,5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято до 20 января 2012 г. на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов.

Авторы докладов, включенных в программу конференции, должны до 1 марта 2012 г. представить полный текст доклада (объемом до 20 тыс. знаков, включая пробелы, в формате Word, RTF или PDF) для размещения на сайте конференции. Окончательные версии докладов должны быть представлены до 16 мая 2012 г. Решение об их публикации в сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учетом результатов рецензирования. Доклады, которые не были представлены на конференции, не рассматриваются для публикации.

Доклады, включенные в Программу конференции, после дополнительного рецензирования и рассмотрения редакциями могут быть приняты к публикации в журналах «Вопросы экономики», «Российский журнал менеджмента», «Экономический журнал ВШЭ», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Мир России», «Вопросы образования», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Экономическая социология», «Экономическая политика», которые входят в список ВАК и представители которых приглашены к участию в Программном комитете конференции.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции. Заявки на получение гранта должны быть направлены до 1 марта 2012 г. по адресу interconf@hse.ru.

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line с 15 ноября 2011 г. до 9 марта 2012 г. по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

Организационный взнос за участие в конференции составляет:

	Для российских участников	Для иностранных участников		Для российских и зарубежных студентов и аспирантов
		Развитые страны	Развивающиеся страны, СНГ и ЦВЕ	
До 1 марта 2012 г.	1000 р.	100 долл.		200 р.
До 2 апреля 2012 г.	1500 р.	150 долл.	70 долл.	300 р.
С 3 апреля 2012 г.	2000 р.	170 долл.		500 р.

Банковские реквизиты счетов, на которые должен быть переведен организационный взнос, с 12 сентября 2011 г. будут доступны по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

От уплаты организационного взноса освобождаются почетные гости конференции, работники федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также лица, специально приглашенные Оргкомитетом конференции.

С программами и материалами I–XII международных научных конференций (2000–2011 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2010/history>.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»

ТРИНАДЦАТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ

Москва, 10 - 11 апреля 2012 г.

Уважаемые коллеги!

Отделение общественных наук и Секция экономики Российской академии наук, Центральный экономико-математический институт РАН, научный совет «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» Отделения общественных наук РАН, Волгоградский государственный университет, Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, журнал «Экономическая наука современной России», Российский гуманитарный научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, Международная академия менеджмента, Международный научный фонд экономических исследований академика Н.П. Федоренко и НП «Объединение контролеров» извещают о проведении в Москве

*Тринадцатого всероссийского симпозиума
«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»*

Симпозиум состоится 10 и 11 апреля 2012 г. в Центральном экономико-матема-

Организационный взнос за участие в конференции составляет:

	Для российских участников	Для иностранных участников		Для российских и зарубежных студентов и аспирантов
		Развитые страны	Развивающиеся страны, СНГ и ЦВЕ	
До 1 марта 2012 г.	1000 р.	100 долл.		200 р.
До 2 апреля 2012 г.	1500 р.	150 долл.	70 долл.	300 р.
С 3 апреля 2012 г.	2000 р.	170 долл.		500 р.

Банковские реквизиты счетов, на которые должен быть переведен организационный взнос, с 12 сентября 2011 г. будут доступны по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

От уплаты организационного взноса освобождаются почетные гости конференции, работники федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также лица, специально приглашенные Оргкомитетом конференции.

С программами и материалами I–XII международных научных конференций (2000–2011 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2010/history>.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»

ТРИНАДЦАТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ

Москва, 10 - 11 апреля 2012 г.

Уважаемые коллеги!

Отделение общественных наук и Секция экономики Российской академии наук, Центральный экономико-математический институт РАН, научный совет «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» Отделения общественных наук РАН, Волгоградский государственный университет, Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, журнал «Экономическая наука современной России», Российский гуманитарный научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, Международная академия менеджмента, Международный научный фонд экономических исследований академика Н.П. Федоренко и НП «Объединение контролеров» извещают о проведении в Москве

*Тринадцатого всероссийского симпозиума
«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ»*

Симпозиум состоится 10 и 11 апреля 2012 г. в Центральном экономико-матема-

тическом институте РАН по адресу: Москва, Нахимовский проспект, 47. Работа Симпозиума будет проходить на Пленарном заседании и в пяти секциях:

1. «Теоретические проблемы стратегического планирования на микроэкономическом уровне»;
2. «Модели и методы разработки стратегии предприятия»;
3. «Опыт стратегического планирования на российских и зарубежных предприятиях»;
4. «Стратегическое планирование на мезоэкономическом (региональном и отраслевом) уровне»;
5. «Проблемы прогнозирования деятельности предприятий».

Кроме того, Научный совет «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» Отделения общественных наук РАН проводит в рамках Симпозиума круглый стол по тематике Симпозиума.

Заявки на участие в Симпозиуме и тезисы докладов для публикации следует направлять в адрес Оргкомитета симпозиума не позднее 15 февраля 2012 г. по обычной почте (на бумажном носителе и на дискете) или по электронной почте. В заявке для каждого автора указываются: фамилия, имя и отчество; ученая степень; ученое звание; город; организация; адрес для переписки (в том числе электронный) и контактный телефон.

Подробная информация об условиях участия в работе симпозиума размещена на сайте ЦЭМИ РАН: <http://www.cemi.rssi.ru> в разделе «Новости».

Оргкомитет симпозиума, к сожалению, не имеет возможности обеспечить размещение участников в гостиницах.

Регистрационный взнос: для граждан России и стран СНГ – 1000 р.; для граждан других стран и лиц без гражданства – 200 долл. США (в рублевом эквиваленте). Индивидуальные подписчики журнала «Экономическая наука современной России» освобождаются от уплаты целевого взноса по предъявлении подписной квитанции на первое полугодие 2012 г.

Лица, оплатившие регистрационный взнос и принявшие участие в Симпозиуме, получают сборник тезисов докладов и комплект информационных материалов. Заочное участие в Симпозиуме не предусматривается, и тезисы по почте не высылаются.

Оплата регистрационного взноса может быть произведена перечислением на расчетный счет Региональной общественной организации содействия развитию институтов Отделения экономики РАН (РОО).

Банковские реквизиты Региональной общественной организации содействия развитию институтов Отделения экономики РАН.
Донское ОСБ № 7813/1586, г. Москва
ИНН 7726249569, КПП 772601001
р/с № 40703810638280100664
в «Сбербанке России ОАО» г. Москва
БИК 044525225,
сч. № 30101810400000000225
Назначение платежа: «Взнос за участие в симпозиуме».

Оргкомитет симпозиума:

Сопредседатели: академик В.Л. Макаров, директор ЦЭМИ РАН, и чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнер, заместитель директора ЦЭМИ РАН.

Члены Оргкомитета: С.А. Айвазян, д.ф.-м.н., зам. директора ЦЭМИ РАН; К.А. Багриновский, д.э.н., заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН; В.Г. Гребенников, д.э.н., зам. директора ЦЭМИ РАН; М.Д. Ильменский, к.т.н., зам. директора ЦЭМИ РАН; академик В.В. Ивантер, директор ИНП РАН; О.В. Иншаков, д.э.н., ректор Волгоградского государственного университета; А.Е. Карлик, д.э.н., проректор по научной работе СПбГУЭФ; В.С. Катькало, д.э.н., декан Высшей школы менеджмента СПбГУ; А.В. Кольцов, к.э.н., зам. директора Центра исследований и статистики науки; В.Н. Лившиц, д.э.н., зав. лабораторией ИСА РАН; С.А. Масютин, д.э.н., заместитель генерального дирек-

тора Электротехнического концерна «Русэл-пром»; *С.И. Ляпунов*, генеральный директор холдинга «Электропромвест»; *В.В. Окрепилов*, чл.-корр. РАН, генеральный директор ФГУ «Тест-Санкт-Петербург»; *В.Л. Тамбовцев*, д.э.н., зав. лабораторией экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; академик *А.И. Татаркин*, директор Института экономики Уральского отделения РАН.

Ученый секретарь симпозиума – Р.М. Качалов, д.э.н., зав. лабораторией ЦЭМИ РАН.

Адрес Оргкомитета симпозиума:
117418, Москва, Нахимовский проспект,
47, ЦЭМИ РАН
Контактный телефон: (499) 724-13-06.
Интернет: <http://www.cemi.rssi.ru>
E-mail: symp@cemi.rssi.ru

V ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Секция экономики Отделения общественных наук РАН, Институт экономики УрО РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт экономики РАН, Уральский федеральный университет, Уральский государственный экономический университет, Российский фонд фундаментальных исследований и Российский гуманитарный научный фонд при информационной поддержке «Журнала экономической теории» и журнала «Экономическая наука современной России» извещают о проведении

V ВСЕРОССИЙСКОГО СИМПОЗИУМА ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Симпозиум состоится в г. Екатеринбурге. Пленарное заседание будет проведено 26 июня 2012 г. Секционные заседания запланировано провести 26–29 июня 2012 г. в аудиториях Института экономики УрО РАН.

Оргкомитет симпозиума:

Председатель – академик А.Д. Некипелов.

Сопредседатель – академик А.И. Татаркин.

В Оргкомитет симпозиума вошли также: д.э.н. *Е.В. Попов* (зам. председателя), д.э.н. *В.Н. Белкин*, д.э.н. *О.И. Боткин*, чл.-корр. РАН *Х.Н. Гизатуллин*, чл.-корр. РАН *Р.С. Гринберг*, д.э.н. *В.П. Иваницкий*, чл.-корр. РАН *Г.Б. Клейнер*, академик *В.В. Кулешов*, д.э.н. *Ю.Г. Лаврикова*, чл.-корр. РАН *В.Н. Лаженцев*, академик *В.И. Маевский*, академик *В.Л. Макаров*, академик *П.А. Минакир*, д.э.н. *Р.М. Нуреев*, чл.-корр. РАН *В.В. Окрепилов*, академик *Н.Я. Пе-*

тора Электротехнического концерна «Русэлпром»; *С.И. Ляпунов*, генеральный директор холдинга «Электропромвест»; *В.В. Окрепилов*, чл.-корр. РАН, генеральный директор ФГУ «Тест-Санкт-Петербург»; *В.Л. Тамбовцев*, д.э.н., зав. лабораторией экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; академик *А.И. Татаркин*, директор Института экономики Уральского отделения РАН.

Ученый секретарь симпозиума – Р.М. Качалов, д.э.н., зав. лабораторией ЦЭМИ РАН.

Адрес Оргкомитета симпозиума:
117418, Москва, Нахимовский проспект,
47, ЦЭМИ РАН
Контактный телефон: (499) 724-13-06.
Интернет: <http://www.cemi.rssi.ru>
E-mail: symp@cemi.rssi.ru

V ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Секция экономики Отделения общественных наук РАН, Институт экономики УрО РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт экономики РАН, Уральский федеральный университет, Уральский государственный экономический университет, Российский фонд фундаментальных исследований и Российский гуманитарный научный фонд при информационной поддержке «Журнала экономической теории» и журнала «Экономическая наука современной России» извещают о проведении

V ВСЕРОССИЙСКОГО СИМПОЗИУМА ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Симпозиум состоится в г. Екатеринбурге. Пленарное заседание будет проведено 26 июня 2012 г. Секционные заседания запланировано провести 26–29 июня 2012 г. в аудиториях Института экономики УрО РАН.

Оргкомитет симпозиума:

Председатель – академик А.Д. Некипелов.

Сопредседатель – академик А.И. Татаркин.

В Оргкомитет симпозиума вошли также: д.э.н. *Е.В. Попов* (зам. председателя), д.э.н. *В.Н. Белкин*, д.э.н. *О.И. Боткин*, чл.-корр. РАН *Х.Н. Гизатуллин*, чл.-корр. РАН *Р.С. Гринберг*, д.э.н. *В.П. Иваницкий*, чл.-корр. РАН *Г.Б. Клейнер*, академик *В.В. Кулешов*, д.э.н. *Ю.Г. Лаврикова*, чл.-корр. РАН *В.Н. Лаженцев*, академик *В.И. Маевский*, академик *В.Л. Макаров*, академик *П.А. Минакир*, д.э.н. *Р.М. Нуреев*, чл.-корр. РАН *В.В. Окрепилов*, академик *Н.Я. Пе-*

траков, академик В.М. Полтерович, академик М.Л. Титаренко, чл.-корр. РАН Д.Е. Сорокин. Ученый секретарь – к.э.н. М.В. Власов.

Работа Симпозиума будет проходить по следующим научным направлениям:

- Политическая экономия.
- Миниэкономика (экономика фирмы).
- Микроэкономика (экономика локальных рынков).
- Мезоэкономика (региональная экономика).
- Макроэкономика (национальная экономика).

Планируется разделение научных направлений на отдельные секции (продолжительностью 2 часа) с участием 4–5 докладчиков и формированием оппонентов по докладам.

Для участия в симпозиуме необходимо до 15 марта 2012 г. направить в адрес Оргкомитета (e-mail: etheory2012@mail.ru) тезисы доклада и заявку. Объем тезисов доклада не должен превышать трех полных страниц.

Текст должен быть набран через одинарный интервал на русском языке, шрифт Arial, размер шрифта 12, поля страницы – 2,5 см со всех сторон. Отступы в начале абзаца – 1 см.

Название доклада печатается по середине строки прописными буквами. Инициалы и фамилии авторов печатаются в правом углу следующей после названия строки, с сокращенным указанием ученой степени, а также в скобках указанием города и сокращенного наименования организации. Основной текст печатается с отступом от фамилий авторов 3 интервала. Таблицы, схемы и рисунки должны иметь заголовки, размещаемые над схемой или полем таблицы, а рисунки – подрисуночные подписи.

В заявке на участие во V Всероссийском симпозиуме по экономической теории указывается следующее: 1) фамилия, имя, отчество; 2) ученая степень, звание; 3) организация, должность; 4) почтовый адрес с индексом; 5) телефон, факс; 6) e-mail; 7) направление конференции; 8) согласие выступить оппонентом других докладов по данному направлению.

Оргкомитет оставляет за собой право решать вопрос о включении направленных

материалов в Труды V Всероссийского симпозиума по экономической теории.

После формирования программы симпозиума участникам будет направлено приглашение. Каждому участнику Симпозиума следует до 25 мая 2012 г. разослать по электронной почте свой полный доклад (объемом до 1 печ. л.) руководителю, докладчикам и оппонентам данной секции.

В случае неполучения полных текстов доклада участниками секции докладчика Оргкомитет совместно с руководителем секции принимает решение о снятии данного доклада из программы (с опубликованием списка исключенных докладчиков).

При отсутствии докладчика на секции возможно внесение его в список нежелательных участников следующих симпозиумов.

Организационный взнос в размере 1000 р. включает оплату опубликования трудов Симпозиума, культурной программы и приема для участников Симпозиума. Оплата организационного взноса может быть произведена при регистрации участника во время начала работы Симпозиума.

Адрес Оргкомитета симпозиума:
620014, Екатеринбург,
ул. Московская, 29,
Институт экономики УрО РАН, каб. 513.
E-mail: etheory2012@mail.ru
Информация размещена на сайте:
www.uiiec.ru

Н.Я. Петраков

Российская интернет-энциклопедия «Википедия» определяет мезоэкономику как «раздел экономической науки, занимающий среднее положение между макроэкономикой и микроэкономикой. К мезоэкономике относятся экономику отраслей, масштабных видов производственной деятельности, экономику регионов» (<http://ru.wikipedia.org>). В другом словаре акцент в определении мезоэкономики делается уже не на гносеологическом, а на онтологическом аспекте: «Мезоэкономика – раздел теоретической экономической науки, связанный с изучением содержания, сущности и поведения промежуточных, стоящих между микро- и макроэкономикой систем национального хозяйства, имеющих важное самостоятельное значение» (<http://www.businessvoc.ru>).

Нет необходимости делать выбор между этими определениями, как и необходимости подтверждать легитимность относительно нового раздела экономической науки – мезоэкономики. Единство структуры предметной области и структуры знаний о ней является естественной предпосылкой научного исследования и неоднократно подтверждалось в ходе развития науки. Что же касается реальной экономики как системы разноуровневых процессов производства, распределения, обмена и потребления, то невозможность ее деления на макро- и микроэкономiku «нацело»,

© Петраков Н.Я., 2011 г.

¹ Мезоэкономика развития / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2011. 805 с.

«без остатка», давно стала общим местом. Как здание невозможно представить себе без стен, соединяющих пол и крышу, так и экономика не может состоять только из микро- и макроэкономики. Конечно, экономика «нацело» не делится и на три составляющих: микро-, мезо- и макроэкономику (об этом справедливо написано в первой, вводной главе рецензируемой монографии), но выделение совокупности средних по уровню и масштабам экономических систем как самостоятельного предмета изучения имеет чрезвычайно важное значение и для дальнейшего развития экономической теории, и для совершенствования экономической практики.

В мировой экономической науке такое понимание сложилось к середине 1980-х гг., в России – значительно позже. Между тем недооценка промежуточного уровня экономики, фактический отказ от понятия отрасли как субъекта дорого обошлись стране. В результате мы утратили целый ряд высокотехнологичных отраслей народного хозяйства, а вместе с ними и межотраслевую сбалансированность – фундамент сбалансированности всего народного хозяйства. Отраслевая статистика, отраслевая наука, отраслевое развитие оказались на заднем плане экономических приоритетов.

Для России мезоуровень экономики и общества имеет особое значение. Дело в том, что в традициях российского сознания, как массового, так и индивидуального, прочно закрепилась тенденция полярного восприятия мира, полярного мышления и, соответственно, полярных оценок. Это не значит, что используется только двоичная система оценок «прекрасно» – «ужасно»; часто применяются и иные оценочные категории, но в большинстве случаев все они, кроме полярных, отражают скорее безразличие, фактический отказ от оценок, чем промежуточные градации.

Система «дихотомического» мышления хорошо согласуется с аналогичными установками отечественной политики, основанными на принципе «кто не с нами, тот против нас». Такая система содержит в себе зародыши пер-

манентной конфликтности, ведет к метаниям от одной крайности к другой и в целом не способствует прогрессивному развитию как ментальной, так и реальной сфер. Пример: только за последние 100 лет с небольшим Россия трижды принималась за строительство капитализма: в начале XX в.; в середине 1920-х гг.; в 1990-е гг. В этих условиях переход от биполярной к эволюционной парадигме мышления, к многозначной логике восприятия и управления – единственный способ вывести Россию на путь долгосрочного эволюционного развития. Если этого не произойдет, то страна будет обречена на периодические революционные вспышки то левого, то правого склонения. Периодическое сжигание того, чему (или кому) поклонялись, приводит к непроизводительным расходам всех видов ресурсов в огромных масштабах. Обрести конкурентоспособность в этих условиях невозможно.

Включение же в сферу ориентации экономистов, политиков и просто граждан промежуточного «межполярного» уровня, в том числе мезоэкономического уровня, дает шанс перейти от «революционного» к «эволюционному» стилю развития страны. Мезоэкономический уровень должен стать постоянным ориентиром и своеобразной точкой отсчета любых экономических преобразований. В экономической политике нельзя, как справедливо пишут авторы монографии, сначала решить проблемы макроэкономики, затем обратиться к микроуровню, к проблемам хозяйствующих субъектов. Нельзя это сделать и в обратном порядке. А ведь именно такая несистемная экономическая политика сыграла свою негативную роль в течение последних двух десятилетий.

Реальная экономика в высшей степени системна, что лишний раз подтвердил мировой экономический кризис 2008–2010 гг. Один за другим на грани банкротства оказывались разнообразные экономические объекты: компании, фирмы, корпорации, банки, государства... В современной глобализированной экономике взаимосвязанность объектов оказывается весьма высокой. Столь же системной должны быть и экономическая политика,

и экономическая наука. Все это говорит о том, что проведенное коллективом сотрудников ЦЭМИ РАН исследование мезоэкономических проблем России крайне актуально.

В книге рассматриваются такие мезоэкономические системы, как нефтехимический комплекс, рынок нефтяного попутного газа, алмазо-бриллиантовая отрасль, производство и переработка драгоценных металлов, отрасли естественных монополий, жилищно-коммунальное хозяйство. Рынки природных ресурсов, в частности рынок водопользования, рассматриваются с точки зрения рентных отношений, возникающих в данной сфере. Исследование опирается на мощную статистическую базу, часть которой впервые представлена российскому читателю. Это относится в первую очередь к таким отраслям, долгое время бывшим информационно «закрытыми», как добыча и огранка алмазов, производство изделий из драгоценных металлов и др. Национальная инновационная система представлена в книге как в тематическом и пространственном разрезе, так и в динамическом нормативном аспекте. Реализация принципа системности развития, красной нитью проходящего через всю данную работу, требует проникновения инновационных процессов и в отраслевые, и в межотраслевые, и в региональные, и в межрегиональные мезоэкономические системы. Следует упомянуть также и вклад в теорию мезоэкономики. Здесь обращает на себя внимание и общая системная платформа, на которой базируется анализ, и ряд конкретных моделей, в частности новая модель вертикальной интеграции субъектов, приводящей к формированию мезоэкономических систем.

При знакомстве с содержанием весьма насыщенной монографии возникает вопрос: насколько оправдан выбор представленных в книге мезоэкономических систем? Почему в книге не представлено машиностроение, сельское хозяйство, связь и многие другие отрасли? Ответ, думаю, определялся не только специализацией авторов работы или ограничениями по объему. И нефтехимия, и до-

быча нефтяного попутного газа, и алмазо-бриллиантовый и другие рассматриваемые в работе комплексы (может быть, кроме ЖКХ), представляются весьма важными и перспективными для дальнейшего развития экономики России. Авторы убедительно доказывают это на страницах книги, что и оправдывает объединение соответствующих тем под обложкой книги «Мезоэкономика развития». Каждая из рассматриваемых систем имеет высокий внешнеторговый потенциал, а все они вместе в качестве лидеров модернизации способны стать основой перспективного движения российской экономики.

Надо отметить, что основная часть авторов книги не первый раз обращается к данной теме. Ровно 10 лет назад мне уже доводилось приветствовать выход книги «Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия» (М.: Наука, 2001)² – первой в России научной монографии по мезоэкономике. С тех пор мезоэкономика и в теоретическом, и в прикладном смысле ушла далеко вперед, было опубликовано множество статей на данную тему, однако сколько-нибудь значительной обобщающей пройденный опыт новой книги на эту тему, кажется, так и не появилось. Есть основания думать, что это не случайно. Экономические проблемы регионов, отраслей, комплексов изучаются изолированно, а общие черты экономики этих подразделений народного хозяйства часто упускаются из виду. Между тем все эти образования относятся к числу экономических систем промежуточного уровня, и для того чтобы изучать их общие, единичные и особенные черты, необходимо опираться на достаточно прочный фундамент – системный анализ. Именно такой подход принят в рецензируемой монографии, и именно он, как мне представляется, является залогом авторской удачи.

² *Петраков Н.Я.* Рецензия на книгу «Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия» (Под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2001, 516 с.) // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72. Вып. 6. С. 559–561.

Системный подход, реализованный в книге, позволяет выделить характерные черты мезоэкономических систем. В отличие от фирм, цели мезоэкономических систем не сводятся только к максимизации прибыли, но должны учитывать и интересы народного хозяйства. Например, главной целью «Газпрома» должна быть не просто максимизация дивидендов его акционеров, а обеспечение потребностей экономики в источниках энергии.

Из двух главных отношений между экономическими субъектами – конкуренции и кооперации для мезоэкономических субъектов более важное значение имеет кооперация. Можно ли всерьез говорить о конкуренции, скажем, нефтехимического комплекса, которому в книге посвящена весьма содержательная глава, и какой-либо из естественных монополий, скажем, транспортной? То же самое относится, хотя, может быть, и не в такой степени, как к отраслям, и к взаимоотношениям между регионами. Хорошо известно, к каким негативным последствиям приводило товарное «замыкание» регионов, концентрация территорий исключительно на собственных потребностях. И уж совсем бессмысленно говорить о регионально-отраслевой конкуренции, т.е. противостоянии руководства отраслевых или подотраслевых общероссийских компаний и руководства регионов. К слову сказать, проблема взаимодействия отраслевой и региональной структур управления экономикой сопровождается практически всю историю развития отечественной экономики, начиная с советского периода, включая период перестройки и кончая сегодняшним днем. Может быть, только во время Великой Отечественной войны противоречия между отраслевым и региональным руководством были практически сняты.

Хотелось бы отметить еще один аспект актуальности данной монографии. Мезоэкономика, как и экономика в целом, может рассматриваться в теоретическом, политическом, целевом и практическом аспектах. Среди этих направлений, каждое из которых в той или иной степени затрагивается в книге, мне хотелось бы выделить значение мезоэкономи-

ческой политики, придав ему расширенное звучание. Мезоэкономическая политика – это не просто экономическая политика по отношению к развитию отраслей, регионов, вертикально-интегрированных комплексов, но и экономическая политика, нацеленная на выбор устойчивого и сбалансированного развития всей российской экономики. Исходной точкой, а зачастую и ориентиром такой политики как раз и должны быть объекты мезоэкономического уровня. Иными словами: мезоориентация экономической политики позволит обеспечить развитие экономики в целом.

В книге такого объема и охвата не может не быть недостатков. Назову два из них. Основной структурный недостаток, на мой взгляд, связан с почти полным отсутствием в книге анализа мезоэкономических проектов (в частности, национальных проектов периода 2006–2008 гг.). Это слабо согласуется с тем, что в первой главе справедливо говорится о проектных мезоэкономических системах как об одном из четырех равноправных классов экономических систем. Вторым существенным недостатком является отсутствие свежих статистических данных по многим конкретным отраслям экономики. Соответствующие пробелы могут быть относительно легко устранены, и можно надеяться, что в следующем издании это будет сделано.

В нашей стране слишком хорошо известно, что такое *революционная экономика*. Нашему поколению известна и многолетняя *экономика застоя*. За последние 20 лет успели мы почувствовать на себе «прелести» и экономики спада, или *инволюционной экономики*. Светлой мечтой по-прежнему остается только *эволюционная экономика* – экономика последовательного устойчивого развития. Становление такой экономики неразрывно связано с развитием мезоэкономики как науки о «промежуточных» экономических системах. Монография «Мезоэкономика развития» представляет собой, на мой взгляд, существенный вклад в эту науку и значимую веху на пути России к эволюционной экономике.

ЮБИЛЕИ АКАДЕМИКУ
АЛЕКСАНДРУ ДМИТРИЕВИЧУ
НЕКИПЕЛОВУ – 60 ЛЕТ

16 ноября 2011 г. члену редакционного совета нашего журнала, видному российскому экономисту, вице-президенту Российской академии наук, Александру Дмитриевичу Некипелову исполнилось 60 лет.

После окончания в 1973 г. экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по специальности «политическая экономия» А.Д. Некипелов начал свой путь в науке в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, который позднее был преобразован в Институт международных экономических и политических исследований РАН. Проработав в этом институте с некоторыми перерывами более двадцати лет, он прошел путь от молодого специалиста до директора Института (1998).

В 1976 г. он защитил кандидатскую, а в 1989 г. – докторскую диссертацию по экономическим наукам. В 1997 г. Александра Дмитриевича избрали действительным членом РАН по Отделению общественных наук, а в 2001 г. он стал вице-президентом РАН.

Александр Дмитриевич является признанным специалистом в области сравнительных исследований и теории функционирования экономических систем, автором свыше 200 научных публикаций, в том числе ряда монографий. В 1994 г. А.Д. Некипелов стал одним из основателей российско-американской Группы экономических преобразований, которая сыграла важную роль в критике экономической политики, основанной на принципах «Вашингтонского консенсуса», и разработке альтернативного подхода к системной трансформации экономики. Позднее, в конце девяностых, основным объектом исследований А.Д. Некипелова становятся проблемы теоретического обоснования реформ в России.

Свои научные фундаментальные знания и богатый опыт А.Д. Некипелов стремится передать молодым, начинающим экономистам-исследователям. Так, в значительной мере благодаря его усилиям в 2004 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова открывается новый факультет – Московская школа экономики, которую он возглавляет и в которую ему удалось привлечь в качестве преподавателей ведущих ученых-экономистов. Академик А.Д. Некипелов и сам продолжает активную преподавательскую деятельность, читая курсы лекций по экономической теории в Московской школе экономики и ряде других московских университетов.

Академик А.Д. Некипелов ведет обширную научно-организационную работу, являясь членом научного совета при Совете Безопасности РФ, Председателем Совета директоров ОАО НК «Роснефть», Председателем Комиссии Президиума РАН по правомерному, целевому и эффективному использованию финансовых ресурсов РАН, Председателем Научного совета РАН по проблемам развития стран СНГ.

За свою разностороннюю деятельность он награжден государственными наградами – медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени и орденом Почета.

Свой юбилей Александр Дмитриевич встречает в расцвете творческих сил, занимая высокое положение в науке и в обществе и оставаясь при этом необычайно скромным, доброжелательным и во всех смыслах интеллигентным человеком.

Редакционная коллегия и редакционный совет журнала «Экономическая наука современной России» сердечно поздравляют Александра Дмитриевича с юбилеем и желают ему здоровья, долгих лет жизни и успехов в его многогранной научной, организаторской и педагогической деятельности!

*Редакционная коллегия
и редакционный совет журнала*

АКАДЕМИКУ НИКОЛАЮ ЯКОВЛЕВИЧУ ПЕТРАКОВУ – 75 ЛЕТ

1 марта 2012 г. академику РАН Николаю Яковлевичу Петракову исполняется 75 лет.

Н.Я. Петраков – известный советский и российский ученый-экономист. Он родился в Москве. В 1959 г. Николай Яковлевич окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1959 по 1961 гг. работал в Научно-исследовательском институте технико-экономических исследований Госхимкомитета СССР, а с 1961 по 1965 гг. в Научно-исследовательском экономическом институте Госплана СССР. В 1965 г. по приглашению члена-корреспондента РАН Н.П. Федоренко он перешел в Центральный экономико-математический институт АН СССР, где проработал до 1990 г., пройдя путь от старшего научного сотрудника до заместителя директора института по научной работе. В январе 1990 г. Николай Яковлевич переходит на работу в Управление Делами ЦК КПСС, где работал помощником Генерального секретаря по экономическим вопросам, а с апреля этого же года – помощником Президента СССР по экономике в Управлении делами аппарата Президента СССР. Все это время он не оставляет академическую науку. В 1991 г. он возглавил Институт проблем рынка АН СССР, который и по настоящее время является директором.

В 1990-е гг. он избирался народным депутатом Государственной Думы Федерального собрания РФ первого созыва (1993–1995). В Государственной Думе он входил во фракцию «Яблоко» и был членом Комитета по бюджету, налогам, банкам и финансам.

В 1963 г. Николай Яковлевич защитил кандидатскую, а в 1971 г. – докторскую диссертацию. В 1972 г. ему присвоено ученое звание профессора. В 1984 г. он избран

Свои научные фундаментальные знания и богатый опыт А.Д. Некипелов стремится передать молодым, начинающим экономистам-исследователям. Так, в значительной мере благодаря его усилиям в 2004 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова открывается новый факультет – Московская школа экономики, которую он возглавляет и в которую ему удалось привлечь в качестве преподавателей ведущих ученых-экономистов. Академик А.Д. Некипелов и сам продолжает активную преподавательскую деятельность, читая курсы лекций по экономической теории в Московской школе экономики и ряде других московских университетов.

Академик А.Д. Некипелов ведет обширную научно-организационную работу, являясь членом научного совета при Совете Безопасности РФ, Председателем Совета директоров ОАО НК «Роснефть», Председателем Комиссии Президиума РАН по правомерному, целевому и эффективному использованию финансовых ресурсов РАН, Председателем Научного совета РАН по проблемам развития стран СНГ.

За свою разностороннюю деятельность он награжден государственными наградами – медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени и орденом Почета.

Свой юбилей Александр Дмитриевич встречает в расцвете творческих сил, занимая высокое положение в науке и в обществе и оставаясь при этом необычайно скромным, доброжелательным и во всех смыслах интеллигентным человеком.

Редакционная коллегия и редакционный совет журнала «Экономическая наука современной России» сердечно поздравляют Александра Дмитриевича с юбилеем и желают ему здоровья, долгих лет жизни и успехов в его многогранной научной, организаторской и педагогической деятельности!

*Редакционная коллегия
и редакционный совет журнала*

АКАДЕМИКУ НИКОЛАЮ ЯКОВЛЕВИЧУ ПЕТРАКОВУ – 75 ЛЕТ

1 марта 2012 г. академику РАН Николаю Яковлевичу Петракову исполняется 75 лет.

Н.Я. Петраков – известный советский и российский ученый-экономист. Он родился в Москве. В 1959 г. Николай Яковлевич окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1959 по 1961 гг. работал в Научно-исследовательском институте технико-экономических исследований Госхимкомитета СССР, а с 1961 по 1965 гг. в Научно-исследовательском экономическом институте Госплана СССР. В 1965 г. по приглашению члена-корреспондента РАН Н.П. Федоренко он перешел в Центральный экономико-математический институт АН СССР, где проработал до 1990 г., пройдя путь от старшего научного сотрудника до заместителя директора института по научной работе. В январе 1990 г. Николай Яковлевич переходит на работу в Управление Делами ЦК КПСС, где работал помощником Генерального секретаря по экономическим вопросам, а с апреля этого же года – помощником Президента СССР по экономике в Управлении делами аппарата Президента СССР. Все это время он не оставляет академическую науку. В 1991 г. он возглавил Институт проблем рынка АН СССР, который и по настоящее время является директором.

В 1990-е гг. он избирался народным депутатом Государственной Думы Федерального собрания РФ первого созыва (1993–1995). В Государственной Думе он входил во фракцию «Яблоко» и был членом Комитета по бюджету, налогам, банкам и финансам.

В 1963 г. Николай Яковлевич защитил кандидатскую, а в 1971 г. – докторскую диссертацию. В 1972 г. ему присвоено ученое звание профессора. В 1984 г. он избран

членом-корреспондентом АН СССР, а в 1990 г. – академиком АН СССР.

Основными направлениями его научной деятельности являются: экономико-математическое моделирование процессов ценообразования, разработка рыночных и механизмов управления экономикой, теория и методы реализации экономической политики в рыночных условиях хозяйствования.

В последнее время под его руководством и при непосредственном участии ведутся исследования макроэкономических проблем инновационного развития, минимизации последствий мировых финансовых кризисов для национальной экономики, развития интеграционных связей России со странами постсоветского пространства, модернизации отраслей экономики и обеспечения экономической безопасности страны. Многие результаты его исследований нашли применение в подготовке конструктивных предложений для Правительства и Федерального собрания Российской Федерации, ряда министерств и ведомств России, органов управления ЕврАзЭС.

Николай Яковлевич является автором более 300 научных работ, среди которых более 15 монографий. Последние результаты его научных исследований и разработок нашли отражение в коллективных монографиях: «Россия в глобализирующемся мире: модернизация российской экономики» (М.: Наука, 2007), «Экономические системы: кибернетическая природа развития, рыночные методы управления, координация хозяйственной деятельности корпораций» (М.: ИНФРА-М, 2008), «Модернизация и экономическая безопасность России: Т. 1» (М.: Финансы и Кредит, 2009), «Аналитические доклады победителей конкурса «Россия в условиях мирового кризиса» (М.: РГНФ, Языки славянских культур, 2009), «Проблемы развития рыночной экономики» (М.: ЦЭМИ РАН, 2011), «Модернизация и экономическая безопасность России: Т. 2» (М., СПб: Нестор-История, 2011), а также в более чем 30 публикациях в периодической печати.

Одновременно Николай Яковлевич ведет большую научно-организационную работу. Участвует в работе комитетов и комиссий законодательных и исполнительных органов России, научных и культурных центров и учреждений, редакционных коллегий журналов, оргкомитетов различных конференций. Является действительным членом Международной академии информатики и Российской академии естественных наук, заместителем академика-секретаря и руководителем секции экономики Отделения общественных наук РАН, членом Научного совета безопасности России, экспертно-консультационного совета Счетной палаты РФ, Объединенного научно-экспертного совета РАН и Правительства г. Москвы по устойчивому развитию и безопасности московского мегаполиса.

Н.Я. Петраков уже многие годы ведет активную преподавательскую деятельность. В настоящее время возглавляет кафедру проблем развития рыночной экономики Государственного университета управления и кафедру экономической политики философского факультета Московского университета имени М.В. Ломоносова, является профессором кафедры экономической теории Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова. Много сил и времени уделяет подготовке научных кадров высшей квалификации, создав широко известную в научных кругах школу экономистов. Подготовил более 25 кандидатов и докторов наук. Возглавляет работу Диссертационного совета ИПР РАН.

Вклад академика Н.Я. Петракова в развитие российской экономической науки и подготовку высококвалифицированных специалистов отмечен правительственными наградами, в том числе: орденом «Знак Почета» (1987), орденом Почета (1998), медали: «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «За трудовую доблесть» (1975), «Ветеран труда» (1987), «В память 850-летия Москвы» (1997), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2008).

Коллектив редакции и редколлегия журнала «Экономическая наука современной России» искренне поздравляет Николая Яковлевича с замечательным Юбилеем и желает здоровья, благополучия и долгих лет жизни.

*Редакционная коллегия
и редакционный совет журнала*

ГАРРИ ГАЙКОВИЧУ АЗГАЛЬДОВУ – 80 ЛЕТ

Г.Г. Азгальдов окончил Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева в 1956 г. по специальности «военный инженер-строитель необоронительного профиля» и в течение 10 лет работал на различных объектах военного строительства. С 1969 по 1989 гг. работал на различных должностях (от преподавателя до начальника кафедры «Экономики и организации строительства») в той же военной академии.

С 1989 г. по настоящее время Азгальдов Г.Г. работает главным научным сотрудником лаборатории «Анализа эффективности инвестиционных проектов» ЦЭМИ.

Гарри Гайкович является одним из авторов утвержденных методических рекомендаций по оценке экономической эффективности инвестиционных проектов. Г.Г. Азгальдов занимается классификацией подходов к количественному учету интеллектуальной собственности в экономических расчетах, связанных с анализом эффективности инвестиционных проектов. Им обоснована необходимость использования инструментария квалиметрии для выбора эффективных стратегий, методов квантификации интеллектуальной собственности. Азгальдов Г.Г. – инициатор создания дисциплины «квалиметрия» и введения в 1968 г. в СССР этого термина в научный оборот. По определению Азгальдова Г.Г., квалиметрия – научная область, в рамках которой изучаются методология и проблематика комплексного количественного оценивания качества объектов любой природы. По мнению Гарри Гайковича, за последние 50 лет квалиметрия является единственной из научных дисциплин, которая пришла на Запад из России, а не наоборот.

Основные направления исследований:

- теоретические проблемы, связанные с повышением точности построения квали-

Коллектив редакции и редколлегия журнала «Экономическая наука современной России» искренне поздравляет Николая Яковлевича с замечательным Юбилеем и желает здоровья, благополучия и долгих лет жизни.

*Редакционная коллегия
и редакционный совет журнала*

ГАРРИ ГАЙКОВИЧУ АЗГАЛЬДОВУ – 80 ЛЕТ

Г.Г. Азгальдов окончил Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева в 1956 г. по специальности «военный инженер-строитель необоронительного профиля» и в течение 10 лет работал на различных объектах военного строительства. С 1969 по 1989 гг. работал на различных должностях (от преподавателя до начальника кафедры «Экономики и организации строительства») в той же военной академии.

С 1989 г. по настоящее время Азгальдов Г.Г. работает главным научным сотрудником лаборатории «Анализа эффективности инвестиционных проектов» ЦЭМИ.

Гарри Гайкович является одним из авторов утвержденных методических рекомендаций по оценке экономической эффективности инвестиционных проектов. Г.Г. Азгальдов занимается классификацией подходов к количественному учету интеллектуальной собственности в экономических расчетах, связанных с анализом эффективности инвестиционных проектов. Им обоснована необходимость использования инструментария квалиметрии для выбора эффективных стратегий, методов квантификации интеллектуальной собственности. Азгальдов Г.Г. – инициатор создания дисциплины «квалиметрия» и введения в 1968 г. в СССР этого термина в научный оборот. По определению Азгальдова Г.Г., квалиметрия – научная область, в рамках которой изучаются методология и проблематика комплексного количественного оценивания качества объектов любой природы. По мнению Гарри Гайковича, за последние 50 лет квалиметрия является единственной из научных дисциплин, которая пришла на Запад из России, а не наоборот.

Основные направления исследований:

- теоретические проблемы, связанные с повышением точности построения квали-

метрических моделей и прикладные процессы, связанные с расширением области применения квалиметрии в сфере производства, транспорта, высшего образования, оборонной техники, строительства и архитектуры;

- разрабатываются предложения по совершенствованию экономико-математических моделей оценки интеллектуальной собственности и введению в хозяйственный оборот количественных оценок нематериальных активов и, в том числе, интеллектуальной собственности;

- теоретические и методологические проблемы стратегического планирования в условиях рыночной экономики.

Гарри Гайкович имеет два изобретения, свыше 350 опубликованных научных работ, 10 монографий, 20 учебно-методических пособий.

Азгальдов Гарри Гайкович – доктор экономических наук (1983), профессор (1985) читал лекции по курсу «Оценка интеллектуальной собственности» в Международной академии оценки и консалтинга, в Финансовой академии при Правительстве РФ, в Институте недвижимости при Московском государственном строительном университете, был основным преподавателем по курсу «Квалиметрия» в МАИ и МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Гарри Гайкович и сегодня остается на переднем рубеже научных достижений, им подготовлены ряд предложений в Правительство РФ по составлению рейтинга инвестиционной привлекательности регионов и методическому обеспечению системы рейтингования (инвестиционной привлекательности, стратегичности, инновационности) различных объектов.

Азгальдова Г.Г. – действительный член Международной гильдии профессионалов качества, участвует и в международных проектах.

Г.Г. Азгальдов пользуется большим авторитетом и широким признанием у экономистов-профессионалов, является действительным членом Международной академии информатизации (руководитель отделе-

ния социально-экономических измерений), Международной академии исследования будущего и прогнозирования, Академии естественных наук, Академии проблем качества (руководитель отделения «Квалиметрия»), Академии экономических наук и предпринимательской деятельности.

Желаем Вам, дорогой Гарри Гайкович, крепкого здоровья, любви близких и преданных друзей, дальнейших успехов в науке.

*Редакционная коллегия
и редакционный совет журнала*